

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

ОЧЕРКИ
ПО ДИАХРОНИЧЕСКОЙ
ФОНОЛОГИИ
СКАНДИНАВСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1966

7МД 6/9
с 790

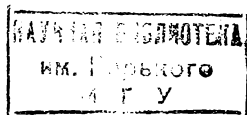
Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Книга является теоретическим исследованием в области звуковых изменений и конкретным исследованием по истории скандинавских языков. Основные проблемы диахронической фонологии, т. е. фонологической теории звуковых изменений, как-то: сущность звуковых изменений, их типы, механизмы, характер их протекания, их причины и т. д. — рассматриваются в книге на конкретном материале исландского, норвежского, шведского и датского языков.

Книга представляет интерес для всех интересующихся теоретическими вопросами исторического языкознания.

А-Р №164-73

кнр 94

5917-13-87 / а/р 69-84

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как происходят в языке звуковые изменения?—вопрос, который занимал меня в течение последнего десятилетия и многих лингвистов до меня. В сущности это самый общий и основной вопрос исторического языкознания. Но общее познается через частное. С какой стороны я ни подходил к вопросу, я упирался в конкретные звуковые изменения конкретных языков, т. е., конечно, языков моей специальности, а именно скандинавских и особенно исландского, самого самобытного из них. Так возникли эти очерки.

Все эти очерки были опубликованы раньше в различных советских и зарубежных изданиях. За десять лет изменилась моя концепция звуковых изменений и появилась новая литература о них. Поэтому старые статьи в большей или меньшей степени переделаны. Вводный очерк написан последним.

Я не льщу себя надеждой, что положения, которые я выдвигаю в своих очерках, покажутся другим лингвистам верными или оригинальными. Впрочем, положения одного ученого обычно кажутся другим ученым либо неверными и абсурдными (если они не совпадают со взглядами этих ученых), либо самоочевидными и неоригинальными (если они совпадают со взглядами этих ученых). А третьей возможности и нет.

Благодарю как тех, кто согласится с моими положениями, так и тех, кто с ними не согласится.

К ТЕОРИИ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

«Буквенные переходы», приведенные в 1818 г. Расмусом Раском в его знаменитом «Исследовании о происхождении древнего северного или исландского языка»¹ и получившие впоследствии название германского передвижения согласных, были первым звуковым изменением, которое стало известным науке. С открытием звуковых изменений возникла новая область науки — историческое языкознание. То, что первым звуковым изменением, которое стало известным науке, было германское передвижение согласных, не обусловлено природой именно этого звукового изменения. Хотя оно и впоследствии очень много привлекало к себе внимание исследователей, никак нельзя сказать, что оно наиболее типичное из всех известных звуковых изменений. Но то, что историческое языкознание возникло с открытием звуковых изменений, что расцвет исторического языкознания в XIX в. был расцветом исторической фонетики, т. е. науки о звуковых изменениях, что изучение звуковых изменений всегда было основной и ведущей областью исторического языкознания, — это, несомненно, обусловлено природой звуковых изменений вообще. Звуковые изменения — это наиболее типичные языковые изменения. Изменчивость языка, то, что он не может не иметь истории, всего очевиднее проявляется в звуковых изменениях и особенно в тех, которые находят отражение в письме.

Под «буквами» Раск понимал, если верить Бьеррум, «различающиеся между собой элементы языкового выражения, которые отчасти могут писаться определенным образом, отчасти произносятся определенным образом»,² т. е. в сущности нечто более близ-

¹ R. Rask. Undersøgelse om Det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse. Udvalgte Afhandlinger, I. København, 1932, стр. 188.

² M. Bjerrum. Rasmus Rasks afhandlinger om det danske sprog. København, 1959, стр. 58.

кое к фонемам в современном понимании, чем звуки в понимании классической фонетики, т. е. бесконечное число конкретных звуков речи и их слуховых ощущений и мнемонических образов, индивидуальных артикуляций и их моторных ощущений. А под «переходами» Раск понимал то, что в сравнительном языкознании называется соответствиями. Следовательно, его «буквенные переходы» были фонемными соответствиями между родственными языками, и он констатировал не звуковые изменения сами по себе, а только результаты определенного типа звуковых изменений, а именно — дивергентных изменений в родственных языках. Современная наука и в этом отношении ушла не так уж далеко от Раска. Звуковые изменения и до сих пор констатируются, как правило, по их результатам. Можно сказать вообще, что, как ни велик был тот прогресс, который имел место со времен Раска в изучении звуковых изменений, он едва ли может сравниться по своему значению с тем колоссальным прогрессом, каким было открытие звуковых изменений и возникновение исторического языкознания. Историческая точка зрения возникала тогда во всех науках, и даже не только в науках, но и в искусстве, как об этом свидетельствует возникновение исторического романа в ту эпоху. Открытие звуковых изменений и возникновение исторического языкознания было, таким образом, одним из проявлений сдвига в истории человеческой мысли, не многим менее крупного, чем тот, который в свое время привел к возникновению науки как формы общественного сознания.

Знаменитая соссюровская антиномия не была открытием синхронической и диахронической точек зрения в языкознании. Возникновение исторического языкознания неизбежно должно было привести к обособлению синхронической и диахронической точек зрения. Развитие синхронического языкознания в XIX и XX вв. было неизбежным следствием развития диахронического языкознания. Значение соссюровской антиномии в том, что она была первой попыткой вскрыть специфику синхронической и диахронической точек зрения в языкознании. Однако в эпоху Сосюра диахроническое языкознание было представлено в основном исторической фонетикой, т. е. наукой, занимавшейся исключительно частными фактами, которые «системе не только чужды, но и сами изолированы и между собой не образуют системы».³ Говоря о диахроническом языкознании, Сосюр говорил в сущности о традиционной исторической фонетике, и это было совершенно закономерно. Но также закономерно было то, что уже в первом структуралистском манифесте соссюровская формулировка была отвергнута. «Антиномия синхронической фонологии и диахронической фонетики, — говорилось в нем, — окажется снятой с того момента, когда фонетические изменения будут рассматриваться в их зависимости от фонологической системы, которая их пре-

³ Ф. де Сосюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 99.

терпевает».⁴ Так возникла диахроническая фонология, т. е. наука, рассматривающая звуковые изменения с фонологической точки зрения. Отождествление диахронического языкознания с традиционной исторической фонетикой стало анахронизмом.

Развитие науки подразумевает дифференциацию ее различных областей и их противопоставление друг другу. Ужас по поводу того, что Соссюр «оторвал синхронию от диахронии», долго владевший нашими лингвистами, был одним из проявлений отставания нашего языкознания, замедленной дифференциации синхронического и диахронического языкознания. В период марризма историческая фонетика была у нас фактически ликвидирована как наука «формалистическая» и, следовательно, «буржуазная», а диахроническая фонология не получила признания как наука «структуралистская» и, следовательно, тоже «буржуазная». В первое время после 1950 г. диахроническое языкознание сводилось в основном к догматическому повторению общих фраз о пресловутых «внутренних законах развития языка». Недостаток соссюровской антиномии не в том, что она «оторвала синхронию от диахронии», а в том, что с возникновением фонологии этот «отрыв» уже не соответствовал состоянию синхронического и диахронического языкознания, т. е. был недостаточным.

Синхроническое исследование никогда не имеет своей предпосылкой диахроническое исследование. Мало того, всякое синхроническое исследование подразумевает отвлечение от того, что не является состоянием языка, т. е. от диахронии. Неудивительно поэтому, что развитие синхронического языкознания влечет за собой оттеснение диахронического языкознания на второй план, а последовательное проведение синхронической точки зрения в языкознании может привести к полному отрицанию диахронического языкознания. Примером этому может служить отношение к диахроническому языкознанию глоссематики и ее разновидностей, а также дескриптивной лингвистики в некоторых ее проявлениях.

Между тем диахроническое языкознание стоит в совершенно другом отношении к синхроническому языкознанию. Всякое диахроническое исследование подразумевает существование синхронных срезов и их сравнение. Другими словами, диахроническая точка зрения подразумевает синхроническую как первую ступень исследования, как свою необходимую предпосылку.⁵ Та-

⁴ Actes du Premier congrès international de linguistique à La Haye, du 10—15 avril 1928. Leiden, стр. 33.

⁵ «При синхронном исследовании определенного „состояния языка“, — говорит Косериу, — невозможно одновременно рассматривать другие состояния и смешивать в одном моменте целый ряд моментов истории языка; это может привести к логически не связному и хаотическому описанию. Диахрония, напротив, не может игнорировать синхронию или точнее „синхронии“ — бесчисленные „состояния языка“, упорядоченные по так называемой „оси последовательностей“» (Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история. В кн.: Новое в лингвистике, 3. М., 1963, стр. 341).

ким образом, синхроническая точка зрения возможна и там, где она не сопоставлена с диахронической; напротив, диахроническая точка зрения возможна только там, где она сопоставлена с синхронической. В известном смысле современное синхроническое языкознание — это возвращение к пониманию языка, существовавшему до возникновения исторического языкознания. Не случайно находят сходство между современным синхроническим языкознанием и древнеиндийской грамматикой.⁶

Отсюда следует, что синхроническое языкознание по сравнению с диахроническим в известном смысле односторонне. Если оно последовательно, оно отвлекается от очень существенного свойства языка — от его изменчивости, от того, что он существует во времени. Тем самым оно схематизирует язык и уподобляет его математическому объекту. Синхроническое языкознание изучает статические связи между языковыми элементами, т. е. те связи, наличие которых делает язык «системой» в наиболее широком смысле этого неясного слова. Однако в языке существуют и более сложные связи, а именно связи языковых изменений между собой и с различными внутренними и внешними факторами, т. е. те динамические связи, которые не только создают, но и разрушают то, что принято называть «системой». Поэтому, если для современного синхронического языкознания лозунгом является «язык есть система», то для современного диахронического языкознания лозунгом должно бы быть «язык — это и система, и не система».

Развитие синхронического языкознания может приводить не только к оттеснению диахронического языкознания на второй план или к его отрицанию, но также и к его подмене синхроническим языкознанием. Так, история звуковых изменений может быть сведена (и в некоторых работах так и делается) к ряду последовательных синхронных описаний системы фонем данного языка. Но синхронные срезы, относящиеся к разным периодам одного языка, — это синхроническое языкознание. Различие в методе получения материала — непосредственное наблюдение, свидетельства современников, анализ текстов и т. д. — в принципе не влечет за собой различия в методе описания материала. Идет ли речь о языке древнем или современном, языке десятого или двадцатого века, метод описания может быть тем же. Синхронное описание современного языка не отличается в принципе от синхронного описания его прошлого состояния хотя бы уже потому, что сама граница между современным и прошлым состоянием языка условна. То, что было его современным состоянием, когда собирался материал, могло стать его прошлым со-

⁶ См., например: В. Н. Топоров. О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков. «Краткие сообщения Института народов Азии», 57. Сборник памяти Ю. Н. Рериха. М., 1961; В. Collinder. *Les origines du structuralisme*. Stockholm, 1962.

стоянием, когда этот материал был опубликован. Таким образом, если история языка ограничивается описанием последовательных синхронных срезов, она — синхроническое языкознание. Изучение звуковых изменений — наука диахроническая только в том случае, если описание синхронных срезов не самоцель, а предпосылка для изучения самих звуковых изменений и их связей.

Специфика синхронической точки зрения особенно отчетливо проявляется в тех случаях, когда история звуковых изменений сводится к ряду строго симметричных схем, изображающих последовательные этапы развития системы фонем данного языка. Предполагается как бы, что с каждым изменением состава фонем происходит автоматическая перестройка всей системы в направлении новой симметрии. Изменение системы фонем происходит как бы абсолютно «правильно», в результате действия некой структурной тенденции, которая не встречает никакого сопротивления и всегда достигает своего предела, т. е. заполнения всех мыслимых «пустых клеток» и строго симметричного расположения фонем. Концепция такого симметричного развития очень соблазнительна своей простотой. Строить симметричные фонологические схемы в сущности легче, чем решать кроссворды, так как, если добиваться только симметрии, то количество фонологических схем, которые можно построить, неограниченно, между тем кроссворд обычно имеет только одно решение. Многие занимавшиеся диахронической фонологией следовали концепции симметричного развития.⁷

Однако симметрия и простота характерны для фонологических схем в основном постольку, поскольку в этих схемах предел, в направлении к которому должно было бы идти развитие, если бы оно было абсолютно «правильным» и не встречало никакого сопротивления, принимается за достигнутое. В действительности такой предел никогда не достигается. Симметрия в системе фонем не только все время создается, но и все время разрушается, т. е. фактически никогда не бывает полной.

Но если, с одной стороны, синхроническая фонология отесняет и подменяет диахроническую, то, с другой стороны, диахроническая фонология обязана синхронической своей основой, а именно — представлениями о фонеме и ее аллофонах (или комбинаторных вариантах); и основное, что дало применение фонологической точки зрения к звуковым изменениям, — это различение аллофонных (или субфонемных) и фонемных изменений, а в последних — синтагматических и парадигматических изменений.

Аллофонное изменение — это изменение в реализации фонемы, или изменение аллофона этой фонемы. В зародыше понятие ал-

⁷ См., например: M. I. Steblin-Kamenskij. A Contribution to the History of the Old Icelandic Vowel System. «Philologica Pragensia», 1, 1958, 3, стр. 76—80.

лофонных изменений есть уже у Бодуэна в его «дивергенциях».⁸ В более развитой форме оно есть у Поливанова.⁹ С возникновением фонологии оно встречается у многих авторов, хотя эти изменения по-разному называются (то «внефонологическими»,¹⁰ то «фоническими»,¹¹ то «фонетическими» и т. д.) или вообще никак не называются. Аллофонное изменение — это, конечно, совсем не то же самое, что аллофоническое варьирование фонемы, или варьирование в реализации фонемы в зависимости от ее положения в синтагматической цепи, т. е. наличие у нее аллофонов. Аллофонное изменение — это изменение в аллофоническом варьировании фонемы, появление у нее нового аллофона или исчезновение старого. Аллофоническое варьирование фонемы — это явление синхронии. Аллофонное изменение — явление диахронии.

Аллофонное изменение — это всегда физическое изменение звука речи. Как правило, оно предшествует фонемному изменению. В ряде случаев оно необходимая предпосылка этого изменения. Например, когда аллофон фонемы в силу определенных условий становится самостоятельной фонемой. В этом случае именно аллофонное, а не фонемное изменение является физическим изменением звука речи. Тем не менее аллофонное изменение, как правило, не находит никакого отражения в письме. Дело в том, что оно никогда не осознается говорящими, так же как никогда не осознается ими и само наличие аллофонов. И поскольку традиционная историческая фонетика занималась исключительно теми звуковыми изменениями, отражения которых прослеживаются в текстах, аллофонные изменения она в сущности вообще игнорировала.

Правда, сложившееся еще в прошлом веке представление о том, что звуковое изменение постепенно и проходит бесконечное число промежуточных стадий, как будто близко к представлению об аллофонном изменении в диахронической фонологии. Но в том-то и дело, что с фонетической точки зрения постепенны звуковые изменения вообще (за некоторыми исключениями). Между тем с фонологической точки зрения постепенным может

⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт теории фонетических альтернатив. Избранные труды по общему языкознанию, I. М., 1963, стр. 295 и сл.

⁹ Ср.: «Изменения, происходящие внутри одного элемента из системы фонетических представлений, например внутри одного звука языка, и постигающие, следовательно, его качество: состав присущих ему звуко-производных работ и акустический их эффект, но не касающиеся других элементов и не изменяющие самое систему фонетических представлений, т. е. не уменьшающие и не увеличивающие число элементов этой системы. . .» (Е. Д. Поливанов. Фонетические конвергенции. «Вопросы языкознания», 1957, 3, стр. 77 — впервые опубликовано в 1923 г. в «Сборнике Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта»).

¹⁰ R. Jakobson. Prinzipien der historischen Phonologie. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931, стр. 249.

¹¹ E. Dieth. Vademekum der Phonetik. Bern, 1950, стр. 257; ср.: A. Hill. Phonetic and Phonemic Change. «Language», 12, 1936, 1, стр. 17.

быть только аллофонное изменение (но, по-видимому, и в этом случае постепенность необязательна). Что же касается фонемного изменения, то, поскольку фонемы — дискретные единицы, оно подразумевает качественный скачок от одной фонемы к другой. Другими словами: ни в какой момент своего существования фонема не может быть чем-то промежуточным между двумя фонемами. Это, однако, не значит, что фонемное изменение представляет собой мгновенный и единичный акт. Наоборот, это значит, что фонемное изменение должно состоять из бесчисленных единичных актов и продолжаться известное (иногда очень долгое) время. В продолжение этого времени должно иметь место колебание между двумя фонемами. Так, когда фонема сливается парадигматически с другой фонемой, т. е. перестает существовать как самостоятельная единица, эта сливающаяся фонема становится факультативной: в одном и том же слове она то замещается фонемой, с которой она сливается, то остается незамещенной. Только когда первый случай берет верх, сливающаяся фонема исчезает и слияние завершается. В продолжение этого процесса сливающаяся фонема становится так сказать двуликой, т. е. фонемой /x/y/, где x — сливающаяся фонема, а y — фонема, с которой она сливается. [x] — это факультативный вариант двуликой фонемы, тогда как [y] — и ее другой факультативный вариант, и самостоятельная фонема. Таким образом, противопоставление между [x] и [y] в продолжение данного процесса очень специфично (ср. стр. 74).

Таким образом фонологическая точка зрения на постепенность звукового изменения существенно отличается от фонетической точки зрения на нее. С фонетической точки зрения утверждалось, например, что умляут в германских языках был длительным постепенным изменением, имевшим ряд промежуточных ступеней.¹² Между тем с фонологической точки зрения возникновение умляутных фонем из умляутных аллофонов было процессом скачкообразным, не исключающим, впрочем, колебания между двумя фонемами. Именно процесс возникновения умляутных фонем нашел отражение в письме, хотя в сущности он не был физическим изменением звуков речи: умляутные аллофоны могли существовать в продолжение длительного времени до их фонологизации, не претерпевая никакого изменения и, конечно, не находя никакого отражения в письме. Постепенным могло быть только возникновение этих аллофонов. Но оно, возможно, происходило еще в прагерманском.

Различение аллофонных и фонемных изменений позволяет

¹² См., например: A. Pogatscher. Über die Chronologie des altenglischen i-Umlauts. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 18, 1894, стр. 466—467; E. Sievers. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1893, стр. 246; E. Wessén. I-umljud och vokalsynkope i fornvästnordiskan. «Uppsala universitets årsskrift», 1918, стр. 63.

по-новому решить пресловутый вопрос о том, есть ли исключения у так называемых фонетических законов. Как известно, в течение первого полувека после того, как были открыты звуковые изменения, основным направлением, в котором развивалось их изучение, было все большее осознание их последовательности и закономерности. Бопп еще очень свободно трактовал звуковые изменения и допускал всевозможные исключения из устанавливаемых им правил. Курциус наряду с регулярными звуковыми изменениями признавал и спорадические. Шлайхер формулировал «фонетические законы» очень широко и не пытался объяснять исключений из них. Развитие завершилось только в середине 70-х годов прошлого века в работах младограмматиков, когда был сформулирован знаменитый тезис о том, что «звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений».¹³ Во время «спора о звуковых законах», продолжавшегося долгие годы после этого, было неоднократно доказано, что тезис младограмматиков ложен: «фонетический закон» — это не закон, а только описание того, что произошло; всякое звуковое изменение на известном этапе или в известном смысле является спорадическим и т. д.

По-видимому, однако, утверждение, что дважды два — пять, в известных случаях может оказаться прогрессивнее утверждение, что дважды два — четыре. Во всяком случае, даже если признавать, что тезис младограмматиков ложен, очевидно, что он сыграл чрезвычайно прогрессивную роль в развитии языкознания и тем самым был крупным достижением науки. Тезис об отсутствии исключений из «фонетического закона» обязывал исследователя объяснять все исключения законами, ограничивающими действие данного закона. Тем самым с провозглашением младограмматического тезиса чрезвычайно повысились требования в отношении точности и строгости исследования. Важнейшие открытия периода, непосредственно следовавшего за провозглашением знаменитого тезиса (а это был, как известно, период крупнейших открытий в исторической фонетике), возникали из попыток объяснить то или иное исключение из «фонетического закона» действием других законов. Блестящим примером такого открытия является закон, сформулированный Карлом Вернером в статье под названием «Об одном исключении из первого передвижения согласных».¹⁴ Ни в одной области языкознания исследования никогда не велись с такой строгостью и точностью, как в младограмматических исследованиях по исторической фонетике. Ни в одной области языкознания не было накоплено такого

¹³ H. Osthoff und K. Brugmann. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, I. Leipzig, 1878, стр. XIII.

¹⁴ K. Verner. Eine Ausnahme der ersten Lautverschiebung. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», 23, 1877, стр. 97—130.

огромного количества фактов, сохраняющих свое значение и до сих пор, как в исторической фонетике, разрабатывавшейся в младограмматических традициях. Нет ни одной области языкознания, в которой было бы сделано так много, как в младограмматической исторической фонетике.

Что же касается вопроса о том, есть ли исключения из «фонетических законов», то в свете фонологии оказывается, что младограмматики были не так уж далеки от истины, или во всяком случае они были к ней настолько близки, насколько это позволяло состояние науки в их время. Тезис младограмматиков справедлив только в отношении аллофонных изменений, но зато в отношении этих изменений он даже более справедлив, чем полагали сами его авторы. Аллофоническое варьирование совершенно автоматически, аллофоны не осознаются и не замечаются говорящими. Поэтому аллофоны не могут сменять друг друга по смысловым ассоциациям, в частности по грамматической аналогии.¹⁵ Следовательно, и аллофонные изменения не могут иметь исключений, обусловленных действием этих факторов. Между тем младограмматики допускали возможность грамматической аналогии для звуковых изменений вообще.

Аллофоны не являются дискретными единицами и не образуют для данного языка того, что можно было бы назвать «системой». Поэтому для них различие синтагматических и парадигматических изменений не имеет значения. Напротив, для фонем как дискретных единиц, образующих для каждого данного языка определенную систему, это различие чрезвычайно важно. Естественно, что с возникновением фонологической точки зрения эти два типа фонемных изменений стали различать под тем или другим названием или никак не называя их. Синтагматические фонемные изменения — это изменения в распределении фонем в синтагматической цепи, т. е. не в общем составе фонем в языке, а только в фонемном составе отдельных слов. Именно этими изменениями и, в сущности, только этими изменениями занималась классическая историческая фонетика, так как до возникновения понятий аллофона и фонемы ни аллофонные изменения, ни парадигматические фонемные изменения не могли привлечь к себе внимания. Напротив, синтагматические фонемные изменения не могли не привлекать к себе внимания хотя бы уже потому, что они, как правило, находят отражение в письме, т. е. являются «буквенными переходами» в собственном смысле слова.

Синтагматическое фонемное изменение происходит в отдельных словах, и обычно в тех, в которых есть условия для данного изменения, т. е. где произошло соответствующее аллофонное изменение. Но оно может происходить не во всех этих словах. Оно может произойти даже только в одном слове. Если умяют

¹⁵ Насколько мне известно, формулировка этого положения — заслуга Трнжи (B. Trnka. O analogii v strukturálním jazykozpytu. «Slovo a slovesnost», 2, 1938, стр. 221—222).

был синтагматическим фонемным изменением, то он мог произойти в силу грамматической аналогии или других причин и в тех словах, где не было никакой регрессивной ассимиляции гласных, т. е. не было умляутных аллофонов, точно так же как он мог не произойти там, где была такая ассимиляция, т. е. где были умляутные аллофоны. Синтагматические фонемные изменения — это как раз та область, в которой младограмматический тезис об отсутствии исключений в звуковом изменении не находит подтверждения. Но то, что младограмматики называли «фонетическим законом», как правило, и было синтагматическим фонемным изменением. Формула «х>у в таких-то условиях» означала, что фонема /х/ сменила фонему /у/ в таких-то условиях. Но она ничего не говорила о том, изменились ли аллофоны этих фонем и изменился ли состав фонем в языке. Законы умляута, установленные в классической исторической фонетике, касались не возникновения умляутных аллофонов и умляутных фонем, а только изменения фонемного состава отдельных слов, отклонений от регулярности в этом изменении, так называемого умляута по аналогии, отсутствия умляута по аналогии, и т. п. Впрочем, в тех случаях, когда умляут заключался в изменении фонемного состава слова, он действительно был синтагматическим фонемным изменением. Такими умляутами были, например, скандинавские «младшие» умляуты, т. е. умляуты, которые происходили после того, как умляутные фонемы уже возникли, и древневерхненемецкий, или «примарный», умляут, т. е. умляут, который происходил до того, как стали возникать умляутные фонемы.

Парадигматическое фонемное изменение — это изменение в общем составе фонем в языке, т. е. возникновение новых фонем или исчезновение старых фонем. Возникновение новой фонемы может быть вместе с тем возникновением нового различительного признака. Так, превращение палатализованных заднеязычных в исландском в самостоятельные фонемы было вместе с тем возникновением нового различительного признака — палатализованности, а превращение шипящего в норвежском и шведском в самостоятельную фонему было вместе с тем превращением шипящести в новый различительный признак. Однако новая фонема может быть также лишь новым сочетанием различительных признаков, существовавших в языке и раньше. Возникновение таких фонем — это так называемое заполнение пустых клеток — процесс, который с возникновением диахронической фонологии стал особенно часто привлекать к себе внимание. Заполнением пустой клетки было, например, возникновение гласных /å/ и /ö/ в датском, поскольку их различительные признаки — низкий подъем и принадлежность к задним или передним огубленным — существовали в языке и раньше, или возникновение фонемы /ç/ в норвежском, поскольку ее различительные признаки — среднеязычность, глухость, щелевость — существовали в языке и раньше. Наконец, возникновение новой фонемы — это не обязательно

увеличение общего числа фонем. Если в фонеме произошла смена различительных признаков, то это было вместе с тем возникновением новой фонемы и исчезновением старой. Такая смена различительных признаков произошла, например, когда фонема /z/ стала фонемой /R/ в праскандинавском (см. стр. 31) или когда глухие смычные стали придыхательными, а звонкие — непридыхательными в исландском (см. стр. 97). Исчезновение фонемы тоже может либо сопровождаться исчезновением различительного признака, либо быть только исчезновением определенного сочетания различительных признаков, существовавших в языке и раньше, и тоже не обязательно означает уменьшение общего числа фонем. Таким образом, всякое парадигматическое фонемное изменение — это изменение либо в составе различительных признаков, либо в их распределении.

Изменения в составе различительных признаков, т. е. тех элементов, из которых слагаются единицы (фонемы), которые, сочетаясь синтагматически друг с другом, образуют бесконечное многообразие значащих единиц (морфем, слов и т. д.), — это наиболее общее, наиболее объемлющее изменение из всех, которые вообще могут произойти в языке. Однако до недавнего времени они вообще игнорировались. Дело в том, что в письме выражаются, как правило, фонемы, а не различительные признаки. Поэтому в письме изменения различительных признаков либо совсем не отражаются, либо отражаются только косвенно. Изменения в распределении различительных признаков являются настолько же более частными, чем изменения в их составе, насколько синтагматические фонемные изменения являются более частными, чем парадигматические. Наиболее частное из возможных звуковых изменений — это изменение, которое произошло только в одном слове.

Парадигматическому фонемному изменению обычно предшествует аллофонное изменение. Когда аллофон фонемы превращается в самостоятельную фонему, то этот аллофон должен был предварительно возникнуть. Его возникновение и было физическим изменением. Превращение аллофона в самостоятельную фонему — это лишь функциональное, но не физическое изменение. Сущность этого изменения всего чаще заключается в следующем. Два аллофона одной фонемы, обусловленные двумя разными окружениями (например, ассимилирующим воздействием двух разных фонем), оказываются в одинаковом окружении в результате исчезновения различия между этими окружениями (например, в результате того, что ассимилирующие фонемы перестают различаться в данных положениях). Тем самым эти аллофоны уже не аллофоны, а самостоятельные фонемы, хотя физически они сами не претерпели никакого изменения. Обе возникшие таким образом фонемы новые, так как их различительные признаки не те, что были у фонемы, из аллофонов которой они возникли. Произошло парадигматическое расщепление

фонемы. Таким образом, исчезновение различия между двумя окружениями, или их парадигматическое слияние, — это как бы обратная сторона парадигматического расщепления фонем. Процесс такого превращения аллофонов фонемы в две самостоятельные фонемы был неоднократно описан в связи с фонологическим толкованием германского умляута.¹⁶ В этом случае исчезновение различия между двумя окружениями — это редукция безударных гласных, и, в частности, для скандинавского умляута на *i* — это отпадение безударного *i*. В сущности, однако, мы знаем процесс возникновения умляутных фонем только по его результатам и поэтому, вероятно, упрощаем его. Судя по случаям, когда становление новых фонем продолжается и в современном языке (ср. стр. 127 и сл.), процесс этот может быть чрезвычайно длительным и сложным.

Классификации звуковых изменений, предлагавшиеся до возникновения диахронической фонологии, в том числе классификация Нурена,¹⁷ которая была, кажется, наиболее обстоятельной скандинавской классификацией этого рода, охватывали, как правило, только синтагматические фонемные изменения и во всяком случае не выделяли парадигматических фонемных изменений. Однако не всегда выделяют их и те, кто стоит на фонологической точке зрения. Это характерно особенно для американской диахронической фонологии. Так, в классификации звуковых изменений, предложенной Пенцлем, фонемные изменения разбиты на шесть групп, но в некоторые из этих групп входят и синтагматические и парадигматические изменения.¹⁸ Нет последовательного различения синтагматических и парадигматических изменений и в книге Хонигсвальда, посвященной языковым и, в частности, звуковым изменениям.¹⁹ Хонигсвальд классифицирует звуковые изменения с точки зрения того, как они повлияли на распределение фонем и их аллофонов, но при этом в выделяемых им ти-

¹⁶ О связи исчезновения ассимилирующего гласного с возникновением нового различия в ассимилируемом гласном впервые сказал, насколько мне известно, О. Бреннер (O. Brenner. *Altnordisches Handbuch*. Leipzig, 1882, стр. 55). Первую последовательно фонологическую трактовку умляута дал Туодтэлл (W. F. T w a d d e l l. A Note on Old High German Umlaut. «Monatshefte für deutschen Unterricht, deutsche Sprache und Literatur», 30, 1938, стр. 177—181). Позднее она встречается у очень многих авторов (например: Н. Пензл. Umlaut and Secondary Umlaut in Old High German. «Language», 25, 1949, 3, стр. 223—240; Его же. Zur Entstehung des i-Umlauts im Nordgermanischen. «Arkiv för nordisk filologi», 66, 1951, стр. 1—15; А. Мартинет. Function, Structure, and Sound Change. «Word», 6, 1952, 1, стр. 30; Его же. Concerning the Preservation of Useful Sound-Features. «Word», 9, 1953, 1, стр. 2).

¹⁷ А. Норен. *Vårt språk*, 3. Lund, 1905, стр. 5—59.

¹⁸ Н. Пензл. The Evidence for Phonemic Change. В кн.: *Studies Presented to J. Whatmough on his Sixtieth Birthday*. The Hague, 1957, стр. 194 и сл.

¹⁹ Н. М. Хонигсвальд. *Language Change and Linguistic Reconstruction*. Chicago, 1900 стр. 86 и сл.; ср.: Его же *Sound Change and Linguistic Structure*. «Language», 22, 1946, 2, стр. 138—143.

пах изменений оказываются и синтагматические, и парадигматические.

Неразличение синтагматических и парадигматических изменений имеет особенно серьезные последствия, когда речь идет о слиянии и расщеплении фонем. Слияние и расщепление фонем в парадигматическом плане отнюдь не совпадают с их слиянием и расщеплением в синтагматическом плане. Превращение монофтонга /x/ в определенных положениях в дифтонг /y/ — это синтагматическое расщепление, но если при этом /x/ исчезает совсем из языка, а /y/ существовал и раньше, то это вместе с тем парадигматическое слияние. Наоборот, превращение дифтонга /y/ в определенных положениях в монофтонг /x/ — это синтагматическое слияние, но если при этом /y/ не исчезает совсем из языка, а /x/ не существовал раньше, то это вместе с тем парадигматическое расщепление.

Неразличение синтагматического и парадигматического аспекта фонемных изменений лежит в основе опровержений фонологического толкования умляута. Указывая на необозначенность умляута в слове, в котором произошла редукция безударного гласного, долженствовавшего обусловить фонологизацию умляутного аллофона, или на его обозначенность в слове, в котором такая редукция не произошла, противники фонологического толкования умляута утверждают, что эти факты опровергают связь возникновения умляутных фонем с редукцией безударных гласных.²⁰ Но дело в том, что возникновение умляутных фонем — это процесс парадигматический, а не синтагматический. Он происходил в результате множества случаев редукции ассимилирующего гласного, а отнюдь не в отдельном слове. В отдельных словах происходило не возникновение умляутных фонем, а только изменение фонемного состава слов, которое, как всякое синтагматическое фонемное изменение, не обязательно было регулярным.

Теория звуковых изменений не может обойти молчанием пресловутый вопрос об их причинах. Сформулируем прежде всего два постулата: 1) у всех протекающих во времени явлений природы и общества, а следовательно, и у звуковых изменений, есть причинно-следственные связи, т. е. те связи, которые мы выражаем словами «причина» и «следствие», «условие» и «то, что им обусловлено», «фактор» и «то, чему он способствовал», «то, что порождает» и «то, что порождено», и т. п. и которым невозможно дать другое определение, кроме тавтологического; 2) никакая наука, изучающая явления, протекающие во времени, не может

²⁰ См.: Н. Andersen. *Ur nordisk gestumR og dens betydning for i-omlyden*. В кн.: *Festskrift til P. Skautrup*. Aarhus, 1951, стр. 9—15; Н. K r a t z. *The Phonemic Approach to Umlaut in Old High German and Old Norse*. «Journal of English and Germanic Philology», 59, 1963, 3. стр. 463—479; К. М. Nielsen. *Mutation, Breaking and Syncope*. «Acta philologica scandinavica», 25, 1962, стр. 97—105, особ. стр. 98; А. Szulc. *Umlaut und Brechung*. Poznań, 1964, стр. 64, 80.

игнорировать причинно-следственные связи тех явлений, которые она изучает, и, следовательно, их не может игнорировать и диахроническая фонология.

Причинно-следственные связи звуковых изменений — это, очевидно, их связи с различными языковыми или неязыковыми явлениями и, в частности, их связи между собой. Эти связи и должна изучать диахроническая фонология, если она действительно наука диахроническая. Правда, как некоторая подготовительная ступень возможно изучение отдельных звуковых изменений самих по себе, независимо от их связей, и классическая историческая фонетика в сущности так и занималась звуковыми изменениями. Но она именно потому так и занималась ими, что была фонетикой, а не фонологией: отдельные звуковые изменения сами по себе были для исторической фонетики такими же самодовлеющими, какими для классической фонетики были отдельные звуки речи. Возможно также, как некоторая подготовительная ступень к изучению звуковых изменений данного языка, исследование его синхронных срезов, игнорирующее сами эти изменения и их связи. Но, как уже говорилось (стр. 7), такое исследование будет синхроническим языкознанием, а не диахроническим.

Но доступны ли исследованию причинно-следственные связи звуковых изменений? Многие ученые сомневались в этом. «Ни одному ученому, — говорит Блумфильд, — не удалось установить связь между звуковым изменением и каким-либо предшествующим явлением».²¹ По-видимому, однако, это сильное преувеличение. Известно множество случаев, когда звуковое изменение явно обусловлено. Я имею в виду явные случаи иноязычного влияния, воздействия соседних звуков и т. п. Не случайно традиционная историческая фонетика делила звуковые изменения на комбинаторные, или явно обусловленные окружением данного звука, и спонтанные, или не обусловленные явно его окружением. Другое дело, что причинно-следственные связи в звуковых изменениях очень сложны и, по-видимому, более сложны, чем в явлениях, которые имеют только социальную или только физическую сторону. Причина, на которую указывают в тех случаях, когда звуковое изменение как будто явно обусловлено, это всегда только одна из многих. Для того чтобы данное изменение произошло, требуется еще наличие ряда условий, причем некоторые из них могут быть настолько частными, что не поддаются учету. Кроме того, всякая причина звукового изменения имеет свою причину,

²¹ L. Bloomfield. *Language*. N. Y., 1933, стр. 385. — Примерно такую же скептическую позицию занимал и Сэпир. «Гораздо лучше признать, — говорит он, — что мы до сих пор не поняли первичной причины или первичных причин медленного исторического движения звуков речи, хотя зачастую мы и можем определить некоторые способствующие ему факторы» (Э. Сэпир. *Язык*. М., 1934, стр. 144).

и в этом смысле причинно-следственные связи звуковых изменений бесконечны и не могут быть раскрыты до конца. Поэтому всякое причинное объяснение звукового изменения может быть только приближением к истине, только ее частью, точно так же как всякое объяснение звукового изменения одной универсальной причиной не может не быть ошибочным.

Объяснение звуковых изменений какой-то одной универсальной причиной не может быть правильным, в частности, потому, что звуковые изменения бесконечно разнообразны. Постоянно действующая и тождественная себе причина могла бы объяснить разве что саму изменчивость звуковой стороны языка, но не ее конкретные изменения.²² Но, как правило, она не объясняет и этого. Все выдвигавшиеся до сих пор универсальные причины звуковых изменений — удобство произношения, несовершенное усвоение младшим поколением языка старшего поколения, варьирование произношения, смешение языков и диалектов и т. д. — все это в лучшем случае констатация какого-то общего свойства языка или его функционирования. Такое общее свойство, естественно, оказывается связанным и с изменчивостью языка, которая тоже является его общим свойством.

Всего чаще в качестве универсальной причины звуковых изменений выдвигали удобство произношения, или — в более современной формулировке — так называемый принцип экономии, т. е. принятие более экономного произношения в той мере, в какой это не препятствует пониманию речи. До Мартине, который развил принцип экономии в ряде блестящих работ,²³ принцип этот выдвигался многими лингвистами. Его высказывали еще в 1890 г. Бодуэн де Куртэн²⁴ и Пасси.²⁵ Из скандинавских лингвистов его очень четко сформулировали Кокк²⁶ и Есперсен.²⁷ Но в любой формулировке этот принцип в сущности не содержит большего, чем утверждение, что языковая деятельность — деятельность целесообразная и экономная, и это, конечно, не подле-

²² Ср.: Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история, стр. 268.

²³ Всего полнее в книге: А. Мартинет. *Economie des changements phonétiques*. Bern, 1955. Русский перевод: А. Мартинет. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.

²⁴ И. А. Бодуэн де Куртэн. Об общих причинах звуковых изменений. Избранные труды по общему языкознанию, I. М., 1963, стр. 228, 231, 247.

²⁵ P. Passy. *Études sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux*. Paris, 1890, стр. 229—230.

²⁶ «Во всякой человеческой речи борются два разных фактора: склонность облегчить произношение и стремление к правильному или по меньшей мере легко понятному языку» (А. Коск. *Om språkets förändring*. Göteborg, 1896, стр. 145).

²⁷ «В языковом изменении мы видим постоянное взаимодействие двух противоположных тенденций, одной — индивидуального, а другой — социального характера, одной — к удобству, а другой — к отчетливости» (O. Jespersen. *Efficiency in Linguistic Change*. Selected Writings. London—Tokyo, [1962], стр. 391 (впервые опубликовано в 1949 г.)).

жит сомнению. Кроме того, поскольку этот принцип подразумевает существование двух взаимодействующих факторов — стремление к более удобному произношению и стремление быть понятым, — он тем самым является признанием того, что ни один из этих факторов ни в одном случае не является единственным и что, следовательно, одной универсальной причины звуковых изменений нет.

Что касается конкретных звуковых изменений, то здесь часто приводится в качестве причины то, что вообще ни в каком смысле не причина. Так, «объяснением причины» звукового изменения (также его «физиологической» или «фонетической» причины) называют нередко описание перехода от одной артикуляции к другой. Например, переход [gn > gdn] «объясняют» тем, что при переходе от [g] к [n] язык перестает вибрировать за некоторое время до того, как опускается мягкое нёбо, в результате чего возникает импловзивный смычный [d] и т. д.²⁸ Такое описание, как бы оно ни было обстоятельно, не раскрывает абсолютно никаких причинно-следственных связей. В частности, из него, конечно, отнюдь не следует, что переход [gn > gdn] является физиологической необходимостью. Оно только устанавливает наиболее вероятные промежуточные этапы при переходе от одной артикуляции к другой. Иногда такое описание используется как доказательство того, что данное звуковое изменение физиологически возможно, и в подтверждение его возможности приводятся физиологические аналогичные изменения из других языков. Однако промежуточные этапы могут быть найдены для любого звукового изменения, и доказывать, что то или иное звуковое изменение возможно, едва ли целесообразно: в сущности любое звуковое изменение возможно. Что же касается физиологических аналогий из других языков, то они недоказательны, так как то, что в разных языках физиологически аналогично, может быть функционально совсем не аналогично.

«Причиной» того или иного элемента языка называют также то, что на самом деле есть просто его прошлое. Особенно часто это имеет место, когда данный элемент языка является исключением с точки зрения данного состояния языка. Есперсен, например, говорит: «Историческая грамматика не только описывает явления, но и объясняет их... Там, где мы прежде видели произвольные правила и необъяснимые исключения, теперь во многих случаях мы видим причины явления».²⁹ Далее он рассказывает историю множественного числа feet в английском и заключает: «Неправильные образования на одной стадии оказываются во многих случаях пережитками правильных образований более ранних стадий; таким образом, явления, ранее окутанные тьмой,

²⁸ Ср., например, объяснение такого перехода в фарерском: P. Naerg. Ugr min färöiska kortlåda. «Arkiv för nordisk filologi», 61, 1946, стр. 139.

²⁹ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 29.

освещаются ярким светом».³⁰ Такие «объяснения» ничего не объясняют в данном состоянии языка и меньше всего, когда речь идет об исключениях, так как в этом случае особое внимание обращается на пережитки, т. е. то, что не актуально для языка, и тем самым, с точки зрения синхронической, на него дается как бы карикатура.³¹ В описании состояния языка вообще не может быть речи о причинах.

Наконец, в качестве возможных причин звуковых изменений приводят иногда факты индивидуальной речи: дефект органов речи, недостаток слуха и т. п. То, что характерно только для отдельного говорящего на данном языке, разумеется, не факт языка и не может быть причиной звукового изменения в данном языке, разве что произношение какого-то отдельного лица было усвоено всеми говорящими на данном языке. Но возможность таких случаев сомнительна и во всяком случае не доказана. Можно ли доказать, например, что шепелявое произношение Карла Пятого было причиной появления глухого межзубного в испанском?

Признание того, что никакая причина звукового изменения не может быть его единственной причиной, означает, что у звукового изменения может быть множество различных причинных связей, т. е. связей как с другими фактами того же языка или других языков, с которыми данный язык контактирует, так и с различными фактами в жизни народа—носителя данного языка. В принципе поэтому нельзя считать исключенной возможность таких неязыковых факторов звукового изменения, как географические условия, климат, среда, образ жизни, обычаи, национальный характер и т. п. Утверждают, например, что обычай калечить губы украшением, распространенный у некоторых народов, мог привести к потере способности произносить губной смычный.³² Такую возможность действительно трудно отрицать. Однако, по-видимому, влияние подобных неязыковых факторов звукового изменения, как правило, настолько опосредствованно, что не может быть установлено с какой-либо долей достоверности. Поэтому объяснение звукового изменения подобными неязыковыми факторами обычно лишь курьез. Таково, например, предложенное Финнбогасоном объяснение всех звуковых изменений в истории исландского языка изменениями в темпе жизни исландского народа.³³

Некоторые языковые факторы звукового изменения, прежде всего влияние звукового окружения, лежат на поверхности и не могли не привлекать к себе внимание и раньше. Но естественно,

³⁰ Там же, стр. 30.

³¹ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 32.

³² A. Noreen. Vårt språk, стр. 19—20.

³³ Finnbogason. Die Ursachen der Lautveränderungen im Isländischen. «Zeitschrift für deutsche Philologie», 54, 1929, 2, стр. 187—197.

что с возникновением диахронической фонологии стали привлекать внимание те связи, существование которых обнаруживается с фонологической точки зрения.

Аллофонные изменения — предпосылка фонемных изменений, как синтагматических, так и парадигматических. Однако фонемные изменения, в свою очередь, предпосылка аллофонных изменений, так как с возникновением нового распределения фонем в словах, так же как с изменением в общем составе фонем в языке, меняются и условия аллофонического варьирования и, следовательно, могут произойти аллофонные изменения. Уже из этого очевидно, что языковые связи у аллофонных изменений не те, что у фонемных, а у фонемных синтагматических изменений не те, что у парадигматических.

Как правило, аллофонные изменения — это результат взаимодействия звуков в синтагматической цепи, т. е. результат того или иного вида ассимиляции. Однако такое причинное объяснение далеко не исчерпывающе. Хотя ассимиляции обусловлены физиологически, в фонетически тождественных сочетаниях направление, характер и степень ассимиляции могут быть различными в разных языках или в разные периоды одного и того же языка. Другими словами, физиологические возможности оставляют известную свободу для контактирующих звуков. В ряде случаев фонологическая точка зрения дает возможность объяснить, почему ассимиляция происходит или не происходит и почему она происходит в том, а не другом направлении. При ассимиляции по какому-либо признаку и прочих равных условиях ассимилируется та фонема, в которой данный признак не является различительным, и наоборот (см. об этом подробнее стр. 111 и 133). Другими словами, наличие и направление ассимиляции в ряде случаев регулируется фонологическими факторами.³⁴

Фонологическая точка зрения помогает также объяснить кое-что в механизме взаимодействия языков. Даже те, кто считает, что всякое звуковое изменение — это в сущности заимствование, признают, что такое понимание звукового изменения не решает вопроса о его причинах.³⁵ С одной стороны, аллофонные изменения могут быть обусловлены тем, что благодаря лексическим заимствованиям в языке появились новые сочетания фонем; но с другой стороны, парадигматические фонемные изменения могут быть обусловлены взаимодействием фонологических систем контактирующих языков без посредства лексических заимствований (ср. стр. 113).

Но основное, что принесла с собой диахроническая фонология, — это исследование различного рода «системных», или «структурных», факторов звукового изменения и в первую очередь различных случаев «давления системы». В зачатке понятие

³⁴ Ср.: Л. Р. Зиндер. *Общая фонетика*. Л., 1960, стр. 228.

³⁵ Н. М. Ноепигсвальд. *Language Change...*, стр. 55.

«давление системы» можно обнаружить, правда, еще у Сиверса и Пауля.³⁷ Но только с развитием диахронической фонологии «структурные» факторы получили всеобщее признание. Открытие так называемых цепей притяжения и цепей отталкивания, принципа максимальной дифференциации фонем, пустых клеток, влияние степени включения в систему, влияние того, насколько разные артикуляции благоприятны для использования в качестве различительных признаков, влияние функциональной нагрузки фонем и т. д.³⁸ было, несомненно, большим прогрессом в исследовании звуковых изменений, или, вернее, в исследовании парадигматических фонемных изменений, так как все это факторы именно этих изменений.

Естественно, что исключительное внимание, которое привлекли к себе «структурные» факторы, привело к некоторому преувеличению их роли. Некоторым исследователям начало казаться, что найти какой-либо «структурный» фактор данного парадигматического фонемного изменения — значит дать его исчерпывающее причинное объяснение. Как правило, такой фактор можно найти у всякого парадигматического фонемного изменения. Однако нетрудно доказать, что этот фактор не обусловил сам по себе данного изменения, не был единственным фактором данного изменения. Всегда можно указать на случаи, когда тот же фактор в другом языке или в другой период истории данного языка не вызвал аналогичного изменения или когда аналогичное изменение произошло, несмотря на отсутствие данного фактора. Особенно очевидно это в случае дивергентного развития фонологических систем в родственных языках, в которых, несмотря на первоначальное наличие тех же «структурных» факторов, развитие пошло в разных направлениях.³⁹

Но раз никакой «структурный» фактор звукового изменения не обуславливает его сам по себе, то очевидно, что действие этих факторов не может быть представлено в виде причинно-следственных законов типа «если имеется такое-то явление, то должно произойти такое-то другое явление». Действие этих факторов может быть представлено только в виде утверждений типа «если

³⁶ E. Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie. Leipzig, 1876, стр. 127.

³⁷ «Во всех языках обнаруживается известная гармония системы звуков. Из нее явствует, что направление, в котором происходит отклонение какого-либо звука, определяется направлением развития остальных звуков» (Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 76). «Если мы хотим что-либо узнать об особых причинах данного звукового изменения; то прежде всего следует выяснить, в какой мере оно связано с другими звуковыми изменениями и с общим характером звуков в данном языке» (там же, стр. 79, прим.).

³⁸ См. особенно: А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях.

³⁹ Ср.: K. Togeby. Les explications phonologiques historiques sont-elles possible? «Romance Philology», 13, 1960, 4, стр. 401—413 (автор опровергает причинные объяснения, даваемые в кн.: H. Weirreich. Phonologische Studien zur romanischen Sprachgeschichte. Münster, 1958).

имеется такое-то явление, то может произойти такое-то другое явление, но может и не произойти». Несомненно, что даже в такой форме утверждения о действии «структурных» факторов помогают понять причинно-следственные связи звуковых изменений. Впрочем, некоторые утверждают, что в диахронической фонологии универсалии, т. е. общие утверждения, вообще могут быть только вероятностными.⁴⁰ Такие вероятностные утверждения едва ли являются законами в большей мере, чем так называемые фонетические законы, так как и те и другие не имеют обязательного характера. Законами диахронической фонологии следовало бы считать скорее те обобщения, которые можно сделать, исходя из фонологической точки зрения, о характере протекания звуковых изменений. Некоторые из таких законов уже были сформулированы выше, другие обосновываются в последующих очерках в этой книге. Я имею в виду, например, следующие положения: 1) постепенными могут быть только аллофонные изменения (см. стр. 9—10); 2) аллофонные изменения регулярны, и их регулярность не может быть нарушена действием смысловых ассоциаций, в частности грамматической аналогией (см. стр. 12 и 27); 3) синтагматические фонемные изменения, напротив, не обязательно регулярны (см. стр. 12); 4) при ассимиляции по определенному признаку ассимилируется та фонема, для которой данный признак иррелевантен, и наоборот (см. стр. 111 и 133); 5) аллофоны одной фонемы, оказавшись в одинаковом окружении в результате исчезновения различия между двумя различными окружениями, становятся разными фонемами, не претерпевая никакого физического изменения (см. стр. 14); 6) возникновение нового различительного признака сопровождается исчезновением какого-то другого существенного различия (см. стр. 46 и 112); 7) одновременно не изменяется больше одного различительного признака данной фонемы (см. стр. 34); 8) число различительных признаков не увеличивается, если одновременно не увеличивается число фонем (см. стр. 36).

Все эти положения, с одной стороны, обобщают факты, наблюдаемые в конкретных языках, а с другой стороны, вытекают из применения фонологической точки зрения к звуковым изменениям. В этом смысле эти положения — законы диахронической фонологии. Однако законы эти не могут быть проверены экспериментально, и для их установления не были обследованы все языки, которые существовали в прошлом, существуют или будут существовать в будущем. Поэтому законы эти — гипотезы. Впрочем, как справедливо говорит Бодуэн, «всякое научное объяснение, всякий закон естественных наук, хотя бы взятые в виде самой точной математической формулы, являются только научны-

⁴⁰ J. H. Greenberg, Ch. Osgood and J. Jenkins. Memorandum concerning Language Universals. В кн.: *Universals of Language*. Cambridge, Mass., 1963, стр. 261—262.

ми предположениями, или гипотезой».⁴¹ Вполне возможно, что эти законы будут опровергнуты, подобно тому, как другие законы, устанавливаемые наукой, опровергаются с ее развитием. Тем не менее задача теории звуковых изменений, как и всякой теории, устанавливать законы. Теория не может ограничиваться чисто терминологическими задачами, т. е. придумыванием названий, к чему лингвистические теории, к сожалению, слишком часто сводятся. Называть — это только одна из побочных функций теории. Основная задача ее в том, чтобы вскрывать существенное и общее, т. е. устанавливать законы.

⁴¹ И. А. Бодуэн де Куртене. Об общих причинах звуковых изменений, стр. 225.

СТАРШИЕ РУНЫ И ПРАСКАНДИНАВСКИЕ ФОНЕМЫ

Общая тенденция развития рунического алфавита заключалась, очевидно, в том, что фонематические непоследовательности (т. е. отклонения от соответствия руны фонеме) появлялись в нем и умножались по мере изменений, которые претерпевала выражаемая им система фонем, и достигли максимума в младшем руническом алфавите.¹ В силу свойственного всякой письменности консерватизма, фонематическая реформа алфавита, видимо, вещь, гораздо труднее осуществимая, чем фонематическая последовательность при создании алфавита. Об этом свидетельствует история письменности многих современных народов.

Относительно того, какую систему согласных выражал первоначально рунический алфавит, едва ли могут быть какие-нибудь разногласия. В полном соответствии с фонематическим принципом звонкий смычный и гоморганный звонкий щелевой, т. е. [b] и [ɓ], [d] и [ɗ], [g] и [ɣ], которые, несомненно, были аллофонами одной фонемы, обозначались в старшем руническом алфавите одной руной, т. е. рунами b, d, g соответственно, тогда как глухой смычный и гоморганный глухой щелевой, т. е. /p/ и /f/, /t/ и /p̥/ /k/ и /h/, которые были явно разными фонемами, обозначались в этом алфавите двумя разными рунами, а именно рунами p и f, t и p̥, k и h соответственно. Создатель рунического алфавита, как это и естественно для всякого, кто поставлен перед чисто практической задачей выражения в письме того, что необходимо для понимания написанного, стихийно предвосхищал фонематический принцип, нередко даже в большей мере, чем фонетисты-теоретики старой школы.

¹ О том, что непоследовательности, характерные для младшего рунического алфавита, прослеживаются в зародыше в старшем алфавите, в частности см.: Н. Arntz. Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944, стр. 90 и сл.; С. J. S. Marstrand. De nordiske runeinnskrifter i eldre alfabet, I. Oslo, 1952, стр. 150, 161.

Фонемам соответствовали и все руны, обозначающие остальные согласные, а именно руны s и z, p и m, l и g, w и j. Если даже и полагать, что [w] и [j] были неслоговыми аллофонами фонем /u/ и /i/, функциональная самостоятельность этих аллофонов вполне оправдывала бы их обозначение особыми буквами. Единственное отклонение от фонематического принципа в области согласных заключалось в том, что руна η обозначала не фонему, а сочетание фонем /ng/, /ing/ или /in/ (uŋwinaR — камень из Орстада, тагη — пряжка из Шабатбаттьяна, тагlηu — камень из Танема, birŋgu — камень из Упедала), т. е. была лишней. Впрочем, в надписи примерно той же эпохи сочетание /ng/ выражено и двумя рунами (iuþingaR — камень из Рейстада). В целом, восемнадцать рун выражали первоначально семнадцать согласных фонем (если считать фонемами и [w], [j]).

Важнейшими изменениями, которые вели к отступлениям от фонематического принципа в области согласных, были фонологизация смычки у /b d g/ и дефонологизация звонкости у гомоганных щелевых. Рунический алфавит мог, как известно, только в очень ограниченной степени приспособиться к этим изменениям, да и то ценой полного отказа от выражения различия согласных по звонкости.² В результате отнюдь не уменьшившаяся система согласных выражается в младшем руническом алфавите посредством всего двенадцати рун.

В области гласных исходное положение неясно, зато позднее общая тенденция еще отчетливей.

Неясно, в частности, какая система гласных выражена в древнейших надписях и особенно в надписях, найденных вне Скандинавии. Поэтому рунологи позволяют себе здесь различные допущения, которые, в сущности, недоказуемы. Так, допускается, что руна a могла в древнейших надписях обозначать [æ:],³ или что руна e могла в этих надписях обозначать [æ:],⁴ или что руна i могла в так называемых готских надписях обозначать [e:]⁵ и т. д. Принято допускать также, что обозначение германского /e:/ посредством руны a характерно только для скандинавских надписей. Однако сравни тагη (пряжка из Шабатбаттьяна, вероятно от *ta:gi-), а также тот факт, что явных обратных случаев, т. е. случаев обозначения этой фонемы какой-либо другой руной, нет не только в скандинавских, но и в континентальных и, в частности, в так называемых готских надписях.

С фонологической точки зрения, достоверным является в сущности только следующее.

1. Поскольку фонема, соответствующая германскому /e:/,

² См.: В. Трнка. Phonological Remarks concerning the Scandinavian Runic Writing. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939, стр. 7.

³ См., например: W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937, стр. 234.

⁴ C. J. S. Marstrand. De nordiske runeinnskrifter... стр. 50.

⁵ W. Krause. Runeninschriften... стр. 20 и 172.

последовательно обозначается в древнейших надписях руной а,⁶ т. е. качественно совпадает с /а/, а не с /е/, рунический алфавит выражает систему гласных, сложившуюся после перехода /e:/ > /a:/. Едва ли одна и та же руна могла обозначать и /а/ и /e:/ или /æ:/. Нельзя также предположить, что фонема /e:/ передавалась руной а потому, что писавшие предвидели позднее качественное совпадение этой фонемы с /а/.

2. Поскольку звуки [о] и [u] обозначаются разными рунами, причем руна о встречается и там, где соответствующий гласный мог возникнуть только по аналогии (а именно в *holtijaR* — Золотой рог из Галлехуса, *dohtriR* — камень из Туны), рунический алфавит выражал систему гласных, сложившуюся после расщепления /u/ на /u/ и /o/. Ведь известно, что аллофоны не могут перераспределяться по аналогии. Таким образом, в древнейших надписях рунический алфавит должен был выражать систему из пяти долгих и пяти кратких гласных, которую обычно полагают для праскандинавского:

i	u	i:	u:
e	o	e:	o:
a		a:	

Что касается руны *é*, то она явно не имела последовательного фонематического применения, т. е. была лишней (я имею в виду надписи из Данненберга, Фрайлауберсхайма, Оверхорнбека, Бю, Кростга и надписи, состоящие из всего алфавита). В частности, лишней она была, если обозначала нечто среднее между *i* и *e*,⁷ поскольку чего-то среднего между /i/ и /e/ и фонематически отличного от них, конечно, не существовало. Следовательно, система из пяти рун, а именно рун а, е, *i*, о, u выражала систему из десяти гласных фонем, причем (поскольку всякий краткий занимал в своей подсистеме совершенно то же место, что и соответствующий долгий в своей, т. е. отличался от него только по своему количественному, но не по своим качественным различительным признакам) все качественные фонематические различия между гласными находили свое вполне последовательное выражение. Неясно только, было ли такое положение исходным для рунического алфавита.

Важнейшими изменениями, которые вели к отступлениям от фонематического принципа в области гласных, были, во-первых, появление носовых гласных, во-вторых, связанное с редукцией безударных гласных появление подсистемы безударных гласных и, в-третьих, возникновение целого ряда умляутных фонем. Как

⁶ Наиболее бесспорными случаями являются, по-видимому, *marir* — наконечник из Торсбьерга, *makia* — наконечник из Ви, *fragaradaR* — камень из Мейебру, *swabaharjaR* — камень из Рё.

⁷ R. Hennig. Die deutschen Runendenkmäler. Strassburg, 1883, стр. 69; S. Bugge. Norges Indskrifter med de Ældre Runer, 1, Christiania, 1905, стр. 67; H. Arntz. Handbuch der Runenkunde, стр. 72.

известно, рунический алфавит мог приспособиться только к первому из этих изменений, да и то в очень ограниченной степени (применение руны *a* для обозначения /ā/). Ни второе, ни третье из этих крупнейших изменений системы гласных не нашли никакого отражения в руническом алфавите. В результате значительно возросшая система гласных выражается в младшем руническом алфавите посредством всего четырех рун.

Какую же систему гласных выражал рунический алфавит первоначально?

Согласно обычным представлениям об истории германских гласных праскандинавская система из десяти гласных развилась из прагерманской системы из девяти или восьми гласных в результате перехода /e:¹/ > /a:/ и расщепления /u/ на /u/ и /o/:

i	u	i:	u:
e	a	e: ²	o:
		e: ¹ (a)	

или

i	u	i:	u:
e	a	e:	o:

Общим для обеих этих систем является то, что краткие в них были несимметричны долгим и, следовательно, в большей или меньшей мере не совпадали с ними по своим качественным различительным признакам. Несомненно, в частности, что при обеих этих системах /u/, как это видно из его позднейшей истории, имело аллофоны [u] и [o], тогда как /u:/ не могло иметь аллофона [o:], поскольку существовала фонема /o:/. Таким образом, /u/ отличалась от /u:/ по своим различительным признакам не меньше, чем /a/ от /o:/. При системе из восьми гласных фонем /e:/ могло иметь аллофон [a:] (и дальнейшая история этой фонемы подтверждает такое допущение), тогда как /e/ не могло иметь аллофона [a], поскольку существовала фонема /a/. Таким образом, /e/ тоже отличалась от /e:/ не меньше, чем /a/ от /o:/. Поэтому, если бы рунический алфавит возник при одной из этих систем, пяти (или даже шести) рун было бы недостаточно для сколько-нибудь последовательного выражения всех качественных различий между гласными. Так, хотя /a/ и /o/ обозначались бы разными рунами (а различие в обозначении этих фонем несомненно существовало с самого возникновения рунического алфавита, о чем свидетельствует графическое соответствие рун *a* и *o* североиталийским буквам *a* и *o*⁸), /u/ и /u:/, а также /i/ и /i:/ должны были бы обозначаться одной руной *u* и *i* соответственно.

Между тем есть все основания полагать, что при асимметрии кратких и долгих гласных должна быть налицо тенденция к де-

⁸ C. J. S. Marstrander. Om runene og runenavnenes oprindelse. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 1, 1928, стр. 88 и сл.; H. Arntz. Handbuch der Runenkunde, стр. 36—37.

фонологизации различия по количеству между гласными и к превращению двух подсистем с качественными и количественными различиями в систему с одними качественными различиями, и эта тенденция должна благоприятствовать графическому различению всех фонем, входящих в эту систему, и, наоборот, препятствовать одинаковому обозначению двух фонем, входящих в разные подсистемы.

Неясно, как могло бы выражаться различие между /e/ и /e:/ в асимметричной системе. Если предположить, что при системе из восьми фонем /e/ обозначалось руной e, а /e:/ руной é, то остается непонятным, почему руна é впоследствии потеряла фонематическое значение. Германское /e:/, т. е. позднейшее /e:¹/, от дифференцировавшееся в праскандинавском в /a:/, отнюдь не было редкой фонемой и всегда сохраняло свою отдельность. Этому противоречило бы и название руны é (*eihwaz > *i:hwaz), которое, видимо, никогда не начиналось с /e:/.

При системе из девяти рун /e:¹/ должно было быть качественно ближе к /e/, чем /e:²/, так как /e/ должно было быть одного подъема с /a/, т. е. было открытым, а /e:¹/ тоже должно было быть открытым, поскольку оно позднее стало /a:/. Фонема /e:²/ могла совпасть качественно с /e/ только при симметричной системе из десяти фонем.⁹ Можно поэтому предположить, что руна é обозначала первоначально /e:²/, и такое предположение делалось и независимо от фонологических соображений.¹⁰ Но и в этом случае остается непонятным, почему эта руна потеряла фонематическое значение. Правда, верно, что /e:²/ было редкой фонемой.¹¹ Но ведь в том-то и дело, что она, конечно, с течением времени стала менее редкой, чем она была при своем возникновении, а не наоборот.¹² Название руны é тоже не подтверждает того, что она первоначально обозначала /e:²/. Предположение, что /ei/ при переходе в /i:/ стало сначала закрытым /e:/,¹³ т. е., очевидно, /e:²/, фонологически невозможно, так как в таком случае /i:/ из /ei/ должно было слиться с /e:²/, чего, однако, как известно, не произошло.

Рунический алфавит, очевидно, также не подходил бы для выражения праготской системы гласных, т. е. системы, в которой /i/ и /e/ слились в одну фонему, поскольку и в этой системе краткие и долгие были асимметричны и общее число гласных фонем было не меньше семи. Если верно предположение, что в готском (и вероятно уже в праготском?) долгота гласных была нефоно-

⁹ Однако есть основания полагать, что еще и значительно позднее скандинавское /e:/ было фонетически более закрытым, чем /e/. Так, преломлению подверглось только /e/, но не /e:/ (см. стр. 39).

¹⁰ С. J. S. Marstrand. *Om runene...*, стр. 118—119.

¹¹ Там же, стр. 118.

¹² См.: J. Kuryłowicz. *The Germanic Vowel System*. «Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego», 11. 1952, стр. 50—54.

¹³ H. Arntz. *Handbuch der Runenkunde*, стр. 50.

логична,¹⁴ то тогда характерная для асимметричной прагерманской системы гласных тенденция к дефонологизации различия гласных по количеству нашла свое завершение именно в готском, поскольку именно в готском асимметрия кратких и долгих гласных сохранилась.

Таким образом, руна *e* скорее всего была фонематически лишней с самого начала (так же как руна *η*). Но даже если предположить, что эта руна в какой-то мере является следом асимметрии кратких и долгих гласных, остается все же несомненным, что рунический алфавит более последовательно выражал симметричную систему из десяти фонем, чем он мог бы выражать асимметричные системы из девяти, восьми или семи фонем. Невозможно предположить также, чтобы характерный для рунического алфавита принцип последовательного обозначения долгого и соответствующего краткого гласного одной руной был бы результатом реформы, проведенной после установления симметричной десятифонемной системы.

Поэтому представляется наиболее вероятным, что рунический алфавит возник при симметричной десятифонемной системе гласных, т. е. той системе, которая, по-видимому, всего древнее в северногерманской области, но которая, как известно, распространилась позднее и по западногерманской области. Впрочем, согласование этого чисто фонологического вывода с вероятным местом и временем происхождения рунического алфавита не входит в задачу настоящего очерка.

¹⁴ J. W. Marchand. Germanic Short *i and *e: Two Phonemes or One? «Language», 33, 1957, 3, стр. 246 и сл.; ср.: O. F. Jones. Gothic *iu*. «Language», 34, 1958, 3, стр. 353 и сл.; E. P. Hamp. Gothic *ai* and *au* again. Там же, стр. 359 и сл.

СКАНДИНАВСКИЙ РОТАЦИЗМ

Считается установленным, что прагерманский звонкий сибилант в Скандинавии превратился в раскатистый, который обозначался особой руной (в транскрипции R) и слился с раскатистым, унаследованным от прагерманского и праиндоевропейского, в Норвегии в IX в.,¹ в Дании — в XII,² а в Швеции — только в XIII в.³

Неясно, когда произошел этот переход сибиланта в раскатистый (так называемый ротацизм). Его относили и к середине VI в.,⁴ и к середине VIII в.,⁵ и даже к X в.⁶ Если слово *fervir* 'фервии' у Иордана действительно произошло из */ferwi:z/, то ротацизм должен был произойти уже в середине VI в.⁷ Но возможно, что второе r в этом слове — диттография, вызванная пер-

¹ D. A. Seip. *Norsk språkhistorie til omkring 1370*. Oslo, 1955, стр. 53. -- Правда, по Маштрандеру в норвежских заимствованиях в ирландском различие между двумя раскатистыми сохранялось до 1200 г. (C. J. S. *Marsstrander*. *Bidrag til det norske sprogs historie i Irland*. «Skrifter utgitt av Videnskapsselskapet i Kristiania, 2. kl., 1915», 1916, стр. 116). Но выводы Маштрандера сомнительны (ср.: Finnur Jónsson. *Norsk-islandske kultur- og sprogforhold i 9. og 10. årh.* «Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Historisk filologiske Meddelelser», 3, 2, 1921, стр. 262—263).

² J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik i sproghistorisk Fremstilling*. København, 1950—1957, 2, стр. 74—75.

³ A. Noreen. *Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen*. Halle, 1904, стр. 220—221.

⁴ O. J. Jiriczek. *Der Lautwert des runischen R zur Wikingerzeit*. «Englische Studien», 60, 1925—1926, стр. 235.

⁵ O. Bremer. *Die Aussprache des R der urnordischen Runeninschriften*. В кн.: *Festschrift tillägnad Hugo Pipping*. Helsingfors, 1924, стр. 45.

⁶ W. Keller. *Skandinavischer Einfluss in der englischen Flexion*. В кн.: *Probleme der englischen Sprache und Kultur* (Festschrift Johannes Hoops). Heidelberg, 1925, стр. 83.

⁷ A. Noreen. *Geschichte der nordischen Sprachen*. Strassburg, 1917, стр. 97; Его же. *Altisländische und altnorwegische Grammatik*. Halle, 1923, стр. 164; O. J. Jiriczek. *Der Lautwert...*, стр. 220—221.

вым г.⁸ Если финское паракаига 'сверло' (ср.: др.-исл. *pařarr* < **pařaza: RaR*) действительно было заимствовано до общескандинавской синкопы безударных гласных, то ротацизм должен был произойти до нее.⁹ Но возможно, что это слово — калька и его второй член (ср.: др.-шв. *geiri*) был заимствован после синкопы.¹⁰ Кроме того, согласный, который обозначался руной R, по-видимому, заимствовался в лопарский язык как s и после синкопы.¹¹ Поведение рассматриваемого согласного в разных окружениях (то, как он подвергался воздействию соседних звуков или сам воздействовал на них) истолковывалось поочередно как доказательство того, что ротацизм произошел до синкопы,¹² после синкопы¹³ и до и после нее.¹⁴ Бесспорные примеры ротацизма есть в скандинавских именах в ирландских, русских, французских и других памятниках.¹⁵ Но эти памятники не древнее IX в.

Согласный, который возник в результате скандинавского ротацизма, обычно называют «палатальным г».¹⁶ Но, очевидно, имеют в виду палатализованное г, или г с i-образной окраской. На то, что термин «палатальный» (т. е. «нёбный», или по активному органу — «среднеязычный») в данном случае совершенно неуместен, указывал еще Хойслер.¹⁷ Однако ошибочное употребление этого термина стало прочной традицией.

⁸ H. Pipping. *Inledning till studiet av de nordiska språkens ljudlära*. Helsingfors, 1922, стр. 164 и сл.; D. A. Seip. *Norsk språkhistorie...*, стр. 29.

⁹ A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 52; H. Pipping. *Inledning...*, стр. 165; O. J. Jiriczek. *Der Lautwert...*, стр. 222; D. A. Seip. *Norsk språkhistorie...*, стр. 29.

¹⁰ T. Sköld. *Om uttalet av runan R och några nordiska lånord i lapskan*. В кн.: *Scandinavica et fennougrica (Studier tillägnade Björn Collinder)*. Uppsala, 1954, стр. 34.

¹¹ Там же, стр. 36 и сл.

¹² O. J. Jiriczek. *Der Lautwert...*, стр. 235; D. A. Seip. *Norsk språkhistorie...*, стр. 29; ср. также: S. Gutenbrunner. *Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen*. Heidelberg, 1951, стр. 33, — где ротацизм отнесен к VI в. по написанию *asugasdiR* (надпись из Мюклебустан). Руна R здесь якобы уже не могла передавать звонкого сибиллянта, и поэтому он обозначен руной s.

¹³ O. Bremer. *Die Aussprache...*, стр. 44—45.

¹⁴ Пиппинг считал, что ротацизм произошел на западе Скандинавии до синкопы, а на востоке Скандинавии после нее (H. Pipping. *Inledning...*, стр. 164 и сл). Ср.: T. E. Karsten. *Var det äldsta urnordiska runspråket samgermansk?* В кн.: *Festskrift til Finnur Jónsson*. København, 1928, стр. 308, прим.

¹⁵ O. J. Jiriczek. *Der Lautwert...*, стр. 222 и сл.

¹⁶ См., например: A. Noreen. *Altswedische Grammatik...*, стр. 174; E. G. Geschichte..., стр. 97; E. G. *Altisländische Grammatik*, стр. 163 (но ср. стр. 33, где этот согласный назван «дорсальным г»); P. Skautrup. *Det danske sprogs historie*, I. København, 1944, стр. 34; H. Christiansen. *Norske dialekter*. Oslo, 1946—1948, стр. 75; E. Wessén. *Svensk språkhistoria*. I. Stockholm, 1955, стр. 26; J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik...*, I, стр. 58 и т. д.

¹⁷ A. Heusler. *Altisländisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1932, стр. 46.

Карл Вернер первый предположил, что новое г было палатализованным. Он утверждал, что «исконное г произносилось с а-тембром... а новое г произносилось со светлым тембром в силу своего происхождения из z, которое благоприятствует и-положению ротового канала».¹⁸ С тех пор стали говорить об «а-тембре», или «велярности», исконного г и «i-тембре», или «палатальности» (т. е. палатализованности), нового г.¹⁹ Впрочем, обычно допускают, что этот согласный прошел несколько этапов развития,²⁰ причем, поскольку его история рассматривается с чисто фонетической точки зрения, она представляется делимой на произвольное количество этапов. «Палатальным» (т. е. палатализованным) называют этот согласный по его предполагаемой последней фазе, которая, таким образом, заслоняет его предшествующую историю.

Нет оснований сомневаться в том, что в продолжение всего того времени, пока этот согласный обозначался особой рунной (а он, как известно, обозначался особой рунной не только в алфавите из 24 рун, но даже в алфавите из 16 рун), он был самостоятельной фонемой. Нельзя ли в таком случае, опираясь отчасти на установленные факты истории скандинавских языков, а отчасти на общие фонологические соображения, определить, какими различительными признаками обладала эта фонема в различные периоды ее истории, т. е. представить ее развитие как дискретный процесс?

Праскандинавская фонема /z/ была звонкой в противопоставлении с /s/. Но в то время как /s/ входило в серию глухих щелевых /f þ χ/, коррелятивной серии звонких щелевых не существовало: звонкими коррелятами к /f þ χ/ были /b d g/, но эти последние имели и смычные, и щелевые аллофоны.²¹ Другим различительным признаком /z/ была сибилантная артикуляция. /z/ было сибилантом (или «резким», по терминологии

¹⁸ K. Verner. [Рецензия на кн.: J. F. Krüger. Zur Lautverschiebung]. «Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur», 4, 1878, стр. 341. Ср.: J. Hoffory. Astri og de to nordiske r-lyd. «Arkiv för nordisk filologi», 1, 1883, стр. 42. — Хоффоры, правда, называет старое г «гингивальным», а новое — «альвеолярным». До Вернера о новом г высказывались разные предположения. Так, Бюге предполагал, что новое г произносилось «с языком, вибрирующим у зубов, тогда как исконное г, возможно, произносилось с языком, вибрирующим против нёба» (ср. e. To nyfundne norske Runeindskrifter fra den ældre Jærnalder. «Forhandlinger i Videnskabselskabet i Christiania», Aar 1872. Christiania, 1873, стр. 324), а Виммер утверждал, что новое г было «дентальным», а старое — «гугтуральным» (L. F. A. Wimmer. Fornnordisk formlära. Lund, 1874, стр. 11).

¹⁹ См., например: F. Kluge. Urgermanisch. Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte. Strassburg, 1913, стр. 141.

²⁰ См., например: O. Bremer. Die Aussprache... стр. 142; H. Pipping. Inledning... стр. 162 и сл.

²¹ Ср.: W. G. Moulton. The Stops and Spirants of Early Germanic. «Language», 30, 1954, 1, стр. 15—16. — По терминологии Моультона, смычка была лишь «вторичным» признаком этих фонем, тогда как звонкость была их «первичным» признаком.

Р. Якобсона) в противопоставлении с гоморганным несибилантом /d/, так же как /s/ было сибилантом в противоположении с /p/. Но в то время как /s/ и /p/ имели два общих различительных признака (щелевость и отсутствие голоса), /z/ и /d/ имели только один общий различительный признак (голос). Таким образом, /z/ было менее включено в фонологическую систему, чем /s/, и поэтому могло варьировать фонетически в более широких пределах. Что касается распределения /z/, то после ассимиляции /zd>dd/ и /zn>nn/²² оно встречалось, по-видимому, только в исходе слова и (значительно реже) между гласными.

Как происходит изменение различительных признаков? Количество их в пределах одной системы (и тем более в пределах одной фонемы) и варьирование их от системы к системе настолько ограничены, что их изменения не могут не подчиняться некоторым общим законам, и некоторые из этих законов в сущности уже известны. По-видимому, в отношении различительных признаков отдельной фонемы таким законом можно считать, что одновременно не может измениться больше одного из этих признаков. В цитированной выше статье Моултон ссылается на этот закон как на «рабочую гипотезу, которой... мы все пользуемся».²³ Установленное Остином правило, согласно которому фонема не может изменяться одновременно и по оси места артикуляции, и по оси способа артикуляции,²⁴ менее обобщенная формулировка того же закона.

Вопрос, следовательно, заключается в том, какой из двух различительных признаков фонемы /z/ изменился. Есть явные доказательства того, что изменению подвергся в ней различительный признак звонкости. Когда все конечные щелевые подверглись оглушению (а считается, что это произошло до 700 г.),²⁵ данная фонема не оглушилась в конечном положении, как она должна была бы оглушиться, если бы она была звонким коррелятом /s/.²⁶ Она, конечно, потому и не оглушилась в конечном положении, что звонкость стала в ней, как она обычно бывает в раскатистых, иррелевантна, хотя и имманентна. Позднейшие переходы /г/ в данную фонему (древнейший слу-

²² A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 164; S. Gutenbrunner. *Historische Lautlehre...*, стр. 50; J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik...*, 2, стр. 40.

²³ W. G. Moulton. *The Stops and Spirants...*, стр. 39, прим. 91.

²⁴ W. M. Austin. *Criteria for Phonetic Similarity*. «*Language*», 33, 1957, 4, стр. 543. — Формулировка Остина упрощает факты. Фонемы, обладающие более чем двумя различительными признаками, подразумевают более двух осей, по которым они могут изменяться.

²⁵ W. G. Moulton. *The Stops and Spirants...* стр. 10, прим. 34.

²⁶ A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 163; J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik...*, 2, стр. 13. — Древнейшие примеры оглушения звонких щелевых в исходе слова — это gAf и bAriutiþ в надписи из Штенгофта, которую Лис Якобсен датировала 650—750 гг. (*Danmarks runedandskrifter*. Text. København, 1942, столб. 1020).

чай: AfatR — в надписи из Истабю) и данной фонемы в /г/ показывают, что между этой фонемой и /г/ существовало нейтрализуемое противопоставление и что, следовательно, они имели общий различительный признак. Этим их общим различительным признаком была, очевидно, раскатистость.

Таким образом, признак звонкости уступил место в данной фонеме признаку раскатистости. Поскольку признак сибиллянтности не мог подвергнуться изменению в той же фонеме одновременно с признаком звонкости, он должен был, по меньшей мере на некоторое время, сохраниться в ней. Так, звонкий сибиллянт /z/ стал раскатистым сибиллянтом /ř/, подобным чешскому ř.²⁷ Этот согласный был, вероятно, слабо раскатистым по сравнению с /г/ и более или менее шумным в силу примеси в нем шумного [z] или [ž]. Его шумностью, должно быть, и объясняется то, что синкопа безударных гласных происходила перед ним, как и перед шумными согласными, но не перед /г/, а также /m/ и /n/.²⁸ Передача этой фонемы через s (или иногда через š, а иногда через г) в словах, заимствованных в лопарский язык после скандинавской синкопы безударных гласных,²⁹ подтверждает, что эта фонема была сибиллянтом. Ассимиляции данной фонемы с предшествующими /s r n m l/ в /ss rr nn mm ll/³⁰ не противоречат ее сибиллянтности.³¹ То, что во время озвончения всех срединных и конечных глухих щелевых в звонком окружении, т. е. когда все щелевые стали иметь как глухие, так и звонкие аллофоны,³² у /s/ не возникло звонкого ал-

²⁷ В предположении, что данная фонема оставалась сибиллянтом и после ротацизма, нет ничего нового. Пиппинг определял ее как «коронально-альвеолярное звонкое sch (русское ж)» (H. Pipping. Inledning., стр. 163), а Есперсен утверждал, что она была «нераскатистым переднеязычным (usnurret språdslyd), как фарерское или английское г» (O. Jespersen. Fonetik. København, 1879—1889, стр. 443). Правда, обычно предполагалось, что это было лишь переходным этапом. Но, может быть, было бы правильнее называть /ř/ не сибиллянтом, а «резким». Дело в том, что для данного периода в истории скандинавских языков можно предполагать не только противоположение /r/ и /ř/, но также и противоположение þ/ и /s/ и, может быть, /w/ и щелевого аллофона /b/, т. е. целую корреляцию резкости (ср.: Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. В кн.: Новое в лингвистике, 2. М., 1962, стр. 184 и сл.).

²⁸ O. Bremer. Die Aussprache..., стр. 44; А. И. Смирницкий. Отпадение конечного z в западногерманских языках и изменение z в г. «Труды Института языкознания АН СССР», 9, 1959, стр. 116.

²⁹ T. Sköld. Om uttalet..., стр. 36 и сл.

³⁰ A. Noreen. Altisländische Grammatik, стр. 200; S. Gutenbrunner. Historische Lautlehre..., стр. 75—76; J. Brøndum-Nielsen. Gammeldansk Grammatik..., 2, стр. 44.

³¹ Ср.: O. Bremer. Die Aussprache..., стр. 45.

³² Ср.: W. G. Moulton. The Stops and Spirants..., стр. 11. — Трнка говорит, что «переход z в R следует считать... первым фонетическим изменением, с которого начался процесс нейтрализации голоса в щелевых» (B. Trnka. Phonological Remarks concerning the Scandinavian Runic Writing. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939, стр. 295). Это вполне правдоподобно.

лофона, объясняется, по-видимому, тем, что такой звонкий аллофон, т. е. [z], был бы слишком близок к сибиллянтному раскатистому /ř/.

Известно, что новая фонема может появиться без возникновения нового различительного признака. Именно это происходит в случае так называемого заполнения пустой клетки. Известно также, что различительный признак может измениться в признак, новый для системы. Так, противопоставление звонких и глухих смычных может превратиться в противопоставление слабых и сильных или непридыхательных и придыхательных и т. д. Впрочем, и в этом случае число различительных признаков в системе не увеличивается. Известно также, что возникновение новых фонем может сопровождаться возникновением различительного признака, совершенно нового для системы. Так, возникновение палатализованных согласных обычно сопровождается возникновением совершенно нового консонантного различительного признака, а именно признака палатализации. В этом случае увеличивается и число различительных признаков и число фонем в системе. Но, по-видимому, можно считать законом, что, поскольку в пределах одной системы различительных признаков всегда меньше, чем фонем, число первых не может увеличиться, если одновременно не увеличивается число вторых.

Переход /z/ в /ř/ был распадением противопоставления /s—z/ и возникновением противопоставления /g—ř/. Но переход этот не был увеличением числа различительных признаков в системе согласных, так же как он не был увеличением числа фонем. Произошло только некоторое перераспределение различительных признаков: звонкость стала иррелевантной в одной фонеме (хотя и не исчезла из нее фонетически), но осталась релевантной в других; раскатистость стала релевантна в двух фонемах, тогда как раньше она была релевантна только в одной; сибиллянтность по-прежнему осталась релевантна в двух фонемах.

Обычно делается предположение, что фонема, которая обозначалась руной R, в какой-то период ее истории стала палатализованной. Нет, однако, никаких оснований считать, что в Скандинавии в то время существовали другие палатализованные согласные.³³ Следовательно, это предположение подразумевает возникновение различительного признака, совершенно нового для скандинавской системы согласных, т. е. увеличение числа различительных признаков в системе, не сопровождаемое увеличением числа фонем в ней, что, как было сказано выше, невероятно по общим соображениям.

Основной довод в пользу того, что данный согласный был палатализованным, — это так называемый умляут на R, кото-

³³ Ср.: V. Jansson, *Palataliserade dentaler i nordiska språk*. «Arkiv för nordisk filologi», 59, 1944, стр. 127—144.

рый, как известно, заключался в том, что в ударном слоге перед этим согласным произошли те же переходы, что и перед /i/ или /j/ последующего слога, а именно переходы /a o u/ в /æ ø y/.³⁴ Однако легко показать, что эти переходы были результатом возникновения нового различительного признака не в системе согласных (число которых не изменилось), а в системе гласных, число которых значительно увеличилось как раз в это время или непосредственно перед этим в результате так называемого умляута на *i* от /a o u/.³⁵ С парадигматической точки зрения, умляут на *i* и был возникновением нового различительного признака в системе гласных, которые теперь стали противопоставляться не по двум признакам, как раньше (по степени раствора и, вероятно, по наличию или отсутствию огубления), но по трем: не только по намянутым двум, но еще и по принадлежности к переднему или заднему ряду (ср. стр. 71). Фонемы /a o u/ расщепились, следовательно, на соответствующие фонемы переднего и заднего ряда — /æ ø y/ и /a o u/. С синтагматической точки зрения, умляут на *i* был переходами [æ] > /æ/, [ø] > /ø/, [y] > /y/, т. е. заменой передних аллофонов фонем /a o u/ фонемами /æ ø y/. Очевидно, до того, как эта замена произошла, реализация гласных /a o u/ должна была отличаться большой широтой. В частности, поскольку сибиллянт /z/ и возникший из него сибиллянт /ř/ подразумевают артикуляцию с более вперед продвинутым кончиком языка, чем обычный, несибиллянтный раскатистый (на что указывал еще Вернер³⁶), фонемы /a o u/ должны были быть представлены перед сибиллянтным раскатистым более передним аллофоном, чем перед несибиллянтным раскатистым. В таком случае при слиянии двух раскатистых фонем должна была произойти замена передних аллофонов фонем /a o u/ фонемами /æ ø y/ перед бывшим сибиллянтным раскатистым.³⁷ Не случайно так на-

³⁴ A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 66—67; Его же. *Altschwedische Grammatik...*, стр. 60—61; J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik...*, 1, стр. 132—133; D. A. Seip. *Norsk språkhistorie...*, стр. 46. Здесь и всюду ниже имеются в виду как краткие /a o u æ ø y/, так и долгие.

³⁵ A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 57 и сл.; Его же. *Altschwedische Grammatik...*, стр. 54 и сл.; J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik...*, 1, стр. 113 и сл.; S. Gutenbrunner. *Historische Lautlehre...*, стр. 46; D. A. Seip. *Norsk språkhistorie...*, стр. 23 и сл., 45—46.

³⁶ См. выше, стр. 33 и ср.: A. Jóhannesson. *Grammatik der urnordischen Runeninschriften*. Heidelberg, 1923, стр. 43.

³⁷ Возникновение переднего аллофона фонемы /a/ перед сибиллянтном (шипящим) засвидетельствовано также в верхненемецких диалектах (ср.: В. М. Жирмунский. *Немецкая диалектология*. М.—Л., 1956, стр. 193). Тому, что фонемы /a o u/ имели передние аллофоны перед сибиллянтным раскатистым, не противоречит переход /i>e/ перед этим согласным: еще Коок показал (А. Коок. *Studier över fornordisk vokalisation*. «Arkiv för nordisk filologi», 15 (11), 1899, стр. 347 и сл.), что этот переход, так же как и переход /u>o/ в том же положении, касался в противоположность умляуту на R не ударных, а безударных гласных (ср.: J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik...*, 1, стр. 162 и сл.).

зываемый умляут на R представлен в основном на западе Скандинавии (где слияние двух раскатистых фонем произошло рано, непосредственно после умляута на *i*, который был там особенно интенсивен), между тем как на востоке Скандинавии (где слияние двух раскатистых фонем произошло гораздо позднее, когда действие умляута на *i* уже давно завершилось) умляут на R представлен очень слабо — отчетливо только на Готланде и в Далайна.

К закону изменения различительных признаков, выведенному выше (стр. 36), можно сформулировать обратный закон: если не уменьшается число фонем, то не должно уменьшиться и число различительных признаков в данной системе. Но, конечно, фонема может исчезнуть без того, чтобы сократилось число различительных признаков в системе. Именно это произошло при слиянии двух раскатистых фонем: число согласных фонем уменьшилось на одну единицу, но число различительных признаков в системе согласных не уменьшилось, — сибиллянтность осталась релевантна в /s/, а раскатистость — в /r/.

Слиянию двух раскатистых фонем предшествовали нейтрализации их противопоставления в определенных позициях: сначала после безударного /i/ в пользу сибиллянтного раскатистого, например в *brupiR*, *fapiR*, *sustiR*, *aftiR* и т. п., потом после дентального в пользу несибиллянтного раскатистого, например в *raknhiltr*, *haraltr*, *batri* и т. п.³⁸ Можно поэтому предположить, что эти согласные фонемы потому и слились, что они оказались в дополнительном распределении.³⁹ С этой точки зрения, предположение Брате⁴⁰ и Чедера,⁴¹ что вытеснение руны R руной r было лишь орфографической реформой и не означало фонетического совпадения соответствующих согласных, вполне правдоподобно. Возможно, что эти согласные продолжали существовать, но большими не встречались в одинаковых положениях, т. е. стали различными аллофонами одной фонемы /r/. В таком случае вполне возможно, что отпадение конечного /r/, которое позднее широко распространилось на востоке Скандинавии,⁴² касалось именно сибиллянтного, т. е. более шумного и менее раскатистого аллофона этой фонемы.

³⁸ Danmarks runeindskrifter, столб. 70; J. Brøndum-Nielsen. Gamlemeldansk Grammatik..., 2, стр. 74—75. — Кристенсен был, возможно, прав, утверждая, что первый из этих переходов нельзя объяснить морфологической аналогией (M. Kristensen. Folkemål og sproghistorie. København, 1933, стр. 82—83). Однако этот переход также не доказывает палатализованности фонемы, которая обозначалась руной R, как этого не доказывает так называемый умляут на R.

³⁹ Ср.: А. И. Смирницкий. Отпадение конечного z..., стр. 131.

⁴⁰ E. Brate. Aldre Vestmannalagens Ijudlära. Uppsala, 1887, стр. 85.

⁴¹ B. Tjäder. Behandlingen av palatalt r i substantivens pluralformer under fornsvensk och nysvensk tid. Uppsala, 1961, стр. 11—12.

⁴² См.: Там же, стр. 7 и сл., где дается обзор литературы об этом явлении.

СКАНДИНАВСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ

Скандинавское преломление — это происшедший еще до создания древнейших рукописных памятников переход кратко-скандинавского *e* в *ia*, *io* и т. п. Я. Grimm считал, что скандинавское преломление (подобно древнеанглийскому и готскому) было вызвано последующими согласными.¹ Однако уже в 1841 г. А. Хольцман объяснял его влиянием безударных *a* и *i* и последующего слога, которые в ряде случаев были синкопированы, т. е. как своего рода умляют.² Впоследствии высказывались разные варианты этих двух точек зрения, но в 80-х годах господствующим стало толкование преломления как перехода *e* > *ea* (и дальше > *ia*) перед безударным *a* и *e* > *eu* (и дальше > *io*) перед безударным *i* в результате так называемой эпентезы, т. е. проникновения гласного из безударного слога в предшествующий ударный. Эту теорию развил выдающийся шведский лингвист Аксель Кокк, разработавший стройную систему фонетических законов,³ которая до недавнего времени считалась классическим достижением исторической фонетики.

В течение последних полутора десятков лет скандинавское преломление стало предметом оживленной дискуссии. Дискуссию открыли книга И. Свенссона,⁴ в которой утверждалось, что преломление — это спонтанный переход краткого *e* в дифтонг с палатальным приступом и что первичным продуктом преломления были *iæ* и *iø*, а не *ia* и *io*, и книга Б. Хессельмана,⁵ в

¹ J. Grimm. Deutsche Grammatik, I. Göttingen, 1840, стр. 540.

² A. Holtzmann. [Рецензия на книгу Гримма]. «Heidelberger Jahrbücher der Literatur», 1841, стр. 770 и сл.

³ Окончательно в кн.: A. Kock. Umlaut und Brechung im Altschwedischen. Lund, 1911—1916, стр. 248—323.

⁴ J. Svensson. Diftongering med palatalt förslag i de nordiska språken. Lund, 1944 — В книге дана история изучения преломления до 1944 г.

⁵ B. Hesselman. Omljud och brytning i de nordiska språken. Stockholm, 1945.

которой подвергался пересмотру ряд частных положений А. Кокка. Дискуссия развернулась на съезде скандинавистов в Копенгагене в 1946 г.⁶ и в целом ряде статей,⁷ причем, хотя теории Свенссона и Хессельмана были подвергнуты убедительной критике, стройное сооружение, воздвигнутое А. Кокком, тоже пошатнулось и во многом наметился возврат к дококковским точкам зрения (признание первичности *ia* как продукта преломления по сравнению с *io*, отрицание «эпентезы» и т. д.). Но основное, что дала дискуссия, это широкое привлечение нового, главным образом диалектографического, материала.

Надо сказать, однако, что материал скандинавских диалектов объясняет древнескандинавские звуковые изменения еще менее убедительно, чем хитроумные построения А. Кокка. В самом деле, изменения гласных в скандинавских диалектах едва ли должны повторять древнескандинавские изменения гласных, тем более, что скандинавская система гласных, существовавшая до преломления, совсем не похожа на системы гласных современных скандинавских диалектов. «Скандинавская тенденция развития» и т. п., т. е. тенденция, действующая на протяжении всей истории скандинавских языков, есть фикция в еще большей мере, чем кокковская «эпентеза». Фонетические тенденции меняются по мере того, как меняются фонологические условия. Фонологическое сходство — более прочная база для аналогий, чем родство.

Но фонологические идеи до сих пор не пользуются большой популярностью в Скандинавии. Поэтому, хотя у некоторых участников дискуссии о преломлении и встречаются ссылки на «систему» гласных,⁸ слово это скорее играет роль заклинания, чем выражает фонологическое понятие.

⁶ Nordistmødet i København. «Acta philologica Scandinavica», 19, 1947, стр. 3—61.

⁷ A. J a n z é n. Till frågan om brytningen. «Arkiv för nordisk filologi», 59, 1944, стр. 221—242; J. S v e n s s o n. [Рецензия на книгу Хессельмана]. «Arkiv för nordisk filologi», 60, 1945, стр. 188—217; P. N a e r t. [Рецензия на книгу Свенссона]. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», 42, 1942—1945, 2, стр. 148—154; V. J a n s s o n. [Рецензия на книгу Хессельмана]. «Namn och bygd», 1945, стр. 196—205; H. A n d e r s e n. Er Brytningen et Omljdsfænomen? «Arkiv för nordisk filologi», 61, 1946, стр. 157—170; I. H o f f. Brytning og progressiv j-omlyd. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskab», 14, 1947, стр. 315—340; E e ж e. Vilkārene for brytning av germansk e till [sic!] ia, io i vestnordisk. «Arkiv för nordisk filologi», 64, 1949, стр. 177—209; L. P o s t i. Till frågan om brytning och omljud. «Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar», 1948, стр. 39—59; E. H a r d i n g. Något om omljud och brytning i nordiskan. «Arkiv för nordisk filologi», 67, 1952, стр. 198—210; S. B e r g s v e i n s s o n. Eine neue Brechungstheorie? «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 9, 1956, 2, стр. 125—135; K. M. N i e l s e n. Scandinavian Breaking. «Acta philologica Scandinavica», 24, 1957, стр. 33—45. В последней статье есть общий обзор дискуссии. Ср. также: A. S z u l c. Umlaut und Brechung. Poznań, 1964.

⁸ Например: I. H o f f. Brytning og progressiv j-omlyd, стр. 338; S. B e r g s v e i n s s o n. Eine neue Brechungstheorie, стр. 133.

Между тем по меньшей мере в четырех вопросах, связанных со скандинавским преломлением, можно было бы, по-видимому, применить фонологическую точку зрения. Эти четыре вопроса: 1) природа скандинавского /e/ до преломления; 2) влияние безударных /a/ и /u/ на /e/ предшествующего слога; 3) продукт преломления; 4) преломление и синкопа безударных гласных.

1. Непосредственно перед преломлением в праскандинавском было, очевидно, пять гласных (как кратких, так и долгих):

i u
e o
a

Система из пяти гласных представлена в очень многих языках (но только не в скандинавских языках или диалектах после умляута на *i* от /a o u/!), например в латинском, испанском, русском, чешском, новогреческом, японском, грузинском, многих американских языках и т. д.⁹

Однако системы из пяти гласных могут быть очень различными в зависимости от того, что является фонологическим отличием /i e/ от /u o/, — противопоставлены ли первые вторым как нелабиализованные передние лабиализованным задним (наиболее обычный случай) или они противопоставлены друг другу только по одному из двух возможных различительных признаков, т. е. как нелабиализованные лабиализованным (так в русском) или как передние задним (так в японском), в то время как положение языка или соответственно лабиализация для них иррелевантны.¹⁰ Определить, к какому из этих типов относится данная система из пяти гласных, можно прежде всего по тому, какие аллофоны дают входящие в нее фонемы в разных позициях. Если фонемы /u o/ имеют как задние, так и более передние аллофоны, или фонемы /i e/ — как передние, так и более задние аллофоны, то очевидно, что положение языка для них иррелевантно, т. е. что фонологически они просто лабиализованные и нелабиализованные.

Так, в русском языке различие ударных гласных по ряду (т. е. по переднему или заднему образованию) обусловлено их позицией и прежде всего качеством соседних согласных.¹¹ В русском языке варьирование ударных гласных заключается еще и в том, что в зависимости от качества соседних согласных они принимают более или менее дифтонгоидный харак-

⁹ См.: Ch. F. Hockett. A Manual of Phonology. Baltimore, 1955, стр. 85—86.

¹⁰ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939, стр. 90—92; Ch. F. Hockett. A Manual of Phonology, стр. 85.

¹¹ N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie, стр. 91; Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, стр. 88, 95, 97.

тер.¹² В частности, /e/ может иметь [u]-образный приступ (особенно после мягкого согласного) и [ъ]-образное окончание (перед твердым согласным и особенно перед веларным л), т. е. способно меняться на протяжении своей длительности от переднего гласного к гласному, нейтральному в отношении положения языка, оставаясь нелабиализованным.¹³

Какие аллофоны имели скандинавские /u o/ в период, непосредственно предшествовавший умляуту на i от этих гласных, нам хорошо известно: в зависимости от позиции, а именно от качества последующего гласного (а не смежных согласных, как в русском языке), они были задними или передними, оставаясь лабиализованными, и эти аллофоны впоследствии фонологизовались (в чем и заключался умляут в фонологическом смысле), т. е. фонемы /u u: o o:/ расщепились на передние лабиализованные /u y: ø ø:/ и задние лабиализованные /u u: o o:/.

Судя по результатам преломления скандинавского /e/, в определенных позициях оно менялось на протяжении своей длительности от переднего гласного к гласному, нейтральному в отношении положения языка, т. е. было представлено аллофоном [e^a] и т. п., который позднее дал /ia/ и т. п.¹⁴

Все это позволяет сделать вывод, что в эпоху, предшествовавшую умляуту от /a a: u u: o o:/ и преломлению, скандинавские /i i: e e:/ отличались фонологически от /u u: o o:/ как нелабиализованные от лабиализованных, в то время как положение языка было для тех и других irrelevantно, и что именно это было предпосылкой как для умляута от /u u: o o:/, так и для преломления (но см. стр. 68).

Скандинавское /e:/, по-видимому, не имело аллофонов, соответствующих тем, которые привели к преломлению /e/, и это легко объяснить тем, что, хотя фонологическая природа кратких и долгих совпадала, между ними могли быть фонетические различия. /e:/, дифтонгизировавшееся впоследствии на большей территории (но, вероятно, по совершенно другим причинам), должно было быть более закрытым, чем /e/, поскольку оно произошло из германского /e:²/, которому противостояло более открытое /e:¹/, позднее отдифференцировавшееся в /a:/.¹⁵ О закрытости скандинавского /e:/, может быть, говорит его

¹² N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie, стр. 91, прим.

¹³ Р. И. Аванесов. Фонетика. . ., стр. 100—101.

¹⁴ Как показала дискуссия о преломлении, Свенссону едва ли удалось доказать, что первичным продуктом преломления были iæ и iø, а не ia и iö (см. особенно: I. Hoff. Brytning og progressiv j-onlyd, стр. 328—337).

¹⁵ См.: V. Trnka. Fonologický vývoj germánského vokalizmu, «Casopis pro moderní filologii», 22, 1936, 2, стр. 158; J. Kuryłowicz. The Germanic Vowel System. «Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego», 11, 1952, стр. 50.

написание через руны *i* в *wilagaR* (Lindholm), *uilald* (Overhornbæk), *uuilald* (Väsby).¹⁶

2. Из сказанного следует, что влияние безударных /а u/ на /е/ предшествующего слога (так же как и влияние безударного /i/ на /u o u: o:/) вовсе не подразумевает «эпентезы». Это влияние заключалось, очевидно, в том, что, поскольку для /е/ положение языка было иррелевантно, это /е/ могло в определенных позициях меняться на своем протяжении от переднего гласного к гласному, нейтральному в отношении положения языка или более заднему, и так как в тот период для ударных гласных вообще была характерна ассимиляция под влиянием безударных гласных последующего слога, это имело место прежде всего перед безударными /а u/, которые, если не было специальных условий для того, чтобы они были передними (/i/ в последующем слоге и т. п.), являлись, естественно, либо нейтральными в отношении положения языка, либо задними. При этом для /u/ заднее положение языка, было, конечно, более характерно, чем для /а/, поскольку после умляута на *i* заднее положение языка стало релевантным для /u/, тогда как для /а/ оно оставалось иррелевантным; этим, вероятно, объясняется то, что /u/, как убедительно показала И. Хофф,¹⁷ влияло на /е/ сильнее, чем /а/. Сказанному выше не противоречит и то, что в скандинавском преломлении, видимо, играли роль не только гласные, но и согласные, точно так же как в древнеанглийском преломлении, вероятно, играли роль не только согласные, но и гласные.¹⁸

3. Принято считать, что скандинавское преломление — это дифтонгизация. Но если дифтонг — это фонема, а не сочетание фонем, то преломление вряд ли является дифтонгизацией, так как звуки, образовавшиеся в результате преломления и обозначавшиеся в древнескандинавских языках диграфами *ia*, *io* и т. д., явно бифонемны, как показывает следующее.

1) Первый компонент этих сочетаний образует аналогичные сочетания с любым гласным (кроме, конечно, *i*), как кратким, так и долгим, и даже с дифтонгом. Так, Нурен устанавливает для древнеисландского сочетания *ia*, *ie*, *io*, *iu*, *iy*, *iQ*, *iø* *iá*, *ié*, *ió*, *iú*, *iQ*, *iø* и даже *iaui*, а для древненорвежского так же *iæ*;¹⁹ для древнешведского — *ia*, *io*, *iu*, *iæ*, *iø*, *iä*, *iö*, *iü*, *iæ*, *iö*;

¹⁶ W. Krause. Runeninschriften im älteren Futhark. Halle, 1937, стр. 656.

¹⁷ I. Hoff. Vilkårene for brytning...

¹⁸ Там же, стр. 187. — Между скандинавским и древнеанглийским /е/, вероятно, было и фонологическое сходство. О связи скандинавского и древнеанглийского преломления см. также: G. T. Flom. Breaking in Old Norse and Old English with Special Reference to the Relations between them. «Language», 13, 1937, 2, стр. 123—136.

¹⁹ A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1923, стр. 45.

а в диалектах также *iū*, *ie*, *iū*, *iē*.²⁰ То, что первый компонент этих сочетаний обозначался обычно буквой *i* и в древнеисландской поэзии всегда аллитерировал с гласным, а не согласным, объясняется, видимо, не тем, что этот компонент был действительно фонетически гласным,²¹ а тем, что, хотя этот компонент и был полугласным [*i*] или близким к нему согласным [*j*], он был аллофоном фонемы /*i*/, поскольку, вероятно, /*j*/ исчез как самостоятельная фонема после его отпадения в начале слова²² и превращения в ряде положений в слоговое [*i*].²³

2) Второй компонент этих сочетаний участвует в регулярных чередованиях совершенно так же, как соответствующие самостоятельные фонемы. Это всего очевиднее в древнеисландском чередовании *ia*—*iq*, которое совершенно аналогично чередованию *a*—*o*, обусловленному умляутом на *u*. Именно этот параллелизм заставляет думать, что /*io*/ или /*iq*/ есть результат умляута на *u* от /*ia*/, а не непосредственный результат преломления /*e*/.²⁴ Характерно также, что в древнеисландской поэзии уже в IX—X вв. /*q*/ в составе /*iq*/ рифмовалось совершенно так же, как и /*q*/ вне этого сочетания.²⁵

3) Несмотря на все несовершенство младшего рунического алфавита, в котором новые фонемы /*u* ø/ вообще не находили выражения, сочетания, возникшие в результате преломления, находили последовательное выражение в надписях младшими рунами как *ia* и *iu* (*fiakura*, *iak*, *miuk*, *þurbiurn* и т. п.), несомненно именно потому, что они были сочетанием старых, а не новых фонем.

Можно, правда, предположить, что между тем периодом, когда [*e*^a] и т. п. было аллофоном фонемы /*e*/, и тем периодом, когда образовалось сочетание фонем /*ia*/ и т. п., был период, когда продукт преломления являлся особой двугласной фонемой. Но дело в том, что для такого дифтонга в системе гласных, по-видимому, не нашлось бы места. Трудно сказать, оставались ли в эпоху преломления старые /*ai* au/ еще бифонемными, какими они, несомненно, были в прагерманскую эпоху.²⁶

²⁰ A. Noreen. *Altschwedische Grammatik mit Einschluss des Altgutnischen*. Halle, 1904, стр. 48.

²¹ Как думал Ф. Дитрих (см.: F. Dietrich. *Die Aussprache der Brechung und der übrigen mit *i* beginnenden Diphthonge*. «Germania», 1867, стр. 385—421).

²² A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 168.

²³ Там же, стр. 165.

²⁴ Так думал еще Я. Гримм (J. Grimm. *Deutsche Grammatik*, I, стр. 449) и позднее многие ученые (см.: K. M. Nielsen. *Scandinavian Breaking*, стр. 33).

²⁵ F. Jónsson. *iq: io i norsk-islandsk*. «Arkiv för nordisk filologi», 17, 1905, стр. 244—252; Его же. *Norsk-islandske kultur- og sprogforhold i 9. og 10. årh*. København, 1921, стр. 243.

²⁶ См.: В. Трнка. *Fonologický vývoj...*, стр. 156, — где указывается, что бифонемность их видна из того, что еще в готском они распадались перед гласным (ср.: *taujaп* и *tawida*, *bai* и *bajops*) и что их компоненты развивались в древнегерманских языках совершенно так же, как и вне данных сочетаний.

Во всяком случае, если они и были в эпоху преломления дифтонгами, то, как явствует из всей их истории, они были эквивалентны долгим гласным. Явно долгими или эквивалентными сочетанию «согласный+долгий гласный» были также и сочетания /iu: io:/, развившиеся из германского /eu/. Между тем развившиеся из /e/ сочетания были явно краткими (или эквивалентными сочетанию «согласный+краткий гласный») и, следовательно, не могли включиться в систему долгих.

Вместе с тем, однако, сдвиг ударения, подразумеваемый переходом [e^a] в /ia/, был, несомненно, связан с тем, что в единственном существовавшем в языке сочетании, в котором менее открытым гласный предшествовал более открытому, т. е. /io:/, слоговым был второй гласный, а не первый.

Таким образом, скандинавское преломление в отличие от скандинавского умляута на *i* от /a a: u u: o o:/ было не расщеплением фонемы на две новые, а превращением одной фонемы в сочетание фонем, т. е. расщеплением не парадигматическим, а синтагматическим.

4. Обычно под преломлением подразумевают два разных процесса: 1) возникновение в /e/ аллофона [e^a] и т. п.; 2) превращение этого аллофона в сочетание фонем /ia/ и т. п.

Первое — фонетический процесс, который не сопровождался никаким изменением в фонемном составе слов и поэтому, как правило, не находил никакого отражения в письме и, как всякий подобный процесс, не мог быть нарушен действием грамматической аналогии (т. е. не мог быть устранен там, где он должен был в силу фонетических условий возникнуть, или наоборот). Поскольку такое «фонетическое» преломление не подразумевало никакого качественного скачка, оно могло происходить в течение очень длительного времени.

Второе — фонологический процесс, который сопровождался изменением в фонемном составе слов, т. е. подразумевал известный качественный скачок и поэтому, как правило, находил отражение в письме (хотя, может быть, и не сразу). Это изменение в фонемном составе слов естественно могло быть нарушено действием грамматической аналогии (поэтому наличие слов с «фонологическим» преломлением, но без /a/ или /u/ в последующем слове, не доказывает, что преломление было спонтанной дифтонгизацией, и т. д.).

Очевидно, что «фонетическое» преломление произошло до синкопы безударных гласных (поскольку эти гласные обуславливали «фонетическое» преломление) и, может быть, задолго до «фонологического» преломления и, следовательно, задолго до того, как появились первые обозначения преломления в письме. Так, вероятно, оно уже произошло в heldaR в надписи из Tiurkö, а возможно, и еще раньше.

Ниже речь будет идти только о «фонологическом» преломлении.

Если бы преломление, подобно умляуту на *i* от /а а: и и: о о:/, заключалось в возникновении новых фонем, то естественно было бы предположить, что аллофоны старых фонем превратились в новые фонемы в результате того, что эти аллофоны перестали быть обусловлены, поскольку исчезло то, что их обуславливало (т. е. безударные /а и/), и что, таким образом, потеря одних различительных возможностей — безударных гласных — компенсировалась возникновением других различительных возможностей — новых фонем (ср. стр. 14). Но поскольку преломление не было связано с возникновением новых фонем, оно более вероятно было обусловлено тем, что в результате постепенного фонетического развития /e/ совпало в своем приступе с неслоговым /i/ сочетаний /iu: io:/. Следовательно, существование таких сочетаний в языке было тоже одним из условий преломления.

Связь преломления с синкопой маловероятна также потому, что преломление, видимо, должно было произойти до возникновения /у у: ø ø:/ и, следовательно, до синкопы безударного /i/ (обусловившей возникновение этих фонем), поскольку появление лабиализованных передних фонем /у у: ø ø:/ должно было сопровождаться превращением /и и: о о:/ в лабиализованные задние и соответственно /i i: e e:/ в нелабиализованные передние, а тем самым и устранением предпосылки для развития в /e/ аллофона, нейтрального в отношении положения языка, т. е. [e^a], и т. п.

Связь преломления с синкопой необязательна еще и потому, что, как уже было сказано, скандинавское преломление, было, по-видимому, обусловлено не только влиянием безударных /а/ и /и/ на /e/, но также и влиянием соседних согласных,²⁷ которые вообще не исчезали.

По фонологическим соображениям, таким образом, преломление должно было произойти до умляута на *i* от /а а: и и: о о:/ и до синкопы безударных гласных.

²⁷ См. особенно: I. Hoff. *Vilkårene for brytning...*; ср. также: L. Posti. *Till frågan...*

СКАНДИНАВСКИЙ УМЛЯУТ НА І

В 1888 г. выдающийся шведский лингвист Аксель Кокк выдвинул для объяснения фактов скандинавского умляута на і свою знаменитую теорию трех периодов.¹ Вот ее суть: в первый период і отпадало после долгого корневого слога и вызывало умляут (например, *dōmidō > dōmda); во второй период і отпадало после краткого корневого слога, но не вызывало умляута (например, *talidō > talda); в третий период не отпадающее і вызывало умляут (например, *suniR > synir), причем на этот раз и в кратком, и в долгом корневых слогах. Частные правила, которыми Кокк объяснял исключения из этого общего правила, здесь опускаются.

Хотя теория Кокка до недавнего времени приводилась в авторитетных работах без оговорок,² многие видные скандинависты сомневались в ее правильности и особенно в возможности безумляутного периода, который она подразумевает. Для истолкования фактов, которые заставили Кокка допустить су-

¹ А. Кокк. I-omljudet och den samnordiska förlusten af ändelsevokaler. «Arkiv för nordisk filologi», 4, 1888, стр. 141—162 и стр. 185; Его же. Der i-Umlaut und der gemeinnordische Verlust der Endvokale. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 14, 1889, стр. 53—75 (немецкий перевод той же статьи); в окончательной формулировке: Его же. Umlaut und Brechung im Altschwedischen. Lund, 1911—1916 ср. также: Его же. Zur Umlauts- und Betonungsfrage. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 15, 1891, стр. 261—267; Его же. I-omljud i kort rotstavelse, följt av -R. «Arkiv för nordisk filologi», 8, 1892, стр. 256—265; Его же. Kritische Bemerkungen sur Frage nach dem i-Umlaut. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 18, 1894, стр. 417—464.

² Например: А. Heusler. Altisländisches Elementarbuch. Heidelberg, 1932, стр. 20; P. Skautrup. Det danske sprogs historie, 1. København, 1944, стр. 46; E. Wessén. Svensk språkhistoria, 1. Stockholm, 1955, стр. 12; S. Gutenbrunner. Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen. Heidelberg, 1951, стр. 46.

ществование этого периода (т. е. для истолкования того, что отпадающее *i* не вызывало умляута в кратком корневом слоге), было выдвинуто много теорий.³ На съезде скандинавистов в 1946 г. одним из центральных вопросов была новая попытка опровергнуть теорию Кокка.⁴ Пожалуй, ни один факт истории скандинавских языков не доставил столько хлопот скандинавистам, как то, что отпадающее *i* не вызывало умляута в кратком корневом слоге. Тем не менее, хотя в авторитетных работах теория Кокка все чаще приводится с оговорками,⁵ удовлетворительного другого решения проблемы до сих пор не было найдено.

Те, кто до сих пор пытался решить загадку безумляутного периода, шли по одному из четырех путей.

1. Допускалось, что *i* отпадало после краткого корневого слога раньше, чем после долгого, т. е. что умляут отсутствует в краткосложных словах потому, что *i* отпало в них «до умляута». Такое допущение делал Сиверс в 1878 г.⁶ и многие до него. Теория Кокка и возникла как опровержение теории Сиверса. Дело в том, что в пользу такого допущения никогда не было приведено никаких фактов (кроме, конечно, самого факта отсутствия умляута в краткосложных словах, которым это допущение должно быть объяснено!).

Между тем, как показал Кокк,⁷ целый ряд фактов говорит против этого допущения: в западногерманских языках безударные гласные редуцировались после долгого слога раньше, чем после краткого (ср.: др.-англ. *wurm*, но *byge* и т. п.); о такой же последовательности редукции безударных гласных свидетельствует так называемое равновесие гласных в шведских и норвежских диалектах (ср.: др.-шведск. *liva*, но *bitæ* и т. п.); такая последовательность прослеживается (насколько позволяет скудость материала) и в рунических надписях.⁸ Она косвенно подтверждается и фактами ассимиляции согласных: *sæll* < **saliR*, но *ving* < **winiR* и т. п.⁹

³ Историю вопроса до 1929 г. см.: E. Neuman n. Det nordiska i-omljudet. «Acta philologica Scandinavica», 4, 1929, стр. 193 и сл.; см. также: W. Streitberg, V. Michels and M. N. Jellinek. Die Erforschung der indogermanischen Sprachen, 2. Germanisch. Berlin, 1936, стр. 395 и сл.

⁴ Nordistmødet i København. «Acta philologica Scandinavica», 19, 1947, стр. 3 и сл.

⁵ Например: D. A. Seip. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo, 1955, стр. 23 и сл.; R. Iversen. Nørrøn grammatikk. Oslo, 1955, стр. 28.

⁶ E. Sievers. Zur Accent- und Lautlehre der germanischen Sprachen. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», 5, 1878, стр. 131.

⁷ A. Koch. I-omljudet och den samnordiska förlusten, стр. 147 и сл.

⁸ Ср.: A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1923, стр. 132 и сл.; D. A. Seip. Norsk språkhistorie. . . , стр. 22.

⁹ Ср.: E. Harding. Något om omljud och brytning i nordiskan. «Arkiv för nordisk filologi», 67, 1952, стр. 199.

Удивительно, что Х. Пенцль, которому принадлежит заслуга фонологического истолкования скандинавского умляута на *i*,¹⁰ вернулся по данному вопросу к допущению Сиверса.¹¹ Именно с фонологической точки зрения допущение Сиверса неприемлемо: если *i* отпадало после краткого слога раньше, чем после долгого, то тогда и фонологизация умляутных аллофонов должна была произойти в результате этого отпадения, и отсутствие умляута в краткосложных словах не могло стать правилом (ср. также ниже, п. 3).

2. Отсутствие умляута в краткосложных словах объяснялось теми или иными процессами аналогического выравнивания. Различные допущения такого рода делали Э. Вадстейн,¹² Х. Пиппинг,¹³ Э. Неуман.¹⁴ Объяснения посредством грамматической аналогии обычно сочетались с различного рода допущениями относительно последовательности редукции *i* (см. п. 1). Так, Пиппинг считал, что в краткосложных словах *i* отпадало по аналогии с долгосложными до того, как оно достигло той ступени редукции, которая якобы была условием умляута, а Неуман утверждал, что хотя в двусложных словах с кратким корневым слогом отсутствие умляута было аналогическим, в соответствующих трехсложных словах оно объясняется отпадением *i* «до умляута».

Объяснения отсутствия умляута на *i* в краткосложных словах посредством аналогии давно исчерпали себя. Для того чтобы такие объяснения не были натянутыми и голословными, они должны содержать указания на условия, делающие аналогическое распространение если не обязательным, то хотя бы правдоподобным. Но на такие условия никто до сих пор указать не мог.

3. Допускалось, что в краткосложных словах имел место «обратный» умляут, т. е. какой-то другой умляут, нейтрализовавший действие умляута на *i*. Д. А. Сейп¹⁵ предположил, что в словах типа **staði* *i* перешло в *e* до того, как отпало, и поэтому, отпа-

¹⁰ H. Penzl. Zur Entstehung des *i*-Umlauts im Nordgermanischen. «*Arkiv för nordisk filologi*», 66, 1951, стр. 1—15.

¹¹ Там же, стр. 10 и сл.

¹² E. Wadstein. Eine vermeintliche Ausnahme von der *i*-Umlautsregel im Altnordischen. «*Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*», 17, 1893, стр. 412—434; ср.: E. Wessén. *I-omljud och vokalsynkope i fornvästnordiskan*. «*Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala förhandlingar*», 1916—1918, стр. 60 и сл.

¹³ H. Pipping. Zur Theorie der Analogiebildung. «*Mémoires de la Société Néo-Philologique à Helsingfors*», 4, 1906, стр. 273 и сл.; Его же. Zur Lehre vom *w*-Verlust in der altnordischen Sprachen. В кн.: Xenia Lideniana, 1912, стр. 174 и сл.; Его же. Sex kapitel ur de nordiska språkens grammatik. «*Studier i nordisk filologi*», 12, 1921, стр. 79 и сл.; Его же. Inledning till studiet av de nordiska språkens ljudlära. Helsingfors, 1922, стр. 72 и сл.

¹⁴ E. Neuman. Det nordiska *i*-omljudet.

¹⁵ D. A. Seip. [Рецензия на книгу А. Кокка об умляуте и преломлении.] «*Mål og minne*», 1919, стр. 86.

дая, не дало умляута. Б. Хессельман¹⁶ в своей капитальной книге об умляуте и преломлении развил это предположение. Ссылаясь на параллели в норвежских диалектах, он утверждал, что после того, как *i* отпало в долгосложных словах, оно перешло в *e* в абсолютном исходе и открытом среднем слоге, т. е. $*sta^i\bar{u}_1 > *sta^i\bar{o}_1$, $*valioa > *vale$ и откуда в результате «обратного умляута» на *e* (omljudsväxling) и отпадения *e* получилось *stad*, *valda*.

Против этой теории было выдвинуто много возражений, особенно на съезде скандинавистов в 1946 г.¹⁷ Остается недоказанным не только то, что переход *i* в *e* должен был вызвать «обратный умляут», но и то, что такой переход вообще имел место. В рунических надписях нет никаких следов его, а с фонологической точки зрения переход безударного *i* в другую фонему в период общей редукции безударных гласных невероятен. Если же этот переход был лишь редукцией *i*, то тогда он не мог вызвать умляута.

Не более убедителен «обратный умляут» на *a*, предположенный Пенцлем в словах типа *lukla*, *valpa*.¹⁸ Окончание *-a* характерно только для данной формы (1-е л. ед. ч. прош. вр.) и притом для долгосложных слов в той же мере, что и для краткосложных¹⁹ (см. также выше, п. 1).

4. Отсутствие умляута в краткосложных словах объясняется структурными особенностями слога или слова. Так, А. Sommerfeldt,²⁰ ссылаясь на устанавливаемый ван Гиннекеном²¹ ритмический закон, утверждал, что «долгие слоги имеют больший психический и артикуляторный вес, чем краткие. Поэтому в $*valid\bar{o}$ первый слог не мог иметь необходимой артикуляторно-психической силы, чтобы вобрать в себя следующее за ним *i*, поскольку в слове был также и долгий слог», тогда как «в таких формах, как $*d\bar{o}mi \bar{o}$... первый слог в силу своего количества в соединении с ударением имеет необходимый перевес, который позволяет ему вобрать в себя следующее за ним *i*».²²

Заслугой Sommerfeldta является то, что его теория была

¹⁶ B. Hesselman. Omljud och brytning i de nordiska språken. Stockholm, 1945, стр. 11 и сл.

¹⁷ «Acta philologica Scandinavica», 19, 1947, стр. 4 и сл. (Т. Johannisson). стр. 9 и сл. (J. Svensson), стр. 12 и сл. (А. Janzén); см. также: J. Svensson. Hesselmans nya omljuds-teori. «Arkiv för nordisk filologi», 60, 1945, стр. 188—217.

¹⁸ H. Penzli. Zur Entstehung. ..., стр. 11 и сл.

¹⁹ Ср.: E. Harding. Något om omljud. ..., стр. 208.

²⁰ A. Sommerfeldt. Mangelen på i-omlyd efter kort rotstavelse. В кн.: Festschrift til Hjalmar Falk. Oslo, 1927, стр. 42—49.

²¹ Van Ginneken. Principes de linguistique psychologique. Paris, 1907, стр. 252—262.

²² A. Sommerfeldt. Mangelen på i-omlyd. ..., стр. 44 и сл. — Новые соображения на эту тему высказал А. Шульц в связи с его концепцией умляута как результата перестройки прагерманской слоговой системы (А. Schulz. Umlaut und Brechung. Poznań, 1964, стр. 85 и сл.).

первой в своем роде. Но эта теория основана на таких неясных понятиях, как «артикуляторно-психическая сила» и т. п., и она не объясняет отсутствия умляута в краткосложных словах другой ритмической структуры (*stađi и т. д.). Кроме того, предполагаемое этой теорией сохранение долготы гласных в безударном положении в самый разгар общей редукции безударных гласных маловероятно.

По К. Ольсену,²³ отсутствие умляута в краткосложных словах объясняется тем, что умляутные гласные были более закрытыми, чем те гласные, из которых они развились, и что краткость слога препятствовала переходу гласного в более закрытый. Несомненно, однако, что /æ ø y/ должны были быть более передними, чем /a o u/, а вовсе не более закрытыми.

Наконец, сторонники объяснения умляута на *i* палатализацией промежуточных согласных утверждали, что в долгом слоге слогораздел проходил до согласного, который поэтому палатализовался под влиянием последующего *i* и палатализовал предшествующий гласный, тогда как в кратком слоге слогораздел проходил после согласного, который поэтому не палатализовался под влиянием последующего *i* и не палатализовал предшествующего гласного, т. е. *dō | mi ō, но *val | i ō, *stađ | i.²⁴

Не говоря уже о том, что само по себе объяснение германского умляута на *i* палатализацией промежуточных согласных является, по-видимому, пройденным этапом,²⁵ о древнегерманском слоделении высказывались и другие мнения. Так, Нурен²⁶ предполагает слоделение типа eig-a, hald-a, far-a. Такое слоделение подразумевают скальдические внутренние рифмы. По Хойслеру,²⁷ общегерманским было слоделение типа bin-da, ge-ta. Между тем Курилович²⁸ утверждал, что в результате удлинения конечного гласного в односложных словах деление краткосложных слов (т. е. слов типа geta) на слоги стало в германских языках вообще невозможно.

Таким образом, несмотря на то, что в продолжение последних 70 лет было сделано множество попыток решить загадку безумляутного периода, загадка эта остается до сих пор нерешенной.

Если считать доказанным, что *i* отпадало после долгого корневого слога раньше, чем после краткого (а считать так застав-

²³ C. J. Olsen. Métaphonie causée par *i* et quantité syllabique. «Acta philologica scandinavica», 20, 1949, стр. 334—338.

²⁴ E. Rooth. Zum *i*-Umlaut. «Studia neophilologica», 13, 1940, стр. 107. Впервые см.: A. Walde. Die germanische Auslautgesetze, 1900, стр. 190. Ср. также: P. Wieselgren. Palatalisering, muljering och *i*-omljud. В кн.: Festskrift till J. Sahlgren. Lund, 1944, стр. 176 и сл.

²⁵ См. особенно: H. Penzl. Umlaut and Secondary Umlaut in Old High German. «Language», 25, 1949, 3, стр. 233 и сл.

²⁶ A. Noreen. Altisländische Grammatik, стр. 45.

²⁷ A. Heusler. Altisländisches Elementarbuch, стр. 15.

²⁸ J. Kuryłowicz. Contribution à la théorie de la syllabe. «Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego», 8, 1948, стр. 97.

ляют неопровержимые факты), то с фонологической точки зрения остаются только две возможности: либо надо предположить, что, хотя в аллофонический период умляута умляутные аллофоны возникали во всех словах, где было *i* в окончании, в момент возникновения умляутных фонем эти аллофоны превращались в умляутные фонемы только там, где *i* в этот момент отпадало

(т. е. только в долгосложных словах типа *dōtþa*), а что в словах, где *i* вообще не отпало (т. е. в словах типа *ketill*, *bendill*), умляутные фонемы появились лишь позднее, после отпадения *i* в краткосложных словах типа *talþa*, в которых поэтому и нет умляутных фонем; либо надо предположить, что в аллофонический период умляута умляутные аллофоны возникали только в долгосложных словах и что в краткосложных словах, в которых *i* вообще не отпало (т. е. в словах типа *ketill*), умляутные фонемы появились лишь позднее, после отпадения *i* в краткосложных словах типа *talþa*, в которых поэтому и нет умляутных фонем.

В случае первого предположения надо было бы доказать, что в момент возникновения умляутных фонем умляутные аллофоны в словах, где *i* не отпадало, не должны были превращаться в умляутные фонемы. Но доказать это невозможно. Правда, распределение умляутных фонем не должно полностью соответствовать распределению умляутных аллофонов. В противоположность возникновению аллофонов, смена фонем могла не произойти, если этому препятствовала грамматическая аналогия. Старая фонема могла оказаться на месте умляутного аллофона, причем не только там, где *i* оставалось (например, в формах типа *staþir*, *valiþr*), но и там, где *i* отпало (например, в словах типа *fundr* < **[fyndiR]*). Умляутная фонема могла оказаться и там, где умляутного аллофона никогда не было (например, в *-gestumR/gæstumR* / < **[gastumR]*). Все это, однако, только исключения. Правильно же должно было несомненно быть превращение умляутного аллофона в умляутную фонему не только там, где *i* отпадало, но и там, где *i* оставалось и где, следовательно, имела место нейтрализация противопоставления умляутной фонемы той фонеме, из которой она возникла, в пользу умляутной фонемы.²⁹ После возникновения умляутных фонем умляутные, т. е. передние и е, аллофоны не могли оставаться аллофонами фонем /*a* *o* *u*/. потому что с возникновением умляутных фонем изменилась фонологическая природа фонем /*a* *o* *u*/: раньше они были гласными, нейтральными в отношении положения языка (чем и объяснялась возможность как задних, так и передних аллофонов в них), теперь же они стали задними гласными.³⁰

²⁹ Т. е., по Трубецкому, совпадение представителя архифонемы с реализацией одного из членов противопоставления при внешней обусловленности этого представителя (N. S. Trubetzkoy. Grundzüge der Phonologie. Prague, 1939, стр. 72).

³⁰ Ср.: W. F. Twaddell. The Prehistoric Germanic Short Syllables. «Language», 24. 1948, 2, стр. 149.

Остается сделать второе предположение: в краткосложных словах вообще не возникло умляутных аллофонов в аллофонический период умляута. В этом случае прежде всего естественно возникает следующий вопрос: было ли вообще возможно в аллофонический период умляута отсутствие умляутного аллофона при наличии *i* в последующем слоге? И ответить на этот вопрос нетрудно. В аллофонический период умляута в целом ряде случаев умляутные аллофоны явно не возникали, несмотря на наличие *i* в последующем слоге, а именно: они не возникали 1) под влиянием *i*, содержавшегося в следующем слове;³¹ 2) под влиянием *i*, содержавшегося во втором члене сложного слова (но были в этом случае тем обычнее, чем меньше члены сложного слова сохраняли свою смысловую самостоятельность);³² 3) под влиянием *i*, содержавшегося в тяжелом суффиксе.³³

Есть все основания полагать, что в перечисленных случаях возникновению умляутного аллофона препятствовал «открытый стык» (*open juncture*), т. е. такое примыкание слогов, которое в современных германских языках имеет место на границе слов, внутри сложных слов и перед тяжелыми суффиксами и отличается от обычного внутри слов более тесного примыкания слогов, или «закрытого стыка» (*close juncture*).³⁴ Но тогда напрашивается вывод, что в аллофонический период умляута после краткого корневого слога тоже существовал открытый стык, совпадавший с границей корневой морфемы, и этот открытый стык препятствовал возникновению умляутных аллофонов в соответствующих словах. Можно было бы даже пойти еще дальше и предположить, что до начала редукции безударных гласных открытый стык существовал как после краткого, так и после долгого корневого слога, но в соответствии с общей последовательностью редукции исчез после долгого слога раньше, чем после краткого, откуда и различие в поведении кратко- и долгосложных слов в отношении умляута на *i*. То, что умляутные фонемы позднее появились и в краткосложных словах, т. е. словах типа *ketill*, было бы тогда легко объяснить тем, что к этому времени, т. е. уже после отпадения *i* в краткосложных словах типа *valfa*,

³¹ В немецком языке исключением из этого правила являются *meg ih*, *werf iz* у Отфрида и т. п., которые Пенцль объясняет «закрытым стыком» (*H. Penzl. Umlaut and Secondary Umlaut...*, стр. 228 и сл.).

³² А. Норен. *Altisländische Grammatik*, стр. 60 и сл.; В. Нессельман. *Omljud och brytning...*, стр. 33 и сл.

³³ А. Норен. *Altisländische Grammatik*; ср.: Н. Пенцль. *Umlaut and Secondary Umlaut...*, стр. 288; Ж. Курьюлович. *Contribution...*, стр. 102.

³⁴ Явления слогового «стыка» (*junctional phenomena*) были впервые исследованы американскими фонологами на материале современных германских языков. См. особенно: G. L. Trager and B. Bloch. *The Syllabic Phonemes of English*. «Language», 17, 1941, 3, стр. 225 и сл.; B. Bloch and G. L. Trager. *Outline of Linguistic Analysis*. Baltimore, 1942, стр. 35 и сл. и стр. 47; W. G. Moulton. *Juncture in Modern Standard German*. «Language», 23, 1947, 3, стр. 212 и сл.; Ch. F. Hockett. *A Manual of Phonology*. Baltimore, 1955, стр. 64, 175 и сл.

исчезло структурное различие между кратким и долгим корневыми слогами.³⁵ Но чтобы доказать такое толкование, нужно исчерпывающее исследование явлений стыка в праскандинавском и прагерманском,³⁶ что является пока делом будущего.

³⁵ О том, что умляутные фонемы появились в ряде случаев в словах с сохранившимся *i* позднее эпохи возникновения умляутных фонем, говорят, по-видимому, и факты: ср.: -gestumR, но HARIwOLAiR в надписи из Stenottofta и т. п. (см.: E. Harding. Något om omljud... , стр. 202).

³⁶ Попыткой в этом направлении является статья Лемана (W. P. Lehmann. The Proto-Indo-European Resonants in Germanic. «Language», 31, 1955, 3, стр. 363).

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ В ИСЛАНДСКОМ И ЕЕ ИСТОРИЯ

Примечательно, что у исследователей системы исландских гласных тем больше единодушия, чем больше они углубляются в ее историю. Наибольшее единодушие существует в отношении праскандинавской системы гласных. Наибольшие разногласия вызывает современная исландская система гласных. Между тем современные исландские гласные были неоднократно и подробно описаны фонетистами¹ и даже экспериментально исследованы,² тогда как для прошлых периодов истории исландского языка таких исследований и описаний, естественно, нет, а для праскандинавского и памятники крайне скудны (только надписи старшими рунами). Возможно одно из двух объяснений такого положения вещей: 1) современная исландская система гласных представляет собой какой-то более особенный или менее очевидный случай, чем ее прошлые ступени; 2) договориться о том, что собой представляет данная система фонем, тем труд-

¹ См. важнейшие из этих описаний: Н. В. Goodwin. *Det moderna isländska ljudsystemet*. «Svenska landsmål ock svenskt folkliv», 1905, стр. 99—113; Его же. *Utkast till systematisk framställning av det moderna isländska uttalet*. «Svenska landsmål ock svenskt folkliv», 1908, стр. 77—115; Jón Ófeigsson. *Træk af moderne islandsk Lydlære*. В кн.: S. Blöndal. *Islandsk-dansk Ordbog*. Reykjavík, 1920—1924, стр. XIV—XXVII; Valtýr Guðmundsson. *Islandsk Grammatik*. *Islandsk nutidssprog*. København, 1922; K. Malone. *The Phonology of Modern Icelandic*. Menasha, 1923; Sveinbjörn Sveinbjörnsson. *Icelandic Phonetics*. «Acta Jutlandica», V, Supplementum, 1933; В. Kress. *Die Laute des modernen Isländischen*. Berlin, 1937; Stefán Einarsson. *Icelandic*. Baltimore, 1949; Björn Guðfinnsson. *Málýzkur*, I. Reykjavík, 1953; Его же. *Breytingar á framburði og stafsetningu*. Reykjavík, 1947; Arni Böðvarsson. *Hljóðfræði*. Reykjavík, 1953. — Высказывания об исландских гласных есть также у Раска, Эллиса, Пасси, Суита, Сторма и многих других. Эти более ранние или более краткие высказывания обычно приводит Кресс в указанном выше сочинении.

² Stefán Einarsson. *Beiträge zur Phonetik der isländischen Sprache*. Oslo, 1927; Sveinn Bergsveinsson. *Grundfragen der isländischen Satzphonetik*. København, 1941.

нее, чем лучше известны соответствующие фонетические и фонологические факты; другими словами, чем меньше известны эти факты, тем больше тенденция к упрощению у исследователей. Второе объяснение кажется мне более правдоподобным. Поэтому представляется целесообразным обратиться сначала к современным исландским гласным, а потом уже к их прошлому. Не отсутствует ли и в прошлом та простота, которая, несомненно, отсутствует в настоящем?

В 1960 г. появилась моя статья об исландских гласных,³ в которой предлагалось фонологическое решение, отличное от предложенных до меня американским лингвистом Мейлоном,⁴ норвежско-американским лингвистом Хаугеном⁵ и исландским лингвистом Бенедиктссоном.⁶ После появления моей статьи новые фонологические решения той же задачи и общие соображения о симметрии и фонологических схемах были опубликованы Мейлоном⁷ и Хаугеном.⁸ Некоторые общие соображения о неединственности фонологических решений и симметрии высказал потом и Бенедиктссон.⁹ Излагая предложенные фонологические решения, я буду исходить из допущения, что фонологическое решение — это решение задачи, условиями которой являются фонологические и фонетические факты. Фонологические факты, т. е. наличные противопоставления, нейтрализации и т. д., — это условия для установления состава фонем и взаимоотношений между ними. Фонетические факты, т. е. фонетические реализации отдельных фонем, — это условия для определения различных признаков этих фонем.

Вот фонологические факты. Ни у кого не вызывает сомнений, что фонемами следует считать следующие исландские монофтонги: /i i e y ø u o a/.¹⁰ Ни у кого не вызывает сомнений также, что дифтонги /ei øi ou au ai/ не аллофоны этих фонем. Напротив, дифтонги [oi: yí: uí: lí:], очевидно, следует считать аллофонами фонем /o y u i/, так как эти дифтонги встречаются

³ M. I. Steblin-Kamenskij. The Vowel System of Modern Icelandic. «Studia linguistica», 14, 1960, 1, стр. 35—46.

⁴ K. Malone. The Phonemes of Modern Icelandic. В кн.: Studies in Honor of A. M. Sturtevant. Lawrence, 1952, стр. 5—21.

⁵ E. Haugen. The Phonemics of Modern Icelandic. «Language», 34, 1958, 1, стр. 55—88.

⁶ Hreinn Benediktsson. The Vowel System of Icelandic: a Survey of its History. «Word», 15, 1959, 2, стр. 282—312.

⁷ K. Malone. On Symmetry in Phonemic Analysis. «Language», 38, 1962, 2, стр. 142—146.

⁸ E. Haugen. On Diagramming Vowel Systems. В кн.: Proceedings of the Fourth International Congress of Phonetic Sciences Helsinki 1961. Helsinki, 1962, стр. 648—654.

⁹ Hreinn Benediktsson. The Non-Uniqueness of Phonemic Solutions: Quantity and Stress in Icelandic. «Phonetica», 10, 1963, стр. 133 и сл.

¹⁰ Различные авторы по-разному обозначали исландские гласные фонемы. Далее они всюду даны в транскрипции, максимально близкой к транскрипции МФА.

ся только перед /j/ и находятся в дополнительном распределении с соответствующими монофтонгами.¹¹ Исландские гласные фонемы (в том числе и дифтонги) долги или кратки в зависимости от положения (в ударном слоге гласные долги в исходе, перед краткими согласными и определенными сочетаниями согласных, а именно перед /p t k s/+j v r/, и кратки в остальных положениях). Поэтому представляется вполне убедительным вывод Мейлона, что в исландском долгота — это «свойство слога, аналогичное ударению и тону».¹² К такому же выводу приходит Хауген.¹³ Таким образом, в исландском релевантна не долгота фонемы, а распределение долготы в слоге. То, что дифтонги [oi: Yi: ui: Ii:] всегда долги, подтверждает, что они аллофоны, а не фонемы.¹⁴ Важным фонологическим фактом является также то, что монофтонги и дифтонги /ei øi ou ai/ попарно нейтрализуются в одних и тех же положениях (а именно перед сонорными согласными /ng/ и /j/) в пользу дифтонга, причем, однако, монофтонги /i/ и /y/ нейтрализуются не с дифтонгами, а с монофтонгами /i/ и /u/, и нейтрализация в данном случае происходит в пользу /i/ и /u/. Перед /ng/ нейтрализуются пары /i—i e—ei ø—øi y—u o—ou a—au/, а перед /j/ — пары /i—i e—ei ø—øi a—ai/. Таким образом, исландские гласные группируются в коррелятивные пары /i—i e—ei y—u ø—øi o—ou a—au a—ai/, члены которых противопоставляются по какому-то общему для всех этих пар различительному признаку, и деление на монофтонги и дифтонги перекрывается делением на две фонологические группы: левые члены этих пар, т. е. все монофтонги, кроме /i/ и /u/, и правые члены этих пар, т. е. /i u/ и дифтонги /ei øi ou ai/. Это фонологическое деление настолько бросается в глаза, что оно находит отражение даже в

¹¹ Возражения Хаугена по этому поводу (E. Haugen. On Diagramming... , стр. 653) — недоразумение. Конечно, дифтонги [oi: Yi:] не находятся в дополнительном распределении с другими дифтонгами, но это не опровергает того, что они находятся в дополнительном распределении с монофтонгами. Их фонетическое сходство с дифтонгами тоже ничего не доказывает. Ср.: Нг. Benediktsson. The Non-Uniqueness... , стр. 139.

¹² K. Malone. Long and Short in Icelandic Phonemics. «Language», 29, 1953, 1, стр. 62.

¹³ E. Haugen. The Phonemics... , стр. 62. Ср.: С. Hj. Borgström. Innføring i sprogvidenskap. Oslo, 1958, стр. 34, где так же толкуется долгота в норвежском. Однако Бенедиктссон утверждает, что в исландском долгота — это различительный признак только согласных, поскольку при таком допущении возможно «простейшее» описание некоторых морфологических фактов (Нг. Benediktsson. The Non-Uniqueness... , стр. 143). Никакие фонологические факты не оправдывают это допущение.

¹⁴ По-видимому, впрочем, их долгота неясно выражена (другими словами, неясно, где в данных слогах кончается гласный и начинается согласный /j/), и поэтому некоторые фонетисты считают, что в данном случае не долгий гласный сочетается с кратким согласным, а наоборот (см.: Н. В. Goodwin. Det moderna isländska ljudsystemet, стр. 106; S. Einarsson. Beiträge... , стр. 21; В. Guðfinnsson. Mállýkur, стр. 65). Но фонологически это не меняет положения.

традиционной исландской грамматической терминологии.¹⁵ В исландских грамматиках рассмотренные группы называются совершенно условно «узкими» (gröpp) и «широкими» (breið) Гвюдмундссон называет их «легкими» и «тяжелыми»,¹⁶ а Эйнарссон — «ненапряженными» (lax) и «напряженными» (tense).¹⁷ Дифтонги [oi: yi: ui: ii:] встречаются, следовательно, только в положении, где противопоставление монофтонгов и дифтонгов нейтрализовано (в диалекте юго-востока Исландии есть одно исключение из этой нейтрализации: дифтонг /ai/ противопоставляется там монофтонгу /a/ перед /j/; ср.: lagi /la : ji/, но lægi /lai : ji/).

А вот фонетические факты. Суммируя их, Эйнарссон — крупнейший авторитет в области исландской фонетики — так располагает исландские монофтонги в традиционный треугольник:¹⁸

i	u
iy	
e ø o	
a	

Здесь /y ø/ — губные передние, а /u o/ — губные задние.

Что касается дифтонгов, т. е. /ei øi ou ai/, то направление их дифтонгичности — это увеличение подъема в сторону наиболее закрытого гласного, т. е. в сторону /i/ в случае передних гласных, в сторону /u/ — в случае задних гласных и в сторону как /i/, так и /u/ — в случае /a/, т. е. гласного, нейтрального по положению языка. Но дифтонгичность их неполная: второй элемент в них только намечается, но не достигается.¹⁹ Поэтому /ei/ можно было бы представить как /et/ или /eε/ и т. п.²⁰ Конечный элемент, т. е. /i/ или /u/, достигается в них полностью только перед /j/ и /w/, соответственно, и в конце слова. Они образуются движением передней части языка от некоторого исходного положения к некоторому конечному положению. Их поэтому нельзя считать «сложными» и можно было бы назвать «динамическими» гласными.²¹ Сторм называет исландское /ou/ «ненастоящим» дифтонгом, а некоторые авторы даже просто называли исландские /ou/ и /au/ «монофтонгами». Естественно, что в случае /i/ и /u/ дифтонгичность обычно не выражена.

¹⁵ Деление гласных на эти две группы имеет в исландской грамматике большое орфографическое значение, так как с ним связано наиболее существенное отклонение от обычных значений букв i, e, u, ø, o, a: обычно они имеют значение «узких», но в положении перед pg, pk они имеют значение «широких».

¹⁶ V. Guðmundsson. *Íslensk Grammatik*, стр. 3.

¹⁷ S. Einarsson. *Icelandic*, стр. 11.

¹⁸ Там же, стр. 10.

¹⁹ S. Einarsson. *Beiträge...*, стр. 21—22; *Его же. Icelandic*, стр. 10; V. Kress. *Die Laute...*, стр. 51.

²⁰ V. Kress. *Die Laute...*, стр. 51.

²¹ Там же, стр. 54—55.

²² Там же, стр. 42, прим., стр. 45, прим.

хотя они относятся к той же фонологической группе гласных, что и дифтонги. Согласно экспериментальным исследованиям, при прочих равных условиях /i/ и /u/ обладают большей длительностью, чем другие монофтонги.²³ Но им как бы некуда сужаться. Однако в некоторых случаях дифтонгичность в них все же выражена: в конце слова эти гласные оканчиваются на спирантный элемент — глухие [j] и [w] соответственно,²⁴ т. е. элемент, еще более закрытый, чем сами эти гласные. Раск, Пасси и некоторые другие авторы описывали эти гласные как ij и iw,²⁵ и это, конечно, потому, что они принимали их произношение как отдельных звуков или как названий букв (т. е. в конце слова) за их обычное произношение. В действительности эти гласные редко встречаются в конце слова. Когда эти так называемые дифтонги бывают краткими, их второй элемент еще больше редуцируется, в некоторых положениях совсем исчезает или сливается с первым элементом в монофтонг, отличный от исходного первого элемента.²⁶ Так, /ei/ превращается в [i], /oi/ в [y] и т. д.²⁷ Эйнарсон говорит, что «овладение краткими дифтонгами несомненно одна из самых трудных задач при изучении исландского».²⁸ Мои собственные наблюдения во время встреч с исландцами (осенью 1958 г. и весной 1965 г. в Исландии, а также в Ленинграде и Москве в разное время) постоянно убеждали меня в справедливости этого. Исландские краткие дифтонги ставят наблюдателя-иностранца в тупик. Они совсем не то, чего ожидаешь от «дифтонгов».

Между тем оказывается, что некоторая дифтонгичность возможна и в исландских монофтонгах /i y e ø o a/. Когда эти так называемые монофтонги бывают долгими, они нередко дифтонгичны, но направление их дифтонгичности — не увеличение подъема в сторону наиболее закрытого гласного, а его уменьшение в сторону соседнего по подъему гласного, т. е. в сторону /e/ в случае /i:/ и т. д.²⁹ Так /i:/ превращается в [ie:], /e:/ — в [æ:], /y:/ — в [yø:], /ø:/ — в [øe:], /o:/ — в [uo: oa:] и т. д.³⁰ В случае

²³ S. Einarsson. Beiträge..., стр. 94; Hr. Benediktsson. The Vowel System..., стр. 302.

²⁴ S. Einarsson. Icelandic, стр. 11; B. Kress. Die Laute..., стр. 62.

²⁵ B. Kress. Die Laute..., стр. 18—19, прим., стр. 40—41, прим.

²⁶ S. Einarsson. Beiträge..., стр. 21. Его же. Icelandic, стр. 10;

B. Kress. Die Laute..., стр. 52—53; J. Ófeigsson. Træk af moderne..., стр. XVI; B. Guðfinnsson. Mállýzkur, стр. 66.

²⁷ B. Kress. Die Laute..., стр. 52—53; S. Einarsson. Icelandic, стр. 10.

²⁸ S. Einarsson. Icelandic, стр. 10.

²⁹ S. Einarsson. Beiträge..., стр. 23; Его же. Icelandic, стр. 11;

B. Kress. Die Laute..., стр. 21, 25, 32, 39, 43—45, 49.

³⁰ S. Einarsson. Beiträge..., стр. 23; Его же. Icelandic, стр. 11;

Его же. Um kerfisbundnar hljóðbreytingar í íslenzku. «Studia islandica»,

10, 1944, стр. 24 и сл.; S. Sveinbjörnsson. Icelandic Phonetics, стр. 11,

14, 18, 23, 27 и 37; B. Kress. Die Laute..., стр. 21, 25, 32, 39, 43—45, 49;

S. Bergsveinsson. Grundfragen..., стр. 41; Á. Böðvarsson.

Hljóðfræði, стр. 49.

/a/, т. е. наиболее открытого гласного, эта дифтонгизация наименее выражена. Но иногда дифтонгируется и /a/³¹ и даже безударные гласные.³² В общем, /i e y a o/ часто дифтонгичны, когда они долгие, кроме /a/, но когда они краткие, они обычно монофтонгичны или редко дифтонгичны; наоборот, /i u ei øi ou ai ai/ обычно дифтонгичны, когда они долгие, кроме /i/ и /u/, но когда они краткие, они часто монофтонгичны. Таким образом, нельзя сказать, что все члены первой группы гласных фонем — монофтонги, а все члены второй группы — дифтонги. Скорее можно сказать, что общим для каждой из этих групп является направление их дифтонгичности (действительной или потенциальной): расширение, открывание — для первой группы; сужение, закрывание — для второй группы.

Мейлон первый выступил с фонологическим толкованием исландских гласных, предложив следующую схему:³³

	Передние	Средние	Задние
Высокого подъема	i		u
Среднего подъема	ɨ	ʏ	o
Низкого подъема	e	ø	a

Под «средними» (mean) подразумеваются передние губные.

Дифтонги выделены у Мейлона в особую схему. Следовательно, Мейлон игнорирует фонологическое деление исландских гласных, перекрывающее деление на монофтонги и дифтонги. Мейлон игнорирует также, что, как явствует из фонетических описаний, /a/ более низкого подъема, чем /e/ и /ø/, и ни переднее, ни заднее, тогда как /o/ одного подъема с /e/ и /ø/, а не с /i/ и /ʏ/.³⁴ Таким образом, схема Мейлона — это решение не тех фонологических и фонетических условий, которые заданы. Естественно предположить, что именно благодаря этому схема получилась симметричной.

Отвечая мне, мой уважаемый оппонент сослался на то, что по исследованиям Фанта всякое [a] в известном смысле заднее, так как для всякого [a], даже наиболее компактного, характерно не столько положение языка, сколько фарингальное сужение.³⁵ Соображения Фанта несомненно заслуживают внимания. Но, насколько я понимаю, они касаются артикуляционной природы всякого [a], но отнюдь не положения /a/ относительно /e ø o/ в исландском.

³¹ В. Кресс. Die Laute..., стр. 50

³² S. Einarsson. Beiträge..., стр. 23.

³³ К. Малоне. The Phonemes..., стр. 17.

³⁴ См., например: J. Ofeigsson. Træk af moderne..., стр. XV; S. Einarsson. Beiträge..., стр. 20; В. Кресс. Die Laute..., стр. 27 и 43; В. Гуðфиннссон. Mállýzkur, стр. 62; А. Вöðvarsson. Hljóðfræði, стр. 37 и сл.

³⁵ К. Малоне. On Symmetry..., стр. 143.

Схема дифтонгов у Мейлона такова:³⁶

Среднего и высокого подъема	ei	ou
Низкого и высокого подъема	ai	øi au

О положении /ai/ и /øi/ в этой схеме относительно /ei/ и /ou/ можно сказать то же, что было сказано выше о положении /a/ относительно /e ø o/.

При перепечатке своей статьи Мейлон несколько видоизменил схему дифтонгов,³⁷ а в своей второй статье предложил следующую двухчастную схему:³⁸

Высокого подъема	—	—	—	i	—	u
Среднего подъема	ɪ	—	o	ei	ʏ	ou
Низкого подъема	e	ø	a	ai	øi	au

/i/ и /u/ в этой схеме отнесены к дифтонгам, и тем самым учтено, что эти фонемы — правые члены коррелятивных пар /i—ɪ ʏ—u/, т. е. фонологически параллельны дифтонгам. Но положение /a/ относительно /e ø o/ осталось то же самое (см. выше), а к дифтонгам отнесено и /ʏ/, хотя оно — левый член коррелятивной пары /ʏ—u/, т. е. фонологически параллельно монофтонгу. Неудивительно, что схема осталась симметричной и даже «пустые клетки» расположены в ней симметрично.

Хауген первый предложил решение, учитывающее, что /i/ и /u/ фонологически параллельны дифтонгам. Его первоначальная схема выглядит так:³⁹

	Негубные	Нейтральные	Губные	Негубные	Нейтральные	Губные
Высокого подъема	ɪ		ʏ	i	ʏi	u
Среднего подъема	e	o	ø	ei	oi	ou
Низкого подъема		a		ai	øi	au

Хауген отнес /i/ и /u/ к дифтонгам, или «сложным ядрам», анализируя их как /ij uw/ или /ii uɥ/.

И эта схема — решение не тех фонологических и фонетических условий, которые заданы. Во-первых, [ʏi oi] не могут считаться фонемами: они аллофоны фонем /ʏ o/ в положении перед /j/ (см. выше, стр. 56). Во-вторых, из фонетических описаний ясно, что /o/ и /u/ — задние и губные (но огубление в исландском вообще «вялое» или «слабо выраженное»,⁴⁰ так что его скорее следовало бы считать менее важным признаком /o/ и /a/, чем заднее положение языка), тогда как /a/ действитель-

³⁶ K. Malone. The Phonemes..., стр. 17.

³⁷ В кн.: K. Malone. Studies in Heroic Legend and in Current Speech. Copenhagen, 1959, стр. 280.

³⁸ K. Malone. On Symmetry..., стр. 144.

³⁹ E. Haugen. The Phonemics..., стр. 69—70.

⁴⁰ S. Einarsson. Beiträge..., стр. 19; B. Kress. Die Laute..., стр. 18 и 31.

но не губное и ни переднее, ни заднее.⁴¹ Между тем в схеме /o и /a/ оказываются в одном ряду. В-третьих, не может быть, чтобы соотношения между /a/, /o/ и /ø/ не соответствовали бы соотношениям между /ai/, /oi/ и /øi/: если /o/ и /ø/ одного подъема (и это, несомненно, так), то /oi/ и /øi/ не могут быть разного подъема! Я опять принужден сказать: благодаря всем этим отступлениям от условий задачи схема получилась симметричной.

Устраняя некоторые из этих отступлений, Хауген в своей второй статье предложил новую и на этот раз трехмерную схему в виде призмы с равнобокой трапецией в основании.⁴² Из типографских соображений я разлагаю эту призму на двухчастную плоскостную схему:

	Негуб- ные	Губ- ные	Негуб- ные	Губ- ные	Губные и/или задние
Высокого подъема	i	ʏ	i	yi	u
Среднего подъема	e	ø	ei	øi	ou
Задние и/или низкого подъема	a	o	ai	oi	au

Левая и правые части схемы образуют малую и большую параллельные боковые грани призмы. По этой схеме /i—e—ʏ—u i—ei—yi—øi—u—ou/ различаются только по подъему, /i—ʏ e—ø a—o i—yi ei—øi ai—oi/—по огублению, /e—a ø—o, ei—ai øi—ou ou—au/—по положению языка и/или подъему, /ʏ—u ø—ou oi—au/—по огублению и/или положению языка, а /i—i e—ei a—ai ʏ—yi ø—øi o—oi ʏ—u ø—ou o—au/—как «простые» и «сложные».

Но и эта схема—решение не тех условий, которые заданы. О том, что [yi: oi:] не фонемы, уже было сказано выше (стр. 56). Другое отступление от фонологических условий задачи—это состав коррелятивных пар, которые Хауген называет парами «простых» и «сложных»: Хауген игнорирует существование пар /o—ou a—au/ и произвольно допускает существование пар /ø—ou o—au/. Наконец, если я правильно понял Хаугена, в его схеме различительный признак—это нечто разложимое на различительные признаки. В самом деле, по схеме выходит, что для одних фонем огубление—это различительный признак, а для других—часть некоего комплексного различительного признака, которая может то сочетаться с задним положением языка, то заменяться им, т. е. отсутствовать; а заднее положение языка—это часть двух различных комплексных различительных признаков, в одном из которых она может то сочетаться с низким подъемом, то заменяться им, а в другом—то сочетаться с огублением, то заменяться им. О том, в какой мере содержание таких комплексных различительных признаков

⁴¹ См., например: J. Ófeigsson. Træk af moderne..., стр. XV; S. Einarrsson. Beiträge..., стр. 20; B. Kress. Die Laute..., стр. 27, 40, 43.

⁴² E. Haugen. On Diagramming..., стр. 654.

соответствует фонетическим условиям задачи, судить невозможно — настолько это содержание неясно. Но ясно во всяком случае, что схема строго симметрична, причем не только в плоскости, но и в пространстве.

Бенедиктссон предположил существование различия по напряженности в исландских гласных.⁴³ Возможно, действительно, что различие между левыми и правыми членами коррелятивных пар, о которых уже не раз была речь выше, лучше назвать различием по напряженности, чем различием между «простыми» и «сложными»,⁴⁴ как предложил Хауген, или различием между «открывающимися» и «закрывающимися», как предложил я.⁴⁵ Впрочем, не так важно назвать различительный признак, как понять его специфику в данном языке. Не так существенно также, образуют ли названия различительных признаков некую симметричную систему, дихотомическую или иную. Ведь очевидно, что устанавливаемые для языков мира общие различительные признаки — это лишь типы, которые в разных языках представлены разными конкретными различительными признаками, специфика которых зависит от того, какие другие различительные признаки представлены в данном языке, как они сочетаются в фонемах, как реализуются эти фонемы и т. д. Отнести конкретный различительный признак к одному из этих типов — еще не значит исчерпывающе определить его. «Напряженность» в исландских гласных — это, очевидно, не то же самое, что «напряженность» в гласных других языков. В исландском различие по «напряженности» проявляется в дифтонгичности различной степени и различного направления. Другие различительные признаки исландских гласных несомненно тоже имеют свою специфику. Отсюда и возможность их различного определения.

Еще до того, как Хауген предложил свою вторую схему, Бенедиктссон выступил с трехмерной и дихотомической схемой.⁴⁶ Из типографских соображений я разлагаю ее на двухчастную плоскостную схему:

	Простые		Бемольные	
	Ненапряженные	Напряженные	Ненапряженные	Напряженные
Диффузные	ɪ	i	ʏ	u
Недиффузные, некомпактные				ø
Компактные		a		o

Левый и правый треугольники образуют основания треугольной призмы. И эта схема представляет собой решение не

⁴³ Нг. Benediktsson. The Vowel System. . . , стр. 302.

⁴⁴ E. Haugen. On Diagramming. . . , стр. 654.

⁴⁵ М. I. Steblin-Kamenskij. The Vowel System. . . , стр. 44.

⁴⁶ Нг. Benediktsson. The Vowel System. . . , стр. 301.

тех фонологических и фонетических условий, которые заданы. Во-первых, дифтонги совсем исключены из рассмотрения (Бенедиктссон принимает их за сочетания фонем, не приводя никаких доводов в пользу такого анализа), и таким образом из упомянутых выше семи коррелятивных пар учитываются только две: /i—i y—u/. Во-вторых, из фонетических описаний ясно, что /o/ одного подъема (т. е. одной компактности) с /e/, а не с /a/.⁴⁷ В схеме получается наоборот. Благодаря этому становится возможным допустить, что переднее и заднее положение языка вообще irrelevantно для исландских гласных, и получить схему, симметричную и на плоскости, и в пространстве.

Еще одно интересное решение той же задачи было предложено Антонсенем.⁴⁸ Симметрия в этом решении достигнута благодаря тому, что передние губные, т. е. /y ø/, отнесены в задний и средний ряды соответственно, а /i u/ и дифтонги совсем опущены. Таким образом, получилась схема:

	Передние негубные	Средние	Задние губные
Высокого подъема	i		y
Среднего подъема	e	ø	o
Низкого подъема		a	

Произвольность этой схемы очевидна.

По Хаугену, симметрия фонологической схемы — это «способ сказать, что различительный признак встречается больше, чем в одном месте системы».⁴⁹ Это, очевидно, неверно. Повторение различительного признака означает наличие корреляции. Но симметричным может быть изображение фонологической системы, в которой нет корреляций, и фонологическая система, в которой есть корреляция, может не быть изобразимой в симметричной схеме. Симметрия — это, очевидно, свойство вообще не фонологической системы, а только ее изображения, и изобразимость в симметричной схеме — не обязательное свойство всякой фонологической системы: во-первых, не говоря уже о согласных, известны случаи, когда и гласные явно не укладываются в симметричную схему;⁵⁰ во-вторых, нет никакой уверенности в том, что и в тех случаях, когда фонемы как будто укладываются в симметричную схему, симметрия не результат натяжки, недостаточного знания фактов или их игнорирования.

Из обзора предложенных шести фонологических решений ясно, что соблюдение симметрии в фонологических схемах противоречит соблюдению фонологических и фонетических условий задачи. Этого, конечно, и нужно было ожидать. Соблюдение симметрии могло бы не противоречить соблюдению этих условий

⁴⁷ См., например: В. Kress. Die Laute..., стр. 24, 27 и 43.

⁴⁸ E. N. Antonson. Germanic Umlaut Anew. «Language», 37, 1961, 2. стр. 223.

⁴⁹ E. H a u g e n. On Diagramming... стр. 648.

⁵⁰ См., например: Ch. F. Hockett. A Manual of Phonology. Baltimore, 1955, стр. 89.

только в том случае, если бы симметрия (или, точнее, изображимость в симметричной схеме) была обязательным свойством всякой фонологической системы. Но поскольку симметрия — не обязательное свойство всякой фонологической системы, то остается одно из двух: 1) либо надо отказаться от допущения, из которого я исходил, а именно, что фонологическое решение — это решение задачи, условиями которой являются фонологические и фонетические факты, и откровенно исходить из допущения, что фонологическое решение — это произвольное построение, которое может не соответствовать фактам, но обязательно должно быть простым и симметричным (и, по-видимому, едва ли не всякий, кто занимается построением фонологических схем, этим, как заметил Хауген, «любимым времяпрепровождением лингвистов»,⁵¹ время от времени склоняется, правда всегда молчаливо и бессознательно, к этому допущению); 2) либо надо признать, что соображения простоты и симметрии не могут играть никакой роли в фонологических решениях, и тогда, пожалуй, надо вообще отказаться от построения фонологических схем — слишком велик в них соблазн симметрии, — а также и от матриц, если их предпосылка не факты, а стремление к простоте описания во что бы то ни стало.

Из обзора предложенных шести фонологических решений ясно также, что так называемая неединственность фонологических решений — это иллюзия. Неединственны они только в той мере, в какой они решения не тех условий, которые заданы. Ставшее общепринятым положение о неединственности фонологических решений было выдвинуто в свое время в известной статье Чао.⁵² При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что в этой статье идет речь либо о решениях, в неодинаковой мере учитывающих факты (как все решения, разобранные мной выше), либо — и это большей частью — о разных изображениях одного решения, а именно изображении фонемы одной или двумя буквами, употреблении разных алфавитов, символов и т. п. Конечно, большая или меньшая простота или симметрия в изображении фонологического решения возможна. Но симметрия в этом смысле — это чисто графическая проблема, не имеющая отношения к фонологическому решению самому по себе.

Может быть, однако, все же возможны случаи, когда два или несколько фонологических решений одинаково удовлетворяют фактам и когда можно выбрать из них более простое и симметричное? Такую возможность, насколько я понимаю, имеет в виду Бенедиктссон, когда говорит, что критерий симметрии при-

⁵¹ E. H a u g e n. On Diagramming. ..., стр. 648.

⁵² Y u e n - R e n C h a o. The Non-Uniqueness of Phonemic Solutions of Phonetic Systems. Перепечатано в кн.: Readings in Linguistics. Edited by M. Joos. New York, 1958, стр. 38—54.

обретает значение, если фонологический и фонетический критерий оказываются недостаточными.⁵³ Возможность решений, однаково удовлетворяющих условиям задачи, несомненно существует в математике. Механическое перенесение этой возможности в фонологию — один из примеров того, как использование математической фразеологии не приближает языкознание к точным наукам (а одно время была надежда на такое приближение), но, наоборот, отдаляет его от них, узаконяя произвол и натяжки. Фонологические решения, из которых одно более просто и симметрично, а другие менее, — это на деле либо разные изображения одного и того же решения (примеров таких разных изображений много в статье Чао), либо это решения, неодинаково учитывающие факты (примеры таких решений разобраны мной выше). Дело в том, что нет критерия для установления того, что фонологические и фонетические факты полностью учтены, и нет границ для их более полного и глубокого изучения. Правда, не всегда возможно провести четкую границу между фонологическими решениями, в разной степени учитывающими факты, с одной стороны, и разными изображениями одного фонологического решения — с другой. Но и это обстоятельство свидетельствует о том, что фонологические и математические решения — это совершенно разные вещи. Той окончательности, которая характерна для всякого математического решения, у фонологического решения никогда не может быть. Поэтому в сущности и само выражение «фонологическое решение» — это злоупотребление математической терминологией.

Представление об обязательности симметрии в фонологических решениях — это, вероятно, одна из иллюзий, посеянных знаменитым соссюрвовским положением «язык есть система». Так как положение это очень часто повторяется и так как никогда не было определено, что такое «система» в данном случае, обычно возникают какие-то смутные представления о «системе» как о чем-то стройном, упорядоченном, симметричном и, следовательно, о фонологической «системе» как о чем-то симметричном. Конечно, положение «язык есть система» сыграло в свое время известную положительную роль в развитии языкознания и особенно в развитии основных понятий фонологии. Но несомненно также, что, порождая различного рода смутные представления, это положение играет теперь скорее отрицательную роль в развитии нашей науки. Невозможно решить, истинно оно или нет, так как оно в сущности бессодержательно или во всяком случае

⁵³ Нг. Benediktsson. The Non-Uniqueness..., стр. 138. — Бенедиктссон говорит о критерии простоты и о симметрии как одном из ее проявлений. Но сомнение, которое вызывает критерий симметрии, в еще большей мере относится к критерию простоты, так как симметрия (по меньшей мере в геометрическом смысле) — это все же нечто вполне определенное, тогда как простота — это нечто гораздо менее определенное.

неясно. Но, по-видимому, и методологически оно перестало быть полезным.

Приведу и схему исландских гласных, предложенную мной:⁵⁴

	Передние		Задние губные
	негубные	губные	
Высокого подъема	i \ i	y \ —	— \ u
Среднего подъема	e \ ei	ø \ øi	o \ ou
Низкого подъема		a \ ai	au

Косой чертой разделены коррелятивные пары, члены которых я первоначально назвал «открывающимися» и «закрывающимися» (opening и closing). В моей схеме есть несимметричные «пустые клетки»: отсутствуют пары к /y/ и /u/. Этими парами должны были бы быть дифтонг /yi/ и открытое u. Дифтонг /yi/ (например, в словах типа hugi) и открытое u (как второй элемент дифтонга /au/),⁵⁵ действительно существуют в исландском. Но эти гласные не могут считаться фонемами. Все же в целом и моя схема симметрична, и поэтому в ней тоже есть отступления, по меньшей мере графические, от фактов: не показано, что для /a/ релевантен только низкий подъем, но не положение языка и огубление (можно подумать, и Хауген подумал так,⁵⁶ что /a/ отнесено мной к передним губным); не показано, что фонологически /y/ и /u/ образуют такую же коррелятивную пару, как /i/ и /i/ и т. д. (в паре y/u оказались бы фонемы двух разных рядов — переднего губного и заднего губного, а это нарушило бы симметрию, так как во всех остальных парах оба члена одного ряда).

Не делая уступки требованиям симметрии, можно только сказать, что так называемые монофтонги и дифтонги образуют в исландском единую систему фонем, в которой различительные признаки — это: 1) положение языка (переднее или заднее); 2) огубление; 3) ступень подъема (высокая, средняя или низкая); 4) то, чем различаются члены коррелятивных пар /i—i e—ei/ и т. д. Противопоставление по этому признаку, по-видимому, следует считать градуальным, так как известно, что в положении нейтрализации градуального противопоставления всегда выступает крайний член;⁵⁷ гласные /i u ei øi ou au ai/, очевидно, являются крайними членами данного противопоставления, так как дифтонгичность, свойственная, по меньшей мере потенциально, всем исландским гласным, выражена в них резче, чем в их коррелятах. Напротив, привативным это противопоставление не может быть, так как известно, что в положении нейтрализации привативного противопоставления при внутренней обус-

⁵⁴ М. I. Steblin-Kamenskij. The Vowel System..., стр. 45.

⁵⁵ B. Kress. Die Laute..., стр. 41.

⁵⁶ E. Haugen. On Diagramming..., стр. 650.

⁵⁷ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 90.

ловленности всегда бывает немаркированный член,⁵⁸ но немаркированными членами в данном случае, очевидно, были бы /i e ø а o/.

Исландская система гласных восходит в конечном счете к праскандинавской, т. е. системе, которая, по общему признанию, состояла из пяти кратких и пяти долгих и обычно изображается так:⁵⁹

i	u	i:	u:
e	o	e:	o:
а		а:	

Дифтонги /ai au iu/ были несомненно еще бифонемны (ср. прим. 26 на стр. 44). Неясно, сколько носовых гласных было в праскандинавском. Поскольку /u/ и /o/ должны были иметь передние аллофоны (которые впоследствии фонологизовались в /y/ и /ø/), переднее или заднее положение языка должно было быть иррелевантно для /u/ и /o/, и, следовательно, /i/ и /u/, а также /e/ и /o/ должны были различаться не по сочетанию двух признаков (положению языка и положению губ), а только по одному из них — положению губ (ср. выше, стр. 42). Таким образом, всего вероятнее, что /i e/ были негубными, а /u o/ — губными, тогда как единственный гласный низкого подъема не принадлежал ни к одному из этих двух рядов.⁶⁰ Но безударные /i e/ и /u o/ были, вероятно, передними и задними соответственно, так как иначе они бы не могли ассимилировать ударные гласные по положению языка (ср. стр. 21).

В работах, посвященных истории системы гласных в исландском, а именно в моей статье 1958 г.⁶¹ и статье Бенедиктссона 1959 г.,⁶² история эта представлена в виде ряда симметричных схем, изображающих последовательные синхронные срезы системы гласных. В основе этих схем лежит предположение (как мне теперь представляется, ошибочное), что с каждым изменением состава фонем, т. е. их расщеплением или слиянием, вся система автоматически перестраивается в направлении новой симметрии и всегда сразу же достигает ее (ср. выше, стр. 8). Но в отличие от меня Бенедиктссон пользуется в своей статье бинаристской терминологией и ищет наиболее экономное распределение признаков. Построение фонологической схемы как

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Ср.: Нр. Benediktsson. The Vowel System..., стр. 303.

⁶⁰ Бенедиктссон, правда, рассматривает также возможность (менее вероятную), что противопоставлялись негубные губным в одних положениях (перед /i/ и /j/), передние задним — в других положениях (перед /u/ и /w/) и передние негубные задним губным — в остальных положениях, а также, что противопоставлялись передние задним во всех положениях (там же, стр. 304, прим. 29).

⁶¹ М. I. Steblin-Kamenskij. A Contribution to the History of the Old Icelandic Vowel System. «Philologica Pragensia», 1, 1958, стр. 76—80.

⁶² Нр. Benediktsson. The Vowel System..., стр. 282—312.

бы сводится к задаче: каковы должны были быть различительные признаки данных фонем, чтобы был строго соблюден принцип максимальной экономии различительных признаков, т. е. чтобы их число в отдельных фонемах, так же как и их общее число, было минимальным. Оказывается, естественно, что такого рода задача может допускать больше, чем одно решение.⁶³ Неудивительно также, что общей тенденцией развития системы оказывается уменьшение общего числа различительных признаков.⁶⁴

Одно из важнейших изменений, которое претерпела праскандинавская система, это, очевидно, возникновение новых фонем в результате умляутов и одновременное образование системы безударных гласных.⁶⁵ Обычно считается, что новыми умляутными фонемами были /y ø æ ɔ у: ø: æ: ɔ:/, т. е. результаты умляута на /i/ и /j/ от /u o a u: o: a:/ и умляута на /u/ от /a a:/.⁶⁶ Высказывались, впрочем, предположения, что первоначально умляутных гласных было больше.⁶⁷ Так, Маштрандер утверждал, что первоначально было два y (результат умляута на i от u и умляута на u от i),⁶⁸ а Люнгбю предположил, что было два ø (результат умляутов на i и u от e и o и двойных умляутов от a).⁶⁹ Но вопрос о том, были ли эти гласные фонемами, естественно, не ставился. Фонологически развил эти теории Антонсен.⁷⁰ Основываясь на одном из высказываний Хокетта по поводу древнеанглийского умляута,⁷¹ Антонсен пришел к выводу, что в германских языках (и, в частности, в праскандинавском) умляут от /i e/, вызванный /u/ или /w/ в следующем слоге, должен был дать задние негубные гласные фонемы, точно так же как передний умляут от /u o/, вызванный /i/ или /j/ в

⁶³ Там же, стр. 287.

⁶⁴ Там же, стр. 295, 297, 298, 300 и 305.

⁶⁵ Об этой последней см.: Нг. Benediktsson. The Unstressed and the Non-Syllabic Vowels in Old Icelandic. «Arkiv för nordisk filologi», 77, 1962, стр. 7—31 и библиографию в этой статье.

⁶⁶ Ср.: Е. Haugen. First Grammatical Treatise: the Earliest Germanic Phonology. Supplement to «Language», 1950, стр. 31 и сл.; Нг. Benediktsson. The Vowel System. . . , стр. 283 и сл.

⁶⁷ Подробный разбор всех этих еще дофонологических предположений есть в работе: Нг. Benediktsson. Some Aspects of Nordic Umlaut and Breaking. «Language», 39, 1963, 3, стр. 418 и сл.

⁶⁸ С. J. S. Marstrander. Bidrag til det norske sprogs historie i Irland «Skrifter utgitt av Videnskapsselskapet i Kristiania, 2. kl., 1915», 5, 1916, стр. 72—73; ср.: Finnur Jónsson. Norsk-islandske kultur- og sprogforhold i 9. og 10. årh. København, 1921, стр. 240—241.

⁶⁹ К. J. Lyngby. Den oldnordiske Udtale oplyst ved den ældste Afhandling om Retskrivningen i Snorra-Edda. «Tidskrift for Filologi og Pædagogik», 2, 1861, стр. 289—307. — Многие авторы поддерживали потом эту теорию.

⁷⁰ Е. Н. Antonson. Germanic Umlaut Anew. «Language», 37, 1961, 2, стр. 215—230; Его же. The Proto-Norse Vowel System and the Younger Futhark. «Scandinavian Studies», 35, 1963, 3, стр. 195—207.

⁷¹ Ch. F. Hockett. The Stressed Syllabics of Old English. «Language», 35, 1959, 4, стр. 595.

следующем слоге, давал передние губные гласные, и что сочетание обоих умляутов должно было дать гласные среднего ряда. Таким образом для позднего праскандинавского Антонсен установил двенадцать кратких гласных: кроме /i e u o a/, еще семь умляутных фонем — результаты переднего умляута от /u o a/, заднего умляута от /i e a/ и обоих умляутов вместе от /a/. Вместе с долгими и долгими носовыми это должно было составить тридцать шесть гласных фонем.

Никаких письменных свидетельств, подтверждающих концепцию Антонсена, естественно, нет: умляутные фонемы стали последовательно обозначаться в Скандинавии только в рукописных памятниках (а они не древнее XII в.), т. е. значительно позднее эпохи умляутов (VI—IX вв.), и в этих памятниках нельзя обнаружить обозначений других умляутных фонем, кроме тех, которые были результатом переднего умляута от /u o a u: o: a:/ и заднего умляута от /a a:/. Типологические данные тоже не в пользу концепции Антонсена. Четырехрядные системы гласных гораздо более редки, чем трехрядные,⁷² а пятирядные, насколько мне известно, вообще не засвидетельствованы. Между тем, если в позднем праскандинавском действительно были, как предполагает Антонсен, гласные переднего ряда губные и негубные, заднего ряда губные и негубные и еще один гласный среднего ряда, то это подразумевает пятирядную систему. Концепция Антонсена, которую он, следуя Хокетту, называет «реалистической»,⁷³ основана, по-видимому, в основном, на представлении, что в системе фонем все время должна быть полная симметрия, и все «пустые клетки» (даже если это не отдельные «пустые клетки», а целые ряды «пустых клеток») автоматически заполняются по мере своего образования. По концепции Антонсена, лежащая в основе умляутов регрессивная ассимиляция гласных приводит к возникновению совершенно аналогичных аллофонов во всех гласных фонемах, и все эти аллофоны в эпоху редукции безударных гласных становятся самостоятельными фонемами. Антонсен допустил только одно отклонение от такого развития: он не включил в свою схему губные и негубные фонемы среднего ряда, которые, согласно его концепции, должны были возникнуть в результате одновременного действия обоих умляутов. Я боюсь, однако, что Антонсен позволил себе отступление от идеальной схемы не потому, что усомнился в возможности шестирядной системы, которая получилась бы, если бы существовали эти фонемы, но потому, что симметрия сохранялась и при этом отступлении.

Четыре из восьми умляутных фонем, а именно /æ ɔ ɔ: ø:/, слились с другими гласными фонемами еще в древнеисланд-

⁷² Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 117.

⁷³ E. H. Antonson. *Germanic Umlaut...*, стр. 216; Его же. *The Proto-Norse Vowel System...*, стр. 263; ср.: Ch. Hockett. *The Stressed Syllables...*, стр. 595.

ском. Слияние умляутных фонем с другими гласными фонемами, начавшееся вскоре после эпохи умляутов, показывает, что система гласных, возникавшая в результате умляутов, была неустойчива и, конечно, именно потому, что она отнюдь не была такой завершенной и симметричной, как представляют себе сторонники концепции симметричного развития. Систему гласных из тридцати шести фонем можно представить себе как идеальный предел определенной тенденции развития, но не как лингвистическую реальность. Возникновение умляутных фонем нарушало симметрию системы гласных фонем, а не создавало ее, и эта симметрия, по-видимому, не восстановлена и до сих пор в исландском. Асимметрия передних и задних гласных есть также в современном шведском,⁷⁴ в норвежском риксмале,⁷⁵ и она долгое время имела место в датском языке.⁷⁶

Слияние умляутных фонем с другими гласными фонемами, начавшееся вскоре после эпохи умляутов, заставляет полагать, что само их возникновение встречало сопротивление со стороны различных факторов, в первую очередь, вероятно, физиологических (асимметричность органов речи, которую упоминает и Антонсен),⁷⁷ причем разные умляутные фонемы могли встречать сопротивление различной силы. По-разному могло происходить их возникновение и в разных частях Скандинавии, тем более в разных германских языках. Антонсен настаивает на преимуществе единой схемы возникновения умляутных фонем во всех германских языках. Возможно, что такая единая схема действительно удобна своей простотой. Но неясно, в каком смысле она реалистична.

Ни у кого не вызывает сомнения, что фонемы /у ø у: ø:/ были передними губными, противопоставленными передним негубным /i e i: e:/ и задним губным /u o u: o:/. Таким образом, возникновение этих фонем было вместе с тем возникновением нового различительного признака — переднего или заднего положения языка (см. выше, стр. 68). Даже если предположить, что /i e i: e:/ и до возникновения умляутных фонем противопоставлялись фонемам /u o u: o:/ как передние негубные задним губным, возникновение передних губных было все же вычленением нового различительного признака, так как, поскольку раньше передние были всегда негубные, а задние — губные, положение языка и огубление образовывали раньше вместе один нерасчлененный различительный признак.

⁷⁴ В. Malmberg. Distinctive Features of Swedish Vowels: Some Instrumental and Structural Data. В кн.: For Roman Jakobson. The Hague, 1956, стр. 316—321.

⁷⁵ С. Hj. Borgstrøm. Innføring i sprogvidenskap. Oslo, 1958, стр. 24—25.

⁷⁶ Аа. Hansen. Den lydige udvikling i dansk fra ca. 1300 til nutiden, 1. Vokalismen. København, 1962.

⁷⁷ Е. Н. Антонсен. The Proto-Norse Vowel System, стр. 204.

Не вызывает сомнения также, что /æ æ:/ были передними негубными низкого подъема. Но фонематический статус /æ/ в сущности неясен. В древнейших исландских рукописях эта фонема уже слилась с /e/.⁷⁸ Однако автор «Первого грамматического трактата» (относящегося, как известно, к первой половине XII в.) различает /e/ и /æ/ и приводит минимальную пару с этими фонемами. Поэтому обычно считается, что слияние /æ/ и /e/ произошло не позднее середины XII в.⁷⁹ Автора «Первого грамматического трактата» справедливо называют «древнейшим германским фонологом». Он действительно во многом предвосхищает современную фонологию и особенно в том, что приводит пары слов, показывающие, как различные гласные могут skipta mále («менять речь»), т. е. выполнять смысловоразличительную функцию.⁸⁰ Но замечено также, что этот автор (опять-таки предвосхищая современную фонологию?) иногда склонен предпочесть симметрию фактам.⁸¹ Так, он устанавливает различие между носовыми и носовыми в кратких гласных, хотя с точки зрения современных фонологических критериев очевидно, что это различие было релевантно только в долгих гласных.⁸²

Противопоставление /æ—e/ не подтверждается ни орфографией древнейших исландских рукописей, ни рифмами в поэзии древнейших скальдов.⁸³ По-видимому, вопрос не всегда можно ставить так: были ли два данных гласных одной фонемой или двумя? Правда, слияние фонем — это не постепенный переход одной фонемы в другую (ср. выше, стр. 10). Но несомненно, что слияние фонем — это процесс, в продолжение которого сливающаяся фонема функционально не вполне самостоятельна. Она может выступать то как фонема, то как факультативный вариант фонемы, то как ее аллофон, и такое колебание может иметь место в продолжении очень длительного времени, как об этом свидетельствует, например, история «толстого» l в норвежском и шведском (см. ниже, стр. 133 и сл.). Умляутная фонема /æ/ могла начать сливаться с ближайшей к ней фонемой, т. е. с

⁷⁸ A. Noreen. *Altisländische und altnorwegische Grammatik*. Halle, 1923, стр. 128.

⁷⁹ Нр. Benediktsson. *The Vowel System...*, стр. 290.

⁸⁰ E. Haugen. *First Grammatical Treatise...*, стр. 33—34; Нр. Benediktsson. *The Earliest Germanic Phonology*. «Lingua», 10, 1961, 3. стр. 237 и сл.

⁸¹ Нр. Benediktsson. *The Earliest Germanic Phonology*, стр. 250.

⁸² E. Haugen. *First Grammatical Treatise...*, стр. 34, прим.; Нр. Benediktsson. *The Vowel System...*, стр. 284; Его же. *The Earliest Germanic Phonology*, стр. 239.

⁸³ Нр. Benediktsson. *The Unstressed Vowels...*, стр. 15, прим.; Его же. *The Earliest Germanic Phonology*, стр. 239, прим.; Его же. *Old Norse Short e: One Phoneme or Two?* «Arkiv för nordisk filologi», 79, 1964, стр. 63—104. — В этой последней работе Бенедиктссон подробно рассматривает свидетельства древнейших рукописей, скальдических рифм и «Первого грамматического трактата» и приходит к выводу, что эти свидетельства не подтверждают существования противопоставления /e—æ/.

/e/, сразу же после своего возникновения, т. е. быть фонемой /æ/e/, причем (поскольку умляутное аллофоническое варьирование прекращалось с возникновением умляутных фонем) не только в тех положениях, где она в результате редукции безударных гласных уже не была обусловлена, но и там, где этот гласный не редуцировался.

Общескандинавское расширение /e/ в /æ/, которое началось еще в X в.,⁸⁴ как будто противоположно исландскому слиянию /æ/ с /e/. Поэтому принято считать, что в исландском этого расширения не было совсем.⁸⁵ Возможно, однако, что исландское слияние /æ/ с /e/ было следствием расширения /e/, и, действительно, следы расширения /e/ есть в рифмах исландских скальдов.⁸⁶ Возможно, что отличие исландского развития от общескандинавского заключалось в том, что в исландском расширение /e/ в определенных положениях привело к превращению /æ/ в аллофон /e/, а следовательно, и к слиянию /æ/ с /e/. Между тем, хотя в других скандинавских языках расширение /e/ было более общим, /æ/ продолжало там, в силу других изменений, встречаться в том же положении, что и /e/, и, следовательно, /e/ и /æ/ оставались разными фонемами.

Еще более сложным был фонематический статус фонемы /ɔ/. Считается, что слияние /o:/ с /a:/ закончилось к 1250 г.⁸⁷ Слияние /ɔ/ с /ø/ труднее датировать. По словам Нурена, это слияние завершилось только в XIV в., хотя написание ø вместо ɔ «показывается в отдельных местностях уже в XIII в.»⁸⁸ Между тем Финнур Йоунссон утверждает, что «новоисландское произношение ö восходит в ɔ ко времени около и после 1200 г.»⁸⁹ а по данным Хегста колебания в написании данного гласного имеют место до середины XVI в.⁹⁰ Судя по этим датировкам, слияние /ɔ/ с /ø/ было очень медленным и нечетким. Говоря о древнескандинавском ɔ, Хессельман замечает, что этот звук был «слишком своеобразным и слишком малочисленно представленным гласным, чтобы долго удерживать свое место в нормальной системе гласных языка»⁹¹ и ссылается при

⁸⁴ D. A. Seip. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo, 1955, стр. 48, 59, 74, 148—149, 267; P. Skautrup. Det danske sprogs historie, 1. København, 1944, стр. 131; J. Brøndum-Nielsen. Gammeldansk Grammatik i sproghistorisk Fremstilling, I. København, 1950, стр. 302; E. Wessén. Svensk språkhistoria, 1. Stockholm, 1943, стр. 18.

⁸⁵ D. A. Seip. Norsk språkhistorie. . . , стр. 59, 74.

⁸⁶ F. Jónsson. Norsk-islandske sprogforhold. . . , стр. 237 и сл.

⁸⁷ A. Noreen. Altisländische Grammatik, стр. 37 и 97.

⁸⁸ Там же, стр. 105.

⁸⁹ Finnur Jónsson. Övergängen q—ö (ø) i islandsk. «Arkiv för nordisk filologi», 35, 1918, стр. 319. Ср.: Hr. Benediktsson. The Vowel System. . . , стр. 295.

⁹⁰ M. Hægstad. Vestnorske maalføre fyre 1350. «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 2. kl., 1941», 1, 1942, стр. 21.

⁹¹ B. Hesselman. Omljud och brytning i de nordiska språken. Uppsala, 1945, стр. 17.

этом на Кристенсена, который тоже указывает на неустойчивость *q* и объясняет ее тем, что этот звук был «чем-то средним между *a*, *u* и *ö*».⁹² С фонологической точки зрения, дело, по-видимому, заключалось в том, что в отличие от */q:/*, которое сразу же после своего возникновения начало сливаться с */a:/*, т. е. фонемой, которая потом его вытеснила, */q/* сначала сливалось с */a/* и только потом стало сливаться с */ø/*, т. е. было сначала фонемой */q/a/*, а потом фонемой */q/ø/*. Этими процессами слияния, в продолжение которых сначала */a/*, а потом */ø/* были факультативными вариантами */q/*, скорее всего и объясняется непоследовательность обозначения */q/* в древнеисландских рукописях. Для обозначения этого гласного использовались буквы *q*, *o*, лигатура *a* и *o*, иногда также *au*, *av* (или лигатура *a* и *v*), *ao*, *ø*, *a* и т. д.⁹³ Букву *q* (общепринятую в современном языкознании) употребляет автор «Первого грамматического трактата», и по его идее она есть соединение букв *a* и *o*.

То, что */q/* и */a/* рифмовались во внутренних рифмах (*aðalhendingar*) в поэзии скальдов, скорее всего тоже объясняется неполноценностью противопоставления */q—a/*, а именно тем, что */q/* и */a/* стали сливаться сразу же после своего возникновения, т. е. были факультативными вариантами фонемы */q/a/*. Предположение Бенедиктссона, что причиной рифмовки */q/* с */a/* в поэзии скальдов была структурная близость этих фонем, которая вытекает из нейтрализуемости противопоставления между ними,⁹⁴ интересно, но не убедительно. Несомненно, конечно, что нейтрализация противопоставления — проявление структурной близости между его членами.⁹⁵ Но структурная близость между фонемами сама по себе отнюдь не исключает абсолютно четкого противопоставления между ними. Так, в современном исландском противопоставления */l—i e—ei/* и т. п. абсолютно четки, хотя и нейтрализуются (см. выше, стр. 57). Кроме того, как признает и Бенедиктссон */q/* и */a/* перестали рифмоваться в конце XII в. (как раз когда началось слияние */q/* и */ø/*!), тогда как нейтрализация противопоставления */q—a/* перед */u/* сохранилась до XIV в.⁹⁶ Очевидно, таким образом, что нейтрализация противопоставления */q—a/* не имеет отношения к рифмам. */q/* и */a/* перестали рифмоваться потому, что слияние */q/* с */a/* прекратилось и началось слияние */q/* с */ø/*.

Слияние */q/* со смежными фонемами происходило, вероятно,

⁹² M. Kristensen. Folkemål og sproghistorie. København, 1933, стр. 99.

⁹³ A. Holtsmark. En islandsk scholasticus fra det 12. århundre, «Skriver utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 2. kl., 1936», 3, 1936, стр. 10—11; M. Hægstad. Vestnorske..., стр. 21; H. Markström. Om utvecklingen av gammalt ä framför u i nordiska språk. Uppsala, 1954, стр. 130 и сл.

⁹⁴ H. Benediktsson. Phonemic Neutralization and Inaccurate Rhymes. «Acta philologica scandinavica», 26, 1963, стр. 7.

⁹⁵ Ср.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 87.

⁹⁶ H. Benediktsson. Phonemic Neutralization..., стр. 10.

по всей Скандинавии, но вне Исландии /q/ сливалось не только с /a/ и /ø/, но также и с /o/ или /u/ и т. д., по-разному в разных диалектах.⁹⁷ Известно, однако, что на востоке Скандинавии в случаях так называемого младшего умляута на *u*, т. е. там, где /u/, вызывавшее умляут, сохранялось, как правило, стоит а (т. е. *allum landum*, а не *ollum lōndum*, как в древнеисландском), и это в последнее время обычно объясняется вытеснением /q/ в этом положении в силу аналогического выравнивания.⁹⁸ В фонологической формулировке Бенедиктссона архифонема противопоставления /q—a/ реализовалась в положении нейтрализации (т. е. перед безударным /u/), как [a] на востоке Скандинавии и как [q] на западе Скандинавии.⁹⁹ Бенедиктссон, однако, не делает попытки объяснить различие в реализации архифонемы на востоке и на западе Скандинавии. Между тем естественно предположить, что реализация архифонемы как [a] было следствием того, что противопоставление было привативным и, следовательно, в положении нейтрализации должен был оказаться его немаркированный член, т. е. /a/.¹⁰⁰ Непонятно, однако, почему то же самое не произошло на западе Скандинавии. Скорее всего это объясняется тем, что нейтрализация в данном положении была на западе менее полной, чем на востоке (сравни др.-исл. *grǫppapot*, дат. ед. ч., и *grōppopot*, дат. мн. ч., и др.¹⁰¹), или была там раньше устранена.

О фонетической природе древнескандинавского /q/ существует очень много взаимно противоречивых высказываний. Сводка по этому вопросу есть в книге Маркстрёма.¹⁰² Одни (особенно исландские) ученые считали, что /q/ было близко к современному исландскому *ö*; другие (и очень многие) — норвежскому открытому *o*, датскому *å* и т. д.; третьи — что оно приближалось к английскому *u* в *but*, четвертые — что оно было дифтонгом *au*. Сам Маркстрём (вслед за Виммером, Маштрандером, Соммерфельтом, Брёндум-Нильсеном, Хессельманом и Янссоном) склоняется к тому, что /q/ было «несколько поднятым и слабо лабиализованным вариантом а».¹⁰³

Фонетическая природа /q/ выводилась прежде всего из того факта, что оно возникло из /a/ перед /u/ (т. е., очевидно; из лабиализованного аллофона /a/) и в конце концов слилось в Ис-

⁹⁷ H. Markström. *Om utvecklingen...*; G. Widmark. *Det nordiska u-umljudet. En dialektgeografisk undersökning*, 1. Uppsala, 1959. — В моей первой работе об исландских гласных я высказывал предположение, что вне Исландии фонемы (q) вообще не было (M. I. Steblin-Kamenskij. *A Contribution...*, стр. 80).

⁹⁸ Обзор литературы по этому вопросу см. в статье: Hг. Benediktsson. *Some Aspects of Nordic Umlaut...*, стр. 409 и сл.

⁹⁹ Там же, стр. 422.

¹⁰⁰ Ср.: Н. С. Трубецкой. *Основы фонологии*, стр. 90.

¹⁰¹ Ср.: Hг. Benediktsson. *Phonemic Neutralization...*, стр. 17—18.

¹⁰² H. Markström. *Om utvecklingen...*, стр. 148 и сл.

¹⁰³ Там же, стр. 151.

ландии с /o/, т. е. лабиализованным е, а в других частях Скандинавии — с /a o u ö e/ и даже /i/. В работе Х. Маркстрёма собрано очень много диалектографического материала, показывающего это развитие.

Не более определенным является и высказывание автора «Первого грамматического трактата» о том, что *q* «произносится со ртом менее открытым, чем а, но более, чем о». ¹⁰⁴ Большая или меньшая «открытость рта» означает в этом произведении несомненно не только степень подъема, т. е. открытость в собственном смысле, но и положение губ и положение языка. Так, там говорится на той же странице, что *ø* «произносится с менее открытым ртом, чем е, но более, чем о», а *у* «произносится с менее открытым ртом, чем *i*, но более, чем *u*». Между тем фонологическое отличие /ø/ и /y/ от /e/ и /i/ и от /u/ и /o/ заключается, конечно, не в степени подъема, а в лабиализации, в первом случае, и в переднем положении языка — во втором.

Фонологическую природу /q/ определяли по-разному в зависимости от того, как представляли себе систему гласных в целом. В симметричной системе из девяти кратких гласных, т. е. до слияния /æ/ с /e/, /q/ оказывается губным задним того же подъема, что /æ/, но менее низкого подъема, чем /a/:¹⁰⁵

i	y	u
e	ø	o
æ		q
	a	

Известно, однако, что противопоставление /q—a/ было нейтрализуемым (а именно в положении перед безударным /u/). Следовательно, оно должно было быть одномерным, т. е. члены его должны были обладать свойственными только им общими признаками.¹⁰⁶ Между тем в приведенной выше симметричной схеме /q/ и /a/ не обладают никакими общими признаками. Более вероятно поэтому предположение Бенедиктссона, что /a/ было задним негубным, а /q/ — задним губным:¹⁰⁷

Передние		Задние	
негубные	губные	негубные	губные
i	y		u
e	ø		o
æ		a	q

Таким образом, среди задних гласных низкого подъема губ-

¹⁰⁴ E. Haugen. First Grammatical Treatise..., стр. 13.

¹⁰⁵ H. Christiansen. Norske dialekter. Oslo, 1946—1948, стр. 90; E. Haugen. First Grammatical Treatise..., стр. 32; M. I. Steblin-Kamenskij. A Contribution..., стр. 77.

¹⁰⁶ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 87 и сл.

¹⁰⁷ Hr. Benediktsson. The Vowel System..., стр. 287 и сл.; Его же. Some Aspects of Nordic Umlaut..., стр. 416.

ной противопоставлялся негубному, тогда как среди задних гласных среднего и высокого подъема такого противопоставления не было, хотя известно, что в задних гласных губные и негубные вообще менее различимы, чем в передних, и всего меньше в низком подъеме. Поэтому такая девятифонемная система была, вероятно, крайне неустойчива. Если же в системе гласных было восемь, а не девять фонем, то очевидно, что /q/ отличалось от /a/ как губной от негубного того же подъема.

Другим важнейшим изменением, которое претерпела праскандинавская система, было слияние долгих носовых с долгими неносовыми. Автор «Первого грамматического трактата» еще отличает их. Но, как уже говорилось, он отличает и краткие носовые от кратких неносовых, хотя в кратких гласных назализация не могла быть различительным признаком. В древнейшей исландской и норвежской поэзии, т. е. в стихах скальдов X—XI вв., долгие носовые рифмуются с долгими неносовыми.¹⁰⁸ Поэтому можно предположить, что уже тогда происходило слияние долгих носовых с долгими неносовыми. Таким образом, история носовых гласных относится целиком к дописьменной эпохе. Возможно, что появление нового различительного признака в гласных в результате умляутов было одновременным с началом исчезновения старого различительного признака — назализации.

Наконец, важнейшим изменением, которое претерпела исландская система гласных уже в письменное время, было слияние кратких и долгих в одну систему, в которую включились и дифтонги /ei ey au/, другими словами — исчезновение долготы как различительного признака гласных и возникновение вместо нее нового различительного признака — того, по которому в современном исландском различаются коррелятивные пары /i—i e—ei ø—øi y—y o—ou a—au a—ai/. Компонентами этого изменения были дифтонгизация долгих гласных, которая заключалась в том, что /æ: o: a:/ стали дифтонгами /ai ou au/, а в положении перед /ng/ и /j/ краткие удлинились и /e/ стало /ei/, /ø/—/øi/, /o/—/ou/, /a/—/au/ и /ai/, а также дифференциация /u/ и /u:/ в /y/ и /y/, а /i/ и /i:/ в /i/ и /i/.

Количественный сдвиг, т. е. превращение долготы из различительного признака гласных в свойство слога, относят к концу XV и XVI в.¹⁰⁹ Дифтонгизация долгих началась, по-видимому, несколько раньше.¹¹⁰ Несомненно, однако, что аллофическая стадия этих изменений началась значительно раньше. Качественное различие между краткими и долгими должно было существовать уже в праскандинавском. Распространено мнение, что у долгих гласных всегда есть тенденция к сужению, а у

¹⁰⁸ Нр. Benediktsson. Phonemic Neutralization..., стр. 8.

¹⁰⁹ Björn K. Þórólfsson. Kvantitetsomvæltningen i islandsk. «Arkiv för nordisk filologi», 45, 1929, стр. 35—81.

¹¹⁰ Нр. Benediktsson. The Vowel System..., стр. 298.

кратких — к расширению,¹¹¹ а также что долгие всегда напряженные, а краткие — ненапряженные.¹¹² Если это мнение верно, то уже в праскандинавском долгие и краткие гласные обладали в какой-то мере тем, что впоследствии стало в них релевантным вместо различия по количеству. В дальнейшем качественное различие между долгими и краткими все время возрастало в результате того, что изменения кратких, как правило, отличались от изменений долгих. /e/ дифтонгизовалось в определенных положениях еще в дописьменное время в /ia/ или /iǫ/, тогда как /e:/ дифтонгизовалось гораздо позднее во всех положениях в /ie/, но сначала, по-видимому, в [e].¹¹³ /æ/ слилось с /e/ еще в дописьменное время, тогда как /æ:/ сохранилось, но позднее, в середине XIII в., с ним слилось /ø:/.¹¹⁴ /ǫ/ слилось с /ø/, тогда как /ǫ:/ слилось с /a:/, и значительно раньше. Таким образом, противопоставление /e:—æ:/ существовало до самой эпохи дифтонгизации, тогда как противопоставление /e—æ/ исчезло еще в дописьменное время; напротив, противопоставление /a:—ǫ:/ исчезло раньше, чем противопоставление /a—ǫ/. К эпохе дифтонгизации в системе кратких, не считая /a/, которое, вероятно, осталось вне рядов, было два передних негубных (/i e/), два передних губных (/y ø/) и два задних губных (/u o/), тогда как в системе долгих было три передних негубных (/i: e: æ:/), один передний губной (/y:/) и три задних губных (/u: o: a:/). Фонетическая реализация кратких и долгих, обладавших теми же различительными признаками, должна была, следовательно, значительно различаться. Так, /i/ должно было быть более открытым, чем /i:/, и действительно /i/ стало впоследствии /i/, тогда как /i:/ осталось /i/. Единственное изменение, которое было общим для кратких и долгих, это делабиализация /y/ и /y:/ в XV—XVI вв. и их слияние с /i/ и /i:/ в /i/ и /i/.

В общем же можно сказать, что, несмотря на многократные и крупные перестройки, в силу которых симметрия в расположении фонем одновременно и разрушалась, и создавалась, в системе гласных оставалось то же общее количество различительных признаков, хотя сами эти признаки постепенно изменялись.

¹¹¹ См., например: H. Lüdtke. Zuordnung von Lang- und Kurzvokalen im heutigen Englischen. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 7, 1953, 1, стр. 39.

¹¹² См.: M. Durand. Voyelles longues et voyelles brèves. «Collection linguistique publiée par la Société de linguistique de Paris», 49, 1946, стр. 177.

¹¹³ Björn M. Olsen. Om overgangen é—je i islandsk. «Arkiv för nordisk filologi», 3, 1886, стр. 190; Björn. K. Þórólfsson. Um íslenzkar orðmyndir á 14. og 15. öld og breytingar þeirra úr forn málinu. Reykjavík, 1925, стр. XV. Его же. Nokkur orð um hinar íslenzku hljóðbreytingar é>je og y, ý>i, í, ei. В кн.: Studier tillägnade A. Kock. Lund, 1929, стр. 232—240.

¹¹⁴ A. Noreen. Altisländische Grammatik, стр. 107; F. Jónsson. Norsk-islandske sprogforhold..., стр. 314.—Однако Гутенбруннер относит это слияние к 1250—1350 гг. (S. Gutenbrunner. Historische Laut- und Formenlehre des Altisländischen. Heidelberg, 1951, стр. 18).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДИАЛЕКТАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ИСЛАНДСКОМ

Те, кто изучал диалектальные различия в исландском, констатируют, что различия эти очень невелики, значительно меньше, чем в других германских языках, и как бы находятся в зачаточном состоянии.¹ Если диалектальные различия в исландском действительно находятся в какой-то начальной стадии развития, то не может ли рассмотрение соответствующих данных представлять интерес с точки зрения того, как вообще образуются диалекты?

Диалектальные различия, мне кажется, могут быть «генеральными», т. е. касаться положений, фонем или фонологических признаков, или «единичными», т. е. касаться слов, форм слов или словосочетаний. Можно установить следующие четыре степени относительной величины генеральных различий: 1) различия в аллофонах, встречающихся в определенных положениях; 2) различия в распределении фонем в определенных положениях (т. е. в нейтрализации тех или иных фонемных проти-

¹ Есть следующие описания диалектальных различий в исландском: Jón Ófeigsson. Træk af moderne islandsk Lydlære, VII. Oversigt over de vigtigste islandske Dialekter i fonetisk Henseende. В кн.: S. Blöndal. Islandsk-dansk Ordbog. Reykjavík, 1920—1924, стр. XXVI—XXVII; M. Kristensen. Oplysninger om islandske Dialekterforskelle. В кн.: Festskrift tillägnad H. Pipping. Helsingfors, 1924, стр. 295—302; Stefán Einarsson. On Some Points of Icelandic Dialectal Pronunciation. «Acta philologica scandinavica», 3, 1928—1929, стр. 264—279; Его же. Icelandic Dialect Studies, I, Austfirðir. «Journal of English and Germanic Philology», 31, 1932, 4, стр. 537—572; Его же. Um mál á Fljótsdalshéraði og Austfjörðum 1930. «Skírnir», 106, 1932, стр. 33—54; Björn Guðfinnsson. Mállýzkur, I, Reykjavík, 1946; Его же. Breytingar á framburði og stafsetningu. Reykjavík, 1947; Его же. Um íslenzkan framburð (Mállýzkur, 2). «Studia islandica», 23, 1964; K.-H. Dahlstedt. Íslenzk mállýzkalandafræði. «Skírnir», 132, 1958, стр. 29—63; Hreinn Benediktsson. Icelandic Dialectology: Methods and Results. «Íslenzk tunga», 3, 1961—1962, стр. 72—113. — Сведения о диалектальных различиях в исландском есть также в некоторых статьях и во многих работах по исландской фонетике.

вопоставлений); 3) различия в системе фонем, но не в различительных признаках, действующих в этой системе; 4) различия в самих этих признаках и тем самым, конечно, и в системе фонем.² Единичные различия могут касаться фонемного состава или значения слов, форм слов или словосочетаний. Таким образом, лексические, морфологические и синтаксические различия всегда единичны. Систематизировать единичные различия, по-видимому, значительно труднее, и границы их, как правило, менее четки. Впрочем для исландского языка они еще почти не выявлены, и я их не буду рассматривать.

С точки зрения приведенной выше градации генеральных диалектальных различий, нетрудно установить, что в исландском языке, как правило, нет различий третьей и четвертой степени, т. е. различий в системе фонем. На всей территории Исландии действует одна и та же система фонем. Все засвидетельствованные генеральные различия в исландском — это различия второй степени, т. е. в распределении фонем в определенных положениях. Впрочем, это не значит, что в исландском нет генеральных различий первой степени. Но такие различия, как правило, упоминаются только постольку, поскольку они сопутствуют различиям второй степени или поскольку они характерны для областей, переходных между областями с различиями второй степени. Судя по описаниям, такие переходные области очень характерны для исландских диалектальных различий. Другими словами, даже генеральные диалектальные различия не имеют в Исландии четких границ.

Вот перечень генеральных диалектальных различий в исландском.

1а. На юге и западе Исландии различие между придыхательными /p t k k'/ и непридыхательными /b d g g'/ смычными после долгого гласного нейтрализовано в пользу непридыхательного. Пример: /ga : da/, а не /ga : ta/.

1б. На севере и востоке Исландии это различие нейтрализовано в пользу придыхательного. Пример: /ga : ta/, а не /ga : da/.

Это различие между так называемым мягким и твердым произношением больше всего изучено в исландском.³ Изучены, в частности, переходные области, в которых господствует «смешанное» произношение и встречаются особые аллофоны непридыхательных смычных — непридыхательные сильные (обычно непридыхательные смычные бывают слабыми). Аналогичное различие имеет место также после /p/, но в этом случае оно связано с аллофоническим различием глухого и звонкого ([ð] и [p]). Пример: [maðgʏr] — на юге, [maʔkʏr] — на севере.

² Ср.: N. S. Trubetzkoy. *Phonologie und Sprachgeographie*. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931, стр. 228—234.

³ См. особенно: V. Guðfinnsson. *Mállýzkur*, стр. 155—243.

2а. На юге, западе и отчасти на востоке Исландии в сочетании /l m n/ или их глухих коррелятов со смычным нейтрализовано различие между придыхательным и непридыхательным смычными в пользу непридыхательного. Пример: /henda/, но /henda/. В /henda/ непридыхательный сильный (а не слабый, как обычно), так что это отчасти и аллофоническое различие.

2б. На севере и отчасти на востоке Исландии в этом сочетании нейтрализовано различие между /l n/ и их глухими коррелятами в пользу первых. Пример: /henta/, но /henda/. Однако в сочетании /lt/ здесь действуют особые правила, обусловленные в основном морфологической аналогией, так что различие это отчасти единичное.⁴ Фонемы же /m/, которая в остальной Исландии представлена только в данном положении, здесь нет совсем, и это единственное диалектальное различие третьей степени в Исландии.

3а. На севере и западе Исландии различие между щелевым и смычным заднеязычными нейтрализовано в пользу смычного. Пример: /kva:lʏr/, а не /χva:lʏr/ или /χa:lʏr/.

3б. На юге и востоке Исландии этой нейтрализации нет. Пример: /χva:lʏr/ или /χa:lʏr/, а не /kva:lʏr/. И здесь есть ряд аллофонических и единичных различий.⁵

4. На севере Исландии различие между /b/ и /v/, /g/ и /χ/ в положении перед /p/ нейтрализовано в пользу смычного. Пример: /habpʲi/, а не /havpʲi/, и /sagpʲi/, а не /saχpʲi/.

5. Кое-где на севере Исландии различие между /l/ и /gl/ в положении после [ŋ] нейтрализовано в пользу /gl/. Пример: [diŋgla], а не [diŋla].

6. На северо-западе Исландии различие между /p/ и /d/ в положении после /r χ v/ нейтрализовано в пользу смычного. Пример: /gardʏr/, а не /garpʏr/, /saχdi/, а не /saχpʲi/, /havdi/, а не /havpʲi/.

7. На юго-востоке Исландии различие между /r/ и /r(d)/ в положении перед /n/ и /l/ нейтрализовано в пользу /r/. Пример: /barn/, а не /ba(r)dn/, и /karl/, а не /ka(r)d/.

Генеральных различий в области гласных значительно меньше.

8. На северо-западе Исландии различие между /a/ и /au/, /ø/ и /oi/, /e/ и /ei/, /i/ и /i/ в положении перед /ng/ нейтрализовано в пользу первых членов пар. Пример: /langʏr/, а не /laungʏr/.

9. На юго-востоке Исландии различие между /i/ и /i/, /e/ и /ei/, /ø/ и /oi/, /a/ и /ai/ в положении перед /j/ не нейтрализовано (в противоположность тому, что имеет место во всей остальной Исландии). Пример: /la :ji/, отличается от /lai :ji/.

10. В большей или меньшей мере по всей Исландии, кроме

⁴ S. Einarsson. On Some Points. . . , стр. 264 и сл.

⁵ Там же, стр. 269 и сл.

ее северо-запада, юго-востока и северо-востока, различие между долгими /i/ и /e/, /y/ и /ø/ нейтрализуется в пользу второго члена пары или в пользу среднего звука. «Флаумайли» (flá-mæli от að tala flátt 'говорить с разинутым ртом') — так называется это произношение — всего ближе к различию в системе фонем. Х. Бенедиктссон высказывает предположение, что в речи некоторых говорящих имеет место полное слияние данных фонем и, следовательно, наличествует особая система гласных фонем.⁶ Однако, по общему признанию, слияние соответствующих фонем обычно имеет место только, когда они долгие, т. е. только в определенных положениях (долгота или краткость исландских гласных всегда обусловлены их положением в слове и, следовательно, не являются свойством самих гласных).⁷

Те диалектальные признаки, область распространения которых занимает значительную часть страны, в приведенном выше перечне представлены в виде пар, члены которых делят страну между собой и взаимно исключают друг друга (пп. 1а и 1б, 2а и 2б, 3а и 3б). Остальные различия являются периферийными либо по области распространения (пп. 4—9), либо по сфере употребления (п. 10). Их поэтому было нецелесообразно представлять в виде таких пар.

Области распространения отдельных признаков отчасти совпадают, отчасти перекрывают друг друга, и, таким образом, выделяются области, характеризующиеся двумя или несколькими такими признаками: север Исландии (пп. 1б, 2б, 3а, 4, 5), юг (пп. 1а, 2а, 3б), восток (пп. 1б, 3б), северо-запад (пп. 6, 8) и юго-восток (пп. 7, 9) и, соответственно, «диалекты» северный, южный, восточный, северо-западный и юго-восточный. Это деление замечается не только лингвистами. Сами говорящие пользуются выражениями sunnlenska 'южный говор', norðlenska 'северный говор', austfirska 'говор восточных фьордов', hornfirska 'говор Хотнфьорда', и существует шуточная строфа, передразнивающая произношение полуострова на крайнем северо-западе (fað er strangur gangur fyrir hann svanga Manga að flytja þang í fangi fram á langa tanga).⁸

По-видимому, осознание диалекта вообще в значительной мере связано с противопоставленностью диалекта тому, что обычно называется литературным языком. Слово «диалект» употребляется, мне кажется, в двух различных значениях: 1) «диалектом» называют местную речь, противопоставленную литературному языку; 2) когда говорят об историческом развитии «диалектов», слово это нередко обозначает речь, характе-

⁶ Hreinn Benediktsson. The Vowel System of Icelandic: a Survey of its History. «Word», 15, 1959, 2, стр. 306.

⁷ См.: К. Malone. Long and Short in Icelandic Phonemics. «Language», 29, 1953, 1, стр. 62; Е. Haugen. The Phonemics of Modern Icelandic. «Language», 34, 1958, 1, стр. 62.

⁸ К.-Н. Dahlstedt. Íslensk mállykjalandafræði, стр. 30.

ризуемую местными особенностями, но не противопоставленную литературному языку по той причине, что в данном обществе еще не выработался литературный язык. По-моему, противопоставленность литературному языку, т. е. момент социальной оценки, — это важный момент в понятии «диалект», точно так же как противопоставленность диалекту — важный момент в понятии «литературный язык». Поэтому представляется целесообразным различать «собственно диалектальное», т. е. местное и противопоставленное «литературному», и «несобственно диалектальное», т. е. местное, но не противопоставленное «литературному». Такое различие представляется тем более целесообразным, что распространившееся с некоторых пор в нашей литературе злоупотребление неясными выражениями вроде «(единный) общенациональный язык», «(единный) национальный язык», «общенациональный язык», «(единный) язык народности» и т. п., назначение которых заключалось в основном в том, чтобы затушевать фактическое отсутствие лингвистического единства, не способствовало четкости и в значении слов «диалект», «диалектальный» и т. п.

Для исландского языка характерно, что в нем противопоставленность местной речи литературному языку либо отсутствует, либо едва намечается, т. е. местные различия в нем — это, как правило, различия «несобственно диалектальные». Все перечисленные выше признаки (кроме приведенного в п. 10) пользуются как бы полными правами гражданства, не являются отклонениями от какой-то нормы. Й. Оуфейхссон, впервые описавший диалектальные различия в исландском, говорит, что в исландском «нет никакого общепризнанного нормального произношения».⁹ Б. Гвюдфиннссон, больше всех изучавший эти различия, говорит, что в противоположность большинству других культурных народов исландцы еще не упорядочили своего произношения.¹⁰ Вероятно, с этим связано и то, что в Исландии общепринято считать язык обитателей хуторов более чистым и правильным, чем язык горожан (поскольку в городах очень широко распространено знание иностранных языков).

Тем не менее в связи с тем, что генеральные диалектальные различия в исландском, наконец, выявлены описаниями, исландские лингвисты ставят вопрос о том, какие из разновидностей произношения следует предпочесть, т. е. какие из диалектальных признаков следует включить в литературную норму.

Всего отчетливее этот вопрос встает в отношении так называемого мягкого и твердого произношения (пп. 1а и 1б). Первое характерно для $\frac{2}{3}$ страны и 75% населения, в том числе для жителей столицы, где живет больше $\frac{1}{3}$ всего населения

⁹ J. Ófeigsson. Træk af moderne. . ., стр. XIV.

¹⁰ B. Guðfinnsson. Breytingar. . ., стр. 8—9. Ср.: K.-H. Dahlstedt. Íslenszk mállýkalandfræði, стр. 31.

Исландии. В соответствии с этим С. Блёндаль в своем словаре,¹¹ наиболее обстоятельном из существующих исландских словарей, хотя и дает оба произношения, но ставит «мягкое» на первое место, а в своем учебнике исландского языка дает только «мягкое» произношение.¹² Между тем С. Эйнарсон в своем учебнике исландского языка — наиболее обстоятельном из существующих — рекомендует «твердое» произношение, мотивируя это его соответствием орфографии и, следовательно, большей легкостью для иностранцев.¹³ Еще решительнее в пользу «твердого» произношения выступал Б. Гвюдфиннссон, мотивируя это тем, что оно исконнее, соответствует обычной орфографии и, на его взгляд, красивее.¹⁴ Гвюдфиннссон организовал специальное обучение «твердому» произношению в школах и разработал методику такого преподавания.¹⁵ По его словам, «твердое» произношение было у него самого сознательно приобретенным,¹⁶ и, кажется, кое-кто последовал его примеру.¹⁷ Й. Хельгасон, впрочем, утверждает, что „твердое“ произношение, поскольку оно поддерживается орфографией, вообще «часто слышно при чтении или в тщательной речи, даже вне области своего распространения».¹⁸ В «Правилах исландского произношения», выработанных для школ, театра и т. д., «твердое» произношение тоже признается «более желательным». Несмотря на все это, «мягкое» произношение остается более распространенным и еще не стало «собственно диалектальным».

По тем же мотивам (большая исконность и соответствие орфографии) исландские лингвисты рекомендуют произношение /χva: ʎʁ/, а не /kva: ʎʁ/¹⁹ (п. 3б), хотя второе произношение широко распространено (и, в частности, в Рейкьявике). Но и в этом случае произношение, «менее желательное» с точки зрения лингвистов, еще не стало «собственно диалектальным».

В отношении других «более исконных» и «более орфографических» произношений исландские лингвисты ограничиваются тем, что рекомендуют продолжать их применять, чтобы обеспечить их сохранение.²⁰ Это рекомендуется и в упомянутых выше «Правилах». Известны случаи, когда такое «более искон-

¹¹ S. Blöndal. *Islandsk-dansk Ordbog*.

¹² S. Blöndal, I. Stemann. *Praktisk lærebog i islandsk nutidssprog*. København, 1953. Ср. также: Valtýr Guðmundsson. *Islandsk Grammatik*. *Islandsk Nutidssprog*, København, 1922, стр. 2.

¹³ Stefán Einarsson. *Icelandic*. Baltimore, 1949, стр. VIII.

¹⁴ B. Guðfinnsson. *Breytingar...*, стр. 60—61.

¹⁵ Там же, стр. 52 и сл.

¹⁶ B. Guðfinnsson. *Mállýzkur*, стр. 14.

¹⁷ Там же, стр. 159.

¹⁸ Цит. по кн.: Sveinbjörn Sveinbjörnsson. *Icelandic Phonetics*. «Acta jütlandica», 5 (suppl.), 1933, стр. 93. Ср.: В. Кресс. *Die Laute des modernen Isländischen*. Berlin, 1937, стр. 171.

¹⁹ S. Einarsson. *Icelandic*, стр. VIII; B. Guðfinnsson. *Breytingar...*, стр. 60—61.

²⁰ B. Guðfinnsson. *Breytingar...*, стр. 61—62.

ное» произношение применяется лицами, которые по своему происхождению не могли бы его иметь. Так, по словам Б. Гвюдфиннссона, Х. К. Лакнес, читая по радио, произносит /gn/, а не /gdn/ и /gl/, а не /gdl/ (п. 7), хотя он родом не с юго-востока.²¹

Единственное диалектальное различие в исландском, которое является «собственно диалектальным», — это флаумайли (п. 10). Это произношение считается неправильным, вульгарным, с ним борются школьные учителя, его порицает само его название. Оно имеет и ряд других названий, локализирующих его происхождение или порицающих его (suðurnesjamál, nesjamál, sunnlenska, hljóðvilla, hljóðsýki, málfái, flágella и т. п.), и это, конечно, свидетельствует о том, что оно противопоставляется литературному произношению. Область распространения этого явления очень широка. Впрочем, может быть, правильнее говорить о сфере его употребления, так как территориально оно представлено почти по всей стране. Но об этом ниже.

История исландских диалектальных различий совершенно не исследована. Ею никто никогда не занимался. Поэтому здесь приходится ограничиваться предварительными соображениями.

Из синхронных данных можно заключить, что генеральные различия в распределении фонем развивались из аллофонических генеральных различий. Но последние, естественно, никогда не находили никакого отражения в письме, и поэтому время их возникновения невозможно установить.

Что касается первых, то о них известно пока что только следующеe. «Мягкое» произношение (п. 1а) едва ли древнее XIX в.²² Письменные примеры его встречаются около 1800 г.²³ Более древние примеры сомнительны. Произношение /kva :lyr/ (п. 3а), судя по аллитерациям, не древнее второй половины XVIII в.²⁴ Более ранние примеры, которые приводят Б. К. Тоуроульфссон²⁵ и С. Эйнарссон,²⁶ сомнительны.²⁷ Флаумайли (п. 10), видимо, не древнее середины XIX в.²⁸ Произношение /henda/ (п. 2а) А. Бедварссон считает результатом количественных изменений, которые произошли в XVI в., но отказывается

²¹ Там же.

²² Stefán Einarsson. Um kerfisbundnar hljóðbreytingar í íslenzku. «Íslenzk fræði», 10, [1949], стр. 19.

²³ B. Guðfinnsson. Málýzkur, стр. 234, прим.

²⁴ B. Guðfinnsson. Breytingar..., стр. 21; Árni Böðvarsson. Þáttur um málfraeðistörf Eggerts Olafssonar. «Skirnir», 125, 1951, стр. 170—171. Впрочем, может быть, оно возникло еще в XVII в. (см.: Gunnar Karlsson. Um aldur uppruna kv-framburðar. «Íslenzk tunga», 6, 1965, стр. 20—37).

²⁵ Björn K. Þórolfsson. Um íslenzkar orðmyndir á 14. og 15. öld og breytingar þeirra úr forn málinu. Reykjavík, 1925, стр. XXXIV.

²⁶ S. Einarsson. On Some Points..., стр. 270.

²⁷ См.: Jón Helgason. A Short Remark. «Acta philologica Scandinavica», 3, 1928—1929, стр. 279—280.

²⁸ См.: S. Einarsson. On Some Points..., стр. 277; B. Guðfinnsson. Breytingar..., стр. 25.

датировать его возникновение точнее.²⁹ Видимо, недавним является и произношение /habpi/ (п. 4).³⁰ Все остальные диалектальные признаки (пп. 1б, 2б, 3б, 5, 6, 7, 8, 9) более или менее явно представляют собой остатки древнего и (за исключением п. 6)³¹ общенсландского произношения, исчезнувшего на остальной территории Исландии. Положения не меняет то, что в некоторых случаях эти общенсландские черты не восходят к древнеисландскому. Так, произношение /ba(r)dp/ (п. 7), /laungʏr/ (п. 8) и /lai :ji/ (п. 9), по-видимому, не древнее XIV в.³² Таким образом, приходится заключить, что возникновение диалектальных различий в исландском относится к совсем недавнему времени — двум последним векам. Возможно, правда, что в прошлом существовали диалектальные различия, которые впоследствии исчезли, и о некоторых из них кое-что известно. Но в данной связи они не представляют интереса.

Синхронные данные показывают, что все эти недавно возникшие диалектальные различия развиваются и распространяются. Особенно стремительно до самого последнего времени развивалось флаумайли.³³ Развитие и распространение «мягкого» произношения было очень обстоятельно обследовано Б. Гвюдфиннссоном.³⁴ Его наблюдения над произношением у детей разных возрастов и у взрослых, а также у лиц, переселившихся из области «мягкого» произношения в область «твёрдого» произношения и наоборот, показали, что «мягкое» произношение распространяется очень быстро. Ему удалось установить также, что сопротивляемость «смягчению» смычных возрастает в последовательности /p—t—k—k'/³⁵ и что у мальчиков эта сопротивляемость больше, чем у девочек.³⁶ Что касается центров, откуда распространялись новации, то ими, по-видимому, были, с одной стороны, юго-запад — первый по населенности район, где находится и столица, а с другой стороны, север — второй по населенности и экономическому значению район, где расположен ряд крупных рыболовных центров и где раньше был крупнейший культурный центр страны (Хоуляр).

Как видно из синхронных данных, реликтовые диалекталь-

29 Arni Böðvarsson. Uppruni óraddaðs framburðar á undan p, t, k. «A góðu dægri. Afmæliskefja til S. Nordals». Reykjavík, 1951, стр. 102—107.

30 См.: В. К. Þórólfsson. Um íslenzkar orðmyndir. . ., стр. XXVII.

31 Произношение /gardyr/ (п. 6) никогда не было общенсландским, но, по-видимому, возникло еще в древности (см.: Asgeir V. Magnússon. Um framburðinn rd, gd, fd. «Íslenzk tunga», 1, 1959, стр. 9—25).

32 Jóhannes L. L. Jóhannsson. Nokkrar sögulegar athuganir um helztu hljóðbreytingar og fl. í íslenzku. Reykjavík, 1924, стр. 78 и 82; В. К. Þórólfsson. Um íslenzkar orðmyndir. . ., стр. XII.

33 См.: S. Einarsson. On Some Points. . ., стр. 277; В. Guðfinnsson. Breytingar. . ., стр. 27.

34 В. Guðfinnsson. Málýzkur, стр. 155—243.

35 Там же, стр. 231.

36 Там же, стр. 161, 216, 217.

ные признаки, как правило, отступают. Однако есть два района (оба они наиболее изолированы от остальной страны), где эти признаки хорошо сохраняются: полуостров на северо-западе (так называемый Vestfjarðakjálkinn, букв. 'Челюсть Западных фьордов'), где сохраняются произношения /langʏr/ и /gagðʏr/ (пп. 8 и 6), и побережье на юго-востоке, стесненное с севера ледниками и не имеющее удобных гаваней, которое характеризуется произношениями /barn/, /karl/, /la :ji/ (пп. 7, 9). Впрочем, по мнению Эйнарссона, образованию четкой границы этого района способствовала строгая обязательность связи этого района с определенными портами в период датской монополии торговли (XVII—XIX вв.).³⁷ Не случайно оба эти района являются единственными, где не представлено флаумайли.

Таковы внутренние тенденции развития. Однако, как я говорил, исландские лингвисты борются против одних диалектальных признаков и поощряют другие, и в некоторых случаях эти их попытки находятся в противоречии с внутренними тенденциями развития (особенно в случае «мягкого» произношения и флаумайли). Пока что неясно, в какой мере исландским лингвистам удадутся их попытки. Но некоторый успех они несомненно уже имеют.

Исландский язык значительно моложе других германских языков. Исландия была колонизована на рубеже IX и X вв. в основном выходцами из западной Норвегии, и во всяком случае расселение новопоселенцев в Исландии не соответствовало их расселению в метрополии. Поэтому в эпоху заселения Исландии на ее территории должно было иметь место диалектальное смешение, и образование специфически исландских диалектальных различий могло начаться только после эпохи ее заселения, т. е. много позже, чем в других германских языках. Тем не менее остается непонятным, почему за прошедшие с тех пор тысячу лет в языке населения такой обширной страны, какой является Исландия, страны, изобилующей горными хребтами, изолированными долинами, реками, через которые трудно переправиться, песками и пустынями, диалектальные различия получили лишь ничтожное развитие.

Обычно это объясняется богатством и устойчивостью литературной традиции в Исландии.³⁸ Исландская литературная традиция действительно исключительно богата и устойчива. Замечательные произведения древнеисландской литературы до сих пор широко читаются в Исландии и сохраняют свою актуальность. Но даже если признать, что исландцы — это, как сказал С. Нордаль, «самый литературный народ мира»,³⁹ остается непонятным, как это могло воспрепятствовать возникно-

³⁷ S. Einarsson. Icelandic Dialect Studies, стр. 556 и сл.

³⁸ См., например: B. Guðfinnsson. Mállýzkur, стр. 80.

³⁹ S. Nordal. Islenszk lestrarbók. Reykjavík, 1931, стр. XXVIII.

вению диалектальных различий в Исландии. Ведь это не воспрепятствовало тому, что в исландском языке за тысячу лет произошли крупные изменения: система гласных менялась несколько раз и очень радикально; система согласных тоже претерпела очень крупные изменения; только грамматический строй и лексика мало изменились. Почему эти изменения не происходили по-разному в различных областях страны, как это обычно имело место в случае крупных звуковых изменений в других германских языках? Почему исландцы не могли читать древние тексты по-разному в различных частях страны? Ведь они же все равно уже давно читают эти тексты совсем не так, как их читали в древности (исландская орфография очень консервативна). Наконец, почему диалектальные различия начали развиваться в Исландии не в первые два века ее истории (когда еще не было никакой письменной традиции), а в два последние?

Ничего не объясняют, конечно, ссылки на то, что языку вновь заселенной территории свойствен якобы консерватизм,⁴⁰ или на то, что Исландия до XIX в. не испытала влияния европейской городской культуры.⁴¹ Несомненно, помимо литературной традиции действовали другие и более важные факторы: социально-политические условия, характер расселения по стране, характер исландского хозяйства. В Исландии никогда не было феодальных государств-поместий, т. е. территорий с населением, обособленным в хозяйственном и политическом отношении от других подобных территорий. В древности развитие государства в Исландии в силу ряда причин задержалось.⁴² Позднее Исландия стала колонией, эксплуатируемой чужеземными купцами и чиновниками. Но феодальные отношения не получили в ней развития, и, следовательно, крестьяне не были прикреплены к земле и могли свободно переселяться. В Исландии заселена только узкая прибрежная полоса, вдоль которой обычно круглый год возможно судоходство. Единственный вид поселения — хутора, обычно далеко расположенные друг от друга. Деревень в Исландии никогда не было. Города появились совсем недавно (первый город — Рейкьявик — возник только в конце XVIII в.). Из-за отсутствия городов, т. е. торговых центров, крестьянам приходилось делать очень длинные торговые поездки. Но особенно существенно то, что население хуторов всегда было в значительной мере текучим. Исландский историк Б. Торстейнссон, автор ряда капитальных работ по истории Исландии, сообщил мне, что в его распоряжении есть мно-

⁴⁰ К.-Н. Dahlstedt. *Islenzk mállýzkalandafraði*, стр. 49.

⁴¹ B. Hesselman. *Huvudlinjer i nordisk språkhistoria*, 1. Uppsala, 1948, стр. 13.

⁴² См.: Э. Ольгейрссон. *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии*. М., 1957.

го данных, доказывающих текучесть населения исландских хуторов с древнейших времен. По его словам, «тун», т. е. унавоживаемый луг (который всегда играл основную роль в хозяйстве исландского хутора, — долей в Исландии почти нет), портился из-за недостатка удобрения, и хутор забрасывался, а хозяин его переезжал на другое место. Наконец, широкое участие населения в рыбных промыслах также вызывало сезонные перемещения населения.⁴³ Значительная часть населения хуторов участвовала в этих промыслах. Впрочем уточнить все эти факты дело историка, а не лингвиста.

⁴³ О политических и хозяйственных условиях как причинах отсутствия диалектов говорит Кун (H. Kuhn. Die sprachliche Einheit Islands. «Zeitschrift für Mundartforschung», 11, 1935, стр. 30 и сл.), хотя основной причиной и он считает литературную традицию. Ср. также: Нг. Benedikts son. Icelandic Dialectology... , стр. 106—107.

ИСЛАНДСКОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

В дискуссиях о так называемых передвижениях согласных до сих пор преобладает «буквенная» точка зрения: передвижение согласных усматривается обычно только там, где рефлексы согласных обозначаются буквами, отличными от тех, которыми обозначаются сами эти согласные. По-видимому, именно этим объясняется то, что лингвисты до сих пор склонны считать германское передвижение согласных единственным настоящим передвижением согласных. Однако если основное в передвижении согласных — это смена корреляции, т. е. изменение различительного признака, наличие или отсутствие которого характеризует членов ряда коррелятивных пар (а с фонологической точки зрения основное в передвижении согласных несомненно именно это), то настоящие передвижения согласных были во всех индоевропейских языках: придыхание перестало быть коррелятивным признаком (в иранских, славянских, балтийских, кельтских и т. д.), звонкость исчезла как коррелятивный признак (в тохарском), смычность стала коррелятивным признаком (в латинском) и т. д.

Правда, традиционная интерпретация протоиндоевропейских смычных спорна. На восьмом международном конгрессе лингвистов Роман Якобсон доказывал, что структура /t d dh/, обычно полагаемая для протоиндоевропейских смычных, типологически невероятна.¹ Леман недавно предложил другое толкование этой структуры, основываясь на ограничениях в распределении согласных в одном и том же корне.² По Леману,

¹ R. Jakobson. Typological Studies and their Contribution to Historical Linguistics. В кн.: Reports for the Eighth International Congress of Linguists. Supplement. Oslo, 1957, стр. 9. Ср.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 181 и сл., где рассматривается вероятность таких структур.

² У. Ф. Леман. Об армянской системе смычных и ее соотношении с протоиндоевропейской системой. «Вопросы языкознания», 1961, 4, стр. 56—59.

коррелятивными признаками в протоиндоевропейских смычных были не только звонкость и придыхание, как обычно считается, но и напряженность, причем эта корреляция по напряженности была основной. Если принять это толкование, то во всех индоевропейских языках, в которых нет этой корреляции, произошло передвижение согласных, заключавшееся в ее исчезновении. Однако, поскольку протоиндоевропейская система согласных все же остается гипотетичной, все передвижения согласных, для которых эта система — исходная позиция, тоже остаются гипотетичными. Германские передвижения согласных имеют значительно более реальное преимущество перед передвижениями согласных во всех других индоевропейских языках, чем то, что они единственные «настоящие» передвижения: исходные позиции ряда германских передвижений согласных много ближе к нам, чем индоевропейский праязык. Я имею в виду такие сравнительно недавние передвижения согласных, как верхненемецкое, датское и особенно исландское. Исландское передвижение согласных представляет наибольший интерес для того, кто хочет исследовать общий механизм передвижения согласных: исходные позиции этого передвижения всего яснее, и оно всего меньше затемнено позднейшими изменениями и диалектальным дроблением.

Для того чтобы определить, в чем заключалось исландское передвижение согласных, рассмотрим современные исландские смычные и сравним их с древнеисландскими.

В языке значительного большинства исландцев (весь юг и запад страны, включая ее столицу Рейкьявик) система смычных фонем состоит из придыхательных /p t k k'/ и непридыхательных /b d g g'/, причем в каждом ряду есть губно-губной, переднеязычный, непалатализованный заднеязычный и палатализованный заднеязычный.³ В фонетическом отношении все ис-

³ Сходные определения исландских смычных даются в единственных трех фонологических работах, рассматривающих исландские смычные: К. Мэлоуэ. *The Phonemes of Modern Icelandic*. В кн.: *Studies in Honor of A. M. Sturtevant*. Lawrence, 1952, стр. 5—21 (новый вариант статьи см. в его кн.: *Studies in Heroic Legend and in Current Speech*. Copenhagen, 1959, стр. 268—282); Е. Хауген. *On the Consonant Pattern of Modern Icelandic*. «Acta Linguistica», 2, 1941, 2, стр. 98—107; Е го же. *The Phonemics of Modern Icelandic*. «Language», 34, 1958, 1, стр. 55. — Хауген так анализирует исландские смычные: с одной стороны, он признает, что они различаются как придыхательные и непридыхательные (стр. 59), но, с другой стороны, он продолжает настаивать на толковании, которое он выдвинул в работе 1941 г. и сущность которого заключается в том, что путем различного рода ухищрений доказывается фонематичность исландской традиционной орфографии. Так, различительным признаком смычных Хауген считает то придыхание в собственном смысле, т. е. постаспирацию, то преаспирацию, то глухость предшествующего «длительного» (т. е., в частности, и носового или плавного). Таким образом, различительный признак той же фонемы оказывается разным по своей фонетической природе в разных случаях и как бы независимым от этой фонемы по своему положению в синтагматической цепи. В то же время глухость начальных носовых и плавных отождествляется с фонемой /h/, и,

ландские смычные более или менее глухие, хотя они могут частично озвончаться, особенно непридыхательные в звонком окружении.⁴

Поскольку в положении релевантности исландские придыхательные всегда сильные, а непридыхательные всегда слабые, может возникнуть вопрос, не является ли их различительным признаком сила (или придыхание и сила вместе). Но на это следует ответить: 1) придыхание — более явственное свойство, чем сила; 2) придыхание — свойство, физиологически более отделимое от других свойств, чем сила (глухие придыхательные и в других языках всегда сильные, но глухие сильные не всегда придыхательные); 3) в положении нейтрализации в исландском языке всегда непридыхательный (где нет различия, не нужно и того, что различает, т. е. придыхания), но либо слабый, либо сильный. Сила, очевидно, могла бы быть различительным признаком, если бы ее не сопровождало придыхание (как в швейцарском немецком, где фонетически тоже все смычные глухие).

Непридыхательные смычные бывают в исландском долгими или краткими. Но поскольку, как правило, долгому непридыхательному предшествует краткий гласный, а краткому непридыхательному — долгий гласный, долгота этих смычных обусловлена их положением в слоге. Она не может считаться их различительным признаком. Противопоставляются не долгие и

таким образом, функционально тождественное истолковывается то как фонема (глухость начальных носовых и плавных), то как различительный признак последующей фонемы (глухость поствокальных носовых и плавных). Против того, что преаспирация — часть смычного, можно привести, в частности, следующие доводы: она связана артикуляционно не со смычными, а с предшествующим гласным (иногда ее и определяют как глухой гласный); она явно относится к предшествующему слогу /*pa-ha-ga*/, а не /*pa-hga*/; она может следовать только за кратким гласным, но никогда не за долгим, между тем в исландском языке краткий гласный не может предшествовать простому согласному. Более согласующимся с фактами представляется толкование Мейлона, согласно которому глухость носовых и плавных — это во всех случаях то, что отличает их от соответствующих звонких, т. е. их различительный признак.

⁴ Фонетические описания исландских смычных есть в следующих работах: H. B. Goodwin. *Det moderna isländska ljudsystemet*. «Svenska landsmål ock svenskt folkliiv», 1905, стр. 99—118; Его же. *Utkast till systematisk framställning av det moderna isländska uttalet*. «Svenska landsmål ock svenskt folkliiv», 1908, стр. 77—115; Valtýr Guðmundsson. *Isländsk Grammatik*. København, 1922; Jón Ófeiggsson. *Træk af moderne isländsk Lydlære*. В кн.: S. Blöndal. *Isländsk-dansk Ordbog*. Reykjavík, 1920—1924, стр. XVI—XXVII; K. Malone. *The Phonology of Modern Icelandic*. Menasha, 1923; Stefán Einarsson. *Beiträge zur Phonetik der Isländschen Sprache*. Oslo, 1927; Его же. *A Specimen of Southern Icelandic Speech*. «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 2. kl., 1930», 2, 1931, стр. 29; Sveinbjörn Sveinbjörnsson. *Icelandic Phonetics*. «Acta jutlandica», 5, Supplementum, 1933; B. Kress. *Die Laute des modernen Isländischen*. Leipzig, 1937; Björn Guðfinnsson. *Mállýzkur, 1*. Reykjavík, 1946; Stefán Einarsson. *Icelandic*. Baltimore, 1949; Árni Böðvarsson. *Hljóðfræði*. Reykjavík, 1953.

краткие согласные, а слоги с различным распределением долготы между гласным и согласным.⁵ Например: *slapa* /sla:ba/ 'свисать' и *slabba* /slab:a/ 'шлепать по грязи', *gata* /ga:da/ 'улица' и *gadda* /gad:a/ 'прикалывать', *vaka* /va:ga/ 'бдение' и *vagga* /vag:a/ 'колыбель', *skekja* /sg'e:g'a/ 'трясти' и *skeggja* /sg'eg':a/ род. мн. ч. от 'борода'.

Придыхательные же встречаются только в начале слова, и, следовательно, придыхательные и непридыхательные противопоставляются только в начале слова. Например: *panna* /pan:a/ 'сковорода' и *banna* /ban:a/ 'запрещать', *tala* /ta:la/ 'речь' и *dala* /da:la/ 'падать', *káfa* /kau:va/ 'шарить' и *gáfa* /gau:va/ 'дар', *kjá* /k'au:/ 'ласкаться' и *gjá* /g'au:/ 'ущелье'. В остальных положениях это противопоставление нейтрализуется. Именно в этих случаях значительно расхождение между произношением и написанием: в то время как в начале слова непридыхательные всегда обозначаются буквами *b, d, g*, в середине слова они в ряде случаев передаются буквами *p, t, k* (например: *tara* /ta:ba/ 'терять', *spara* /sba:ra/ 'экономить', *hespa* /hesba/ 'моток пряжи', *ulpa* /ulba/ 'куртка на меху'), а в некоторых случаях еще иначе (например: *afli* /abli/ 'сила', *karpi* /kahbi/ 'репой', *kalla* /kadla/ 'звать', *seinna* /seidna/ 'позднее').

Неразличие придыхательных и непридыхательных реализуется всегда в непридыхательном. По данным фонетических описаний, после долгого гласного (например, в *tara* /ta:ba/), после краткого гласного (например, в *afli* /abli/, *kalla* /kadla/, *seinna* /seidna/), после начального *s* (например, в *spara* /sba:ra/) и после сонорного согласного (например, в *volgra* /volgra/ 'нагревать') различие реализуется в непридыхательном слабом; в других случаях после глухого согласного (например, в *hespa* /hesba/, *ulpa* /ulba/, *karpi* /kahbi/) — то ли в непридыхательном сильном, то ли в непридыхательном слабом.

В конце слова перед паузой смычный обычно с придыханием.⁶ Это как будто противоречит тому, что, как было сказано выше, различие придыхательных и непридыхательных реализуется всегда в непридыхательном. Но дело в том, что это придыхание исчезает, если за данным словом непосредственно следует другое. Оно, следовательно, не имеет фонологического значения. По словам Есперсена, во французском языке, где вообще нет придыхательных смычных, в конце слова [p t k] имеют придыхание.⁷ В датском языке придыхание в конце слова перед паузой обычно не только после смычных, но и после щелевых [l v ð q], а также кратких гласных, между тем придыха-

⁵ К. Malone. Long and Short in Icelandic Phonemics. «Language», 29, 1953, 1, стр. 62; Е. Haugen. The Phonemics..., стр. 62.

⁶ Á. Böðvarsson. Hljóðfræði, стр. 65; S. Einarsson. Icelandic, стр. 24.

⁷ O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik. Leipzig und Bern, 1938, стр. 106.

тельные и непридыхательные смычные различаются там, как в исландском, только в начале слова.⁸

Таковы смычные согласные на юге и западе Исландии. Такое произношение смычных называется по-исландски *linmæli*, т. е. «мягкое» произношение. На севере и востоке страны господствует *hardmæli*, т. е. «твердое» произношение. Оно отличается от «мягкого» произношения только тем, что в нем после долгого гласного смычный всегда придыхательный (например: *tara* /ta:pa/, *gata* /ga:ta/, *vaka* /va:ka/, *skekja* /sg'e:k'a/), а после /l n m/ может быть как непридыхательный, так и придыхательный (например, *henta* /henta/, но *henda* /henda/).

На первый взгляд, различие это как будто невелико. Но, с фонологической точки зрения, оно существенно. Если после сонорного согласного возможен как придыхательный смычный, так и непридыхательный, то, значит, в этом положении нет нейтрализации. С другой стороны, если после долгого гласного смычный придыхательный, то, значит, и в этом положении нет нейтрализации: придыхательный (краткий, поскольку ему предшествует долгий гласный) противопоставляется непридыхательному (долгому, поскольку ему предшествует краткий гласный). Например, *slapa* [sla:pa] и *slabba* [slab:a]. «Мягкое» произношение в современной Исландии вытесняет «твердое» произношение, причем в пограничной зоне, где представлены переходные случаи, губно-губной смычный несколько опережает переднеязычный, а тот, в свою очередь, опережает непалатализованный заднеязычный и еще больше палатализованный заднеязычный.⁹ Считается поэтому, что «твердое» произношение древнее «слабого» произношения. Верно ли это, будет видно ниже.

Установить инвентарь смычных фонем в древнеисландском не представляет труда. Различались, очевидно, четыре серии /p t k b d g p: t: k: b: d: g:/.¹⁰ Члены первых двух серий противопоставлялись только в начале слова и после носовых (/t—d/ также после /l/, а /k—g/ также после гласных и плавных), а члены первой и третьей, первой и четвертой и т. д. — только после гласных.

Что касается самого содержания противопоставления /p—b t—d k—g/, то установить его труднее. Правда, авторы древнеисландских грамматик не сомневаются в том, что /p t k/ были глухими, а /b d g/ — звонкими.¹¹ Но такое понима-

⁸ A. Martinet. La phonologie du mot en danois. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», 38, 1937, 2, стр. 195—196.

⁹ См. стр. 86.

¹⁰ Вопрос о том, были ли палатализованные заднеязычные фонемами уже в древнеисландском, остается открытым. Он требует специального исследования.

¹¹ См., например: W. Krause. Abriss der Altwestnordischen Grammatik. Halle, 1948, стр. 51; A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1923, стр. 160.

ние данного противопоставления основывается только на несинхронных фактах, а именно на происхождении этих фонем из прагерманских /p t k/ и /b d g/ и их соответствиях в тех германских языках, в которых не было второго передвижения согласных. Поэтому, хотя вполне вероятно, что фонемы, из которых развились древнеисландские /p t k/ и /b d g/, в свое время противопоставлялись как глухие звонким, надо найти доказательство того, что это противопоставление в древнеисландском еще сохранялось. И такое доказательство действительно есть.

Несомненно, что если /p t k/ и /b d g/ противопоставлялись как глухие звонким, то глухие обозначались буквами p, t, k, а звонкие — буквами b, d, g. Всего вероятнее, что при таком противопоставлении в положении нейтрализации должны были оказаться глухие, т. е. /p t k/. В самом деле, во всех случаях, где противопоставление /p—b t—d k—g/ нейтрализовано (т. е. почти всюду в середине или конце слова), находим /p t k/, а не /b d g/. При этом в положении нейтрализации находим не только исконные /p t k/, но и /p t k/, сменившие /b d g/ в результате того, что эти /b d g/ попали в положение нейтрализации (ср. написания *Aspiannar* вместо *Asbiarnar*, *Astís* вместо *Ásdís* и т. п.¹² Характерно также, что, когда в результате ассимиляции /nt>tt nk>kk mp>pp/ в положении нейтрализации (после носовых) оказались /b d g/, то эта нейтрализация была вскоре снова устранена (ср.: др.-исл. *blind* от *blindr* 'слепой', *gankt* от *rangr* 'неправильный', и т. п.).

Что касается фонетической природы древнеисландских глухих смычных, то наиболее вероятно, что в предударном положении (т. е. в начале ударного слога) они уже в праскандинавском и даже в прагерманском были придыхательными, а в других положениях — непридыхательными или во всяком случае более слабо придыхательными.¹³ Однако это доказывается обычно несинхронными фактами, а именно тем, что таковы предударные /p t k/ в современных германских языках. Отсутствие придыхания в финляндском шведском объясняется влиянием финского языка, в котором соответствующие смычные всегда непридыхательные. Отсутствие придыхания в голландских /p t k/ обычно объясняется романским влиянием. В тех же языках, в которых было второе передвижение согласных, т. е. в датском и верхненемецком, сами факты второго передвижения согласных (различная трактовка /p t k/ в предударном и других положениях) указывают на то, что эти смычные уже ко вре-

¹² A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 182.

¹³ См.: H. Lindroth. *Några anmärkingar om tenues i urgermanskan*. В кн.: *Festskrift til H. Falk*. Oslo, 1927, стр. 227—244, — где подробно приводятся все доказательства этого. Обзор литературы по этому вопросу см.: W. Streitberg, V. Michels und M. N. Jellinek. *Die Erforschung der indogermanischen Sprachen*, 2, Germanisch. Berlin, 1936, стр. 260—281; H. Abraham s. *Les tendances évolutives des occlusives germaniques*. Aarhus, 1949, стр. 44—58.

мени второго передвижения согласных были в предударном положении не такими, как в других положениях, т. е., очевидно, придыхательными.

Фонетическое различие между прагерманскими глухими смычными в предударном и других положениях доказывается иногда трактовкой глухих смычных в древнейших германских заимствованиях в финском языке. Эти факты, однако, допускают различное истолкование.

Есть, впрочем, и синхронные факты, указывающие на то, что /p t k/ были придыхательными в предударном и непридыхательными в других положениях. Как показал К. Маштрандер,¹⁴ древнорвежские долгие [p t k] и [b d g] (точнее западноскандинавские, поскольку речь идет о языке выходцев из Норвегии на «Западе», т. е. в том числе и в Исландии) передавались в ирландском посредством тех же букв, но простые [p t k], за исключением начала слова (т. е. предударного положения) и некоторых сочетаний согласных, передавались в ирландском посредством букв b, d, g. Например, Agonn < Hákon. С другой стороны, ирландские [p t k] передавались в древнорвежском посредством p, t, k, но ирландские [b d g] передавались в древнорвежском в середине слова посредством букв p, t, k. Например, Kiartan < Ceardán. Древнорвежские [p t k], включает Маштрандер, потому передавались в середине слова посредством букв b, d, g в ирландском, что и норвежские [p t k] в середине слова, и ирландские [b d g] были непридыхательными; напротив, древнорвежские [p t k] в середине слова, будучи непридыхательными, не могли ассоциироваться с ирландскими [p t k], которые по сегодняшней день и в середине слова сильно придыхательные.

Но если, таким образом, глухие смычные были в том положении, в котором они всего чаще противопоставлялись звонким, фонетически придыхательными, то естественно предположить, что и звонкие смычные (как это имеет место во всех современных германских языках, в которых предударные глухие — придыхательные, т. е. в английском, норвежском, шведском, нижнемецком) были в соответствующем положении не чистыми звонкими, а звонкими с тенденцией к частичному оглушению или полувзвонками.¹⁵

Никаких следов современного деления на области «слабого» и «сильного» произношения в древнеисландском нет.

Сопоставляя данные о современных и древнеисландских смычных, можно сделать следующие выводы.

1. Основное фонологическое изменение, которое претерпели исландские смычные, заключалось в том, что призна-

¹⁴ C. J. S. Marstrander. Okklusiver og substrater. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 5, 1932, стр. 258—314.

¹⁵ См.: O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik, стр. 108; ср. также: A. Martinet. Économie des changements phonétiques. Berne, 1955, стр. 182.

ком, различающим члены двух серий смычных (/p--b t--d/ и т. д.), стало придыхание, тогда как раньше таким признаком была звонкость. Иначе говоря, в смычных произошла фонологизация придыхания с одновременной дефонологизацией звонкости. Это фонологическое изменение сопровождалось в фонетическом плане только тем, что произошло более или менее полное оглушение непридыхательных смычных. Что же касается придыхательных смычных, то, поскольку они и раньше были придыхательными, они в сущности не претерпели никакого фонетического изменения.

2. Долгие и краткие смычные перестали противопоставляться друг другу сами по себе (но это изменение коснулось всех согласных и гласных и здесь не будет рассматриваться).

Остальные изменения смычных, очевидно позднейшие, не были общеисландскими.

3. На юге и западе Исландии сохранилось неразличение членов двух рядов смычных всюду в середине слова и было устранено их различение после носового, а в фонетическом плане в ряде положений (в частности, после долгого гласного) произошло «ослабление» глухого смычного: из глухого сильного он превратился в глухой слабый, оставаясь непридыхательным.

4. На севере и востоке Исландии, наоборот, сохранилось различение членов двух рядов смычных после /l p m/ и было устранено их неразличение после долгого гласного, в других же положениях их неразличение было сохранено, а в фонетическом плане глухой смычный в положении после /l p m/ и после долгого гласного из глухого непридыхательного стал придыхательным, оставаясь сильным, т. е. произошло его «усиление», в других же положениях (где неразличение было сохранено) он стал глухим слабым, оставаясь непридыхательным, т. е. произошло его «ослабление».

Таким образом, «твердое» произношение, вопреки принятому в Исландии взгляду, отошло от древнеисландского и в фонологическом, и в фонетическом плане во всяком случае не меньше «мягкого» произношения.

Многие различные корреляции согласных известны. Поэтому теоретически возможны многие различные передвижения согласных. Однако утверждать, что любая корреляция согласных может перейти в любую другую корреляцию согласных, было бы, безусловно, ошибочным. Корреляции согласных проявляют различные степени родства и могут быть разделены на группы родственных корреляций.¹⁶ Консонантные корреляции, которым свойственно сменять друг друга, находятся в особенно близком родстве. Такими особенно близкими друг к другу корреляциями являются прежде всего так называемые модальные корреляции второй степени,¹⁷ т. е. корреляции напряженности, интен-

¹⁶ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 96.

¹⁷ Там же, стр. 172.

сивности, звонкости, придыхания и т. д. Эти корреляции нередко трудно отличимы друг от друга.¹⁸ Естественно поэтому, что и самый процесс смены таких корреляций подразумевает ряд трудно определенных промежуточных ступеней и может датироваться только очень приблизительно. Датировка передвижений согласных, которая заключается в смене корреляции звонкости корреляций придыхания, осложняется еще и тем, что такие передвижения, как правило, не находят никакого отражения в письме. Глухие смычные, превращаясь в придыхательные, продолжают обозначаться буквами *p, t, k*, а звонкие смычные, превращаясь в непридыхательные, продолжают обозначаться буквами *b, d, g*. Тем не менее превращение корреляции звонкости в корреляцию придыхания — это изменение состава различительных признаков, действующих в системе, т. е. самое крупное из всех возможных звуковых изменений.

Приблизиться к датировке рассматриваемой смены корреляций можно только путем установления ее связей с другими звуковыми изменениями, происшедшими в языке. Если «ослабление» смычных, о котором будет речь ниже, было следствием смены корреляции в смычных, то она произошла до «ослабления» смычных в исландском. Но в письме примеры «ослабления» смычных встречаются только ок. 1800 г.¹⁹ Если изменение в направлении ассимиляции смычного с предшествующим носовым или плавным было вызвано сменой корреляции в смычных,²⁰ то это позволяет установить последовательность названных изменений во времени. Если изменения /*gn*>*dn ll*>*dl*/ и т. п. были связаны со сменой корреляции,²¹ то она отодвигается еще дальше (древнейшие отражения в письме названных изменений относятся к XIV в.). Возможно также, что фонологизация придыхания была связана с возникновением преаспирации, история которой, впрочем, тоже почти неизвестна. Во всяком случае, преаспирация в сочетании /*hdp hdl*/ и т. д. должна была возникнуть не позднее переходов /*gn*>*dn ll*>*dl*/ и т. д., так как эти новые /*dn dl*/ не слились с сочетаниями /*hdp hdl*/.²² В моей более ранней работе я связывал фонологизацию приды-

¹⁸ Поскольку противопоставления этого типа не встречаются одновременно в одном и том же языке, было предложено рассматривать их как «комплементарные варианты одного и того же противопоставления, которое в силу его общего знаменателя может быть названо напряженным/ненапряженным» (R. Jakobson and M. Halle. *Fundamentals of Language* 'S.-Gravenhage, 1956, стр. 28). Но отсюда надо будет тогда сделать вывод, что различительные признаки всегда остаются самими собой. Не ясно, что это дает для понимания их истории.

¹⁹ B. Guðfinnsson. *Mállýzkur*, стр. 234.

²⁰ См. очерк «Возникновение шумных коррелятов носовых и плавных согласных фонем в исландском», особенно стр. 111.

²¹ См. очерк «Исландско-норвежские изменения согласных», особенно стр. 123.

²² Ср.: Hreinn Benediktsson. *Íslandsk språk*. В кн.: *Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid*, 7. Malmö, 1962, стр. 491.

хания в исландском со сдвигом количественных отношений в слоге.²³ Связь эта кажется мне теперь сомнительной.

Смена корреляции звонкости корреляцией придыхания произошла также в датском языке.²⁴ Эта смена корреляции была, несомненно, важнейшим изменением в истории датского языка. Она, в частности, обусловила полное отсутствие противопоставления по звонкости в датской фонологической системе, т. е. ту ее особенность, которую Мартине справедливо называл наиболее поразительной.²⁵ Однако историки датского языка, подобно андерсеновским персонажам, которые не видят того, что король голый, до сих пор закрывают глаза на то, что это изменение должно было когда-то произойти, и хотя им, конечно, известно, что в датском языке нет противопоставления глухих и звонких смычных, не ставят вопроса о том, когда и каким образом это противопоставление исчезло, и, трактуя прошлые периоды истории датского языка, всегда говорят только о «глухих» и «звонких» смычных. Дело, конечно, в том, что в письме отразилась не смена корреляций, а только «ослабление» смычных, которое по письменным памятникам датируется XII—XIII вв. (см. о нем ниже). Что же касается смены корреляции, то она не нашла никакого отражения в письме: буквы *p*, *t*, *k* обозначали как глухие смычные, так и придыхательные, а буквы *b*, *d*, *g* — как звонкие смычные, так и непридыхательные (фонетически — глухие). Именно поэтому в представлении историков датского языка датское передвижение согласных и ограничивается «ослаблением» смычных.

Есперсен (и за ним многие другие) утверждал, что в датском языке якобы происходит нечто аналогичное верхненемецкому передвижению согласных, поскольку датский придыхательный смычный /*t*/ похож на аффрикату [ts].²⁶ С фонологической точки зрения, эта аналогия ошибочна: в верхненемецком

²³ М. И. Стеблин-Каменский. Исландское передвижение согласных. «Скандинавский сборник», 2. Таллин, 1957, стр. 217.

²⁴ На то, что эта смена корреляции в смычных должна была быть основным моментом датского передвижения согласных, впервые указал Дидериксен (P. Diderichsen. Probleme der altdänischen Orthographie. «Acta philologica Scandinavica», 12, 1938, стр. 167—168; ср.: J. Kuryłowicz. Le sens des mutations consonantiques. «Lingua», 1, 1947, стр. 83). Правда, Р. Якобсон считает, что в датском противопоставляются «сильные» и «слабые» как смычные, так и щелевые (R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle. Preliminaries to Speech Analysis. Cambridge (Mass.), 1963, стр. 5), но, по-видимому, специфика датских различительных признаков в данном случае игнорируется с целью получить более универсальные признаки. Л. Ельмслев и П. Андерсен, напротив, утверждают, что в датском и придыхательные смычные и непридыхательные — всегда слабые и различаются только наличием и отсутствием придыхания (P. Andersen og L. Hjelmslev. Fonetik, særtryk af Nordisk lærebog for talepædagoger. København, 1961, стр. 251, 341). Ср. также: A. Martinet. La phonologie du mot..., стр. 195—196.

²⁵ A. Martinet. La phonologie du mot..., стр. 220.

²⁶ O. Jespersen. Lehrbuch der Phonetik, стр. 103; ср.: H. Abraham. Les tendances..., стр. 35.

есть корреляция аффрицирования, и аффрицированность там — коррелятивный признак; в датском аффрицированность — фонетическое явление, не имеющее фонологического значения и характерное только для одного согласного. Сопоставление верхненемецких аффрикат с датской аффрицированной аспиратой ошибочно и в другом отношении: оно подразумевает обязательность развития аффрикат из аспират. Фонфихт недавно показал, что такое развитие нигде не засвидетельствовано и в фонетическом отношении «крайне невероятно».²⁷ По-видимому, представление об обязательности такого развития — предрассудок, как и многое другое в фонетических объяснениях передвижений согласных.²⁸ Если бы в верхненемецком когда-либо существовала корреляция придыхания, то она либо должна была сохраниться, либо она должна была быть устранена в результате еще одной смены корреляции со всеми последствиями такой смены. Но в верхненемецком нигде нет корреляции придыхания, и все, что произошло с верхненемецкими смычными, легко истолковывается как следствия одной смены корреляции. С другой стороны, доказывать, что в результате верхненемецкого передвижения согласных установилась корреляция аффрицирования, едва ли нужно: корреляция эта и сейчас характерная особенность верхненемецких диалектов и немецкого литературного языка.

Поскольку аллофонное изменение обычно предшествует фонемному, надо полагать, что прежде чем придыхание стало различительным признаком, оно было характерно для смычных в определенных положениях, т. е. для определенных аллофонов этих смычных, а именно — для глухих смычных в начале ударного слога. Основной предпосылкой фонологизации придыхания было, очевидно, то, что уже в праскандинавском и даже в прагерманском глухие смычные в предударном положении, т. е. в положении, в котором они всего чаще противопоставлялись звонким, были фонетически придыхательными.²⁹ Поскольку звонким смычным противопоставлялись глухие, которые по своей фонетической природе были придыхательными, и поскольку физиологически отсутствие звонкости отделимо от придыхания, а отсутствие придыхания — от звонкости, то естественно, что такое отделение могло произойти.

Однако предпосылка есть все же только предпосылка. Фонологизация придыхания могла не произойти, несмотря на наличие указанной выше предпосылки. Так, фонологизация придыхания не произошла в ряде других германских языков несмотря

²⁷ F. Vonficht. Das Verhältnis der Affrikaten zu den Aspiraten in den indogermanischen Sprachen. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 11, 1958, 2/3, стр. 166—175.

²⁸ Фурке, например, считает обязательность такого развития общепринятой аксиомой (J. Fourquet. Die Nachwirkungen der ersten und zweiten Lautverschiebungen. «Zeitschrift für Mundartforschung», 22, 1954, 1, стр. 10).

²⁹ См. выше прим. 13.

на то, что, по-видимому, и там была эта предпосылка. И в дальнейшем эта предпосылка могла быть устранена. Действительно, во всех германских языках, в которых не было фонологизации придыхания и в которых, следовательно, сохранилось противопоставление смычных по звонкости (т. е. в английском, норвежском, шведском, нижненемецком, голландском), устранена нейтрализация этого противопоставления в середине и конце слова (или только в его середине) и притом уже давно, и, следовательно, в этих языках глухой и звонкий смычные противопоставляются далеко не только в предударном положении, т. е. далеко не только в том положении, где глухой смычный в то же время фонетически придыхательный. Поэтому можно сказать, что ни в одном из этих языков уже давно нет основной предпосылки для фонологизации придыхания, т. е. для передвижения согласных.

Если же считать, что в германских языках возникновение придыхания в глухих смычных было первой фазой так называемого второго передвижения согласных, его, так сказать, еще чисто фонетической фазой, то тогда, поскольку, всего вероятней, что эта фаза была общегерманской, надо признать, что второе передвижение согласных — это явление не только специфически германское, но и общегерманское, в противоположность так называемому первому германскому передвижению согласных, которое было в сущности не германским, а догерманским.

А если считать, что предударное положение вообще благоприятно для возникновения придыхания в глухом смычном, то тогда и само возникновение придыхания в германских глухих смычных объясняется в конечном счете тем, что в прагерманском глухие смычные противопоставлялись звонким в основном в предударном положении (поскольку германские соответствия индоевропейских *bh, *dh, *gh стали смычными, по-видимому, только в начале и после носовых, т. е. там, где была эксплозия, но не было имплозии).

Как корреляция, устраненная исландским передвижением согласных, так и корреляция, явившаяся ее результатом, — это нейтрализуемые корреляции, а члены соответствующих противопоставлений — это явно либо маркированные, либо немаркированные их члены. А именно: звонкие и придыхательные — это маркированные члены, а глухие и непридыхательные — это немаркированные. Смена корреляции заключалась, следовательно, в том, что в положении релевантности немаркированные члены, т. е. глухие, стали маркированными, т. е. придыхательными, тогда как маркированные члены, т. е. звонкие, стали немаркированными, т. е. непридыхательными. Первый процесс не означал никакого фонетического изменения, поскольку глухие в положении релевантности и раньше были придыхательными. Второй процесс был, очевидно, следствием, или обратной стороной, первого процесса, и этот второй процесс имел свою фонетическую

сторону: когда немаркированные члены превращались в маркированные, старые маркированные члены (которые, кстати сказать, встречались только в положении релевантности) больше не нуждались в том, что делало их маркированными, т. е. в их старом коррелятивном признаке, а именно — звонкости. Поэтому, по мере того как коррелятивным признаком смычных вместо звонкости становилось придыхание, звонкие смычные оглушались. Этим и объясняется, конечно, то, что все исландские смычные в большей или меньшей степени глухие.

То же самое должно было произойти в результате смены корреляции звонкости корреляцией придыхания в датском, что очевидно. Менее очевидно, но несомненно, что верхненемецкие глухие слабые /b d g/ — тоже непосредственный результат смены консонантной корреляции, но в этом случае — смены корреляции звонкости корреляцией аффрицирования. Поскольку с возникновением противопоставления аффрикаты смычному звонкость перестала быть различительным признаком в соответствующих коррелятивных парах, т. е. /pf—b ts—d kh—g/, бывшие звонкие /b d g/ в положении релевантности должны были оглушиться. Так возникли характерные для верхненемецких диалектов глухие слабые /b d g/, либо вообще не противопоставленные глухим сильным, либо противопоставленные глухим сильным там, где последние не стали аффрикатами.³⁰

Таковы были изменения, вызванные сменой консонантной корреляции в положении релевантности. Не менее важными были изменения, которые в результате смены корреляции произошли в положении нейтрализации. В сущности они были даже более интенсивными. На юге и западе Исландии они заключались в том, что всюду, кроме начала слова (т. е. во всех положениях, где два ряда смычных не противопоставлялись), произошло так называемое ослабление глухих смычных /p t k k'/ в непридыхательные /b d g g'/. Первые из них были немаркированными членами противопоставления по звонкости, вторые являются немаркированными членами противопоставления по придыханию. Таким образом, как до, так и после смены корреляции в положении нейтрализации допускался только немаркированный член противопоставления. При этом процесс смены одного немаркированного члена другим имел и свою фонетическую сторону. Правда, казалось бы (поскольку и раньше в положении нейтрализации фонологически глухие были фонетически непридыхательными), что фонологическое превращение глухих в придыхательные могло бы не сопровождаться никаким фонетическим изменением. Дело, однако, в том, что глухие смычные, вероятно, были в положении нейтрализации фонетически сильными, тогда как непридыхательные смычные в совре-

³⁰ О глухих слабых в верхненемецких диалектах см.: В. М. Жирмунский и И. Немецкая диалектология. М., 1956, стр. 306 и сл.

менном языке, как правило, фонетически слабые. Поэтому превращение глухого (сильного) в непридыхательный (слабый) было его «ослаблением». Это «ослабление» особенно заметно в поствокальном положении, например в *tara* /ta : ba/, *vaka* /va : ga/, *gata* /ga : da/.

Таким образом, выходит, что «ослабление» смычных было результатом последовательного проведения определенного типа нейтрализации. По Трубецкому, это тот тип нейтрализации, когда «выбор... представителя архифонемы обусловлен изнутри»,³¹ т. е. когда в положении нейтрализации возможен только немаркированный член противопоставления. Этот тип нейтрализации, по-видимому, очень распространен, и логически он кажется наиболее естественным: если члены противопоставления различаются наличием и отсутствием определенного признака, в положении неразличения не нужно того, чем они различаются, т. е. этого признака, и достаточно того, что есть у них обоих, т. е. их остальных признаков. Однако, по-видимому, проведение этого типа нейтрализации не всегда возможно. Во всяком случае, известны и другие типы нейтрализации.³² В частности, в других германских языках в корреляциях смычных можно обнаружить другие типы нейтрализации, о чем будет речь ниже.

Разумеется, «ослабление» глухих смычных происходит только в том случае, если данное положение остается положением нейтрализации или становится им. На севере и востоке Исландии после /l p m/ две серии смычных продолжают различаться, а после долгого гласного устраняется их неразличение. Поэтому в таких положениях происходит «усиление» глухих смычных: из глухих непридыхательных они становятся глухими придыхательными, оставаясь сильными. В положениях же, где две серии смычных нейтрализуются, на севере и востоке Исландии тоже происходит «ослабление» глухих смычных. Таким образом, два различных пути развития оказываются возможными для бывших непридыхательных глухих смычных в зависимости от того, нейтрализуется ли противопоставление придыхательных и непридыхательных в данном положении или нет. «Ослабление» и «усиление» глухих смычных это, таким образом, в одинаковой мере результат смены корреляции звонкости корреляцией придыхания, а вовсе не проявление двух противоположных фонетических тенденций. Впрочем, и так, конечно, очевидно, что объяснение передвижений согласных той или иной фонетической тенденцией (тенденцией к «ослаблению», «усилению» и т. п.) — это порочный круг. Почему происходит данное передвижение согласных? Потому, что имеет место «ослабление» (или «усиление» и т. д.). А почему имеет место «ослабление»? Потому что происходит данное передвижение согласных.

³¹ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии, стр. 90.

³² Там же, стр. 88 и сл.

«Ослабление» глухих смычных произошло и в датском языке. После гласных, т. е. в положении нейтрализации, бывшие глухие смычные /p t k/ превратились в непридыхательные смычные /b d g/ и позднее в звонкие щелевые. Очевидно, что здесь, так же как и в исландском, в положении нейтрализации произошла замена старого немаркированного члена (т. е. глухого) новым (т. е. непридыхательным). Но в отличие от исландского в датском языке в силу вокализации старых звонких щелевых, т. е. их превращения в сонанты [w j] или исчезновения, у фонем /b d g/ могли появиться звонкие щелевые аллофоны, т. е. могло произойти дальнейшее «ослабление» непридыхательных смычных. Новые звонкие щелевые оставались аллофонами непридыхательных до тех пор, пока не произошло (в XIV в.) сокращение смычных геминат. Только в результате этого сокращения новые звонкие щелевые оказались противопоставленными непридыхательным смычным в поствокальном положении и произошла фонологизация этих звонких щелевых. Частичное восстановление смычных под влиянием орфографии затемнило общую картину. Однако до сих пор в датском языке сохранились следы того, что звонкие щелевые были аллофонами непридыхательных смычных: до сих пор буквы d, g обозначают как непридыхательные смычные, так и звонкие щелевые, и в ряде случаев для фонем /b d g/ смычное произношение как бы не ограничено от щелевого.³³

«Ослабление» поствокальных глухих смычных произошло в датском языке еще в XII—XIII вв.³⁴ Несколько позднее, в XIII или XIV вв., оно произошло также кое-где на юго-западе Норвегии (фюльки Рогаланн, Вест-Агдер и Эуст-Агдер).³⁵ В Исландии оно, по-видимому, произошло еще позднее. Традиционная исландская орфография никак его не отражает. Следы его встречаются только в неграмотном написании и не раньше XVIII в.³⁶ Однако Хегста приводит случай «ослабления» глухих смычных в исландском от XV в.³⁷ Аналогичное «ослабление» глухих смычных произошло также кое-где в Трённелаге (вокруг Тронхеймсфьорда) и Хельголанде, на юге Швеции (провинции Сконе, запад Блекинге, Халланд и Бохуслен), на Орк-

³³ См.: A. Martinet. *La phonologie du mot...*, стр. 205—206; P. Andersen og L. Hjelmslev. *Fonetik...*, стр. 343—344.

³⁴ P. Skautrup. *Det danske sprogs historie*, I. København, 1944, стр. 229. — Скаутруп ставит датское «ослабление» смычных в связь со сдвигом ударения, обусловленным редукцией безударных гласных (ук. соч., стр. 288; ср.: D. A. Seip. *Om overgangen p, t, k > b, d, g i dansk og Verners lov. Studier i norsk språkhistorie*. Oslo, 1934, стр. 186—191). Это генетическое объяснение «ослабления» смычных легко опровергается тем, что в Исландии, где тоже произошло «ослабление» смычных, никакой редукции безударных гласных и никакого сдвига ударения никогда не было.

³⁵ D. A. Seip. *Norsk språkhistorie...*, стр. 182 и 297.

³⁶ B. Guðfinsson. *Mállýzkur*, стр. 234, прим.

³⁷ M. Hægstad. *Vestnorske maalføre fyre 1350. «Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 2. kl., 1941», 1, 1942, стр. 110.*

нейских, Шетландских и Фарерских островах и спорадически в шведских диалектах Эстонии.³⁸ Я заключаю, что во всех этих областях Скандинавии «ослабление» смычных тоже было результатом происшедшей раньше смены корреляции звонкости корреляцией придыхания. Следы этой смены кое-где сохранились.³⁹ Территория, на которой произошло это скандинавское передвижение согласных, никогда не образовывало никакого политического, экономического или культурного целого и даже географически не связано в одно целое (особенно характерны «островки» в центральной и северной Норвегии и Эстонии). Если учесть при этом, что в разных областях этой огромной территории смена корреляции происходила (судя по тому, как датируется «ослабление» глухих смычных) в разные эпохи, то естественно сделать вывод, что она была результатом параллельного развития из тех же исходных позиций. Во всяком случае проникновение передвижения согласных в Исландию извне, т. е., очевидно, скорее всего из Дании (колонией которой Исландия была с конца XIV в.), представляется невероятным еще и потому, что даже в эпоху наибольшего датского засилья (в XVII—XVIII вв.) влияние датского языка не могло выйти за рамки письменного языка и сказаться в чем-либо, кроме некоторого количества лексических и синтаксических заимствований, поскольку и в эту эпоху в Исландии не было никакого датского населения, помимо количественно ничтожной датской чиновничьей верхушки.

Интересно, что в верхненемецком передвижении согласных наиболее интенсивное изменение тоже произошло в положении нейтрализации нового противопоставления (т. е. в данном случае противопоставления по аффрицированию), но здесь имел место другой случай нейтрализации, а именно тот, когда «представитель архифонемы не совпадает ни с одним из членов нейтрализуемой оппозиции» или когда «архифонема представлена звуком, промежуточным между обоими членами оппозиции».⁴⁰ Как известно, аффрикаты развились в древненемецком только в начале слова, в удвоении и перед согласными. Это несомненно объясняется тем, что только в этих положениях глухие смычные /p t k/ были противопоставлены смычным аллофонам фонем /b d g/ (как принято полагать, только в этих положениях прагерманские, а следовательно, и доверхненемецкие /b d g/ были представлены смычными аллофонами, тогда как во всех других положениях они были представлены щеле-

³⁸ J. Brøndum-Nielsen. *Dialekter og Dialektforskning*. København, 1927, стр. 76—77; ср.: C. J. S. Marstrand. *Okklusiver og substrater*, стр. 287 и сл.

³⁹ См. очерк «Исландско-норвежские изменения согласных», особенно стр. 123—124.

⁴⁰ Н. С. Трубцкой. *Основы фонологии*, стр. 88 и 89.

выми аллофонами). Очевидно, что только в таких положениях могло развиваться противопоставление аффрикаты смычному. Поэтому положения эти были положениями релевантности для новой корреляции. Напротив, там, где глухие смычные были противопоставлены щелевым аллофонам фонем /b d g/, не могло развиваться противопоставления аффрикаты смычному. В этом положении поэтому противопоставление аффрикаты смычному было нейтрализовано. Сильные глухие щелевые, сменившие в этом положении глухие смычные /p t k/, были первоначально звуками, промежуточными между двумя членами противопоставления, т. е. между аффрикатой и смычным. Позднее, когда развилась корреляция геминации, но еще в дописьменную эпоху, эти сильные щелевые включились в новую корреляцию как щелевые геминаты /ff ss hh/.

Между тем в противоположность всем более поздним германским передвижениям согласных общегерманское передвижение согласных не было наиболее интенсивным в положении нейтрализации, и здесь имел место тот тип нейтрализации, когда «выбор представителя архифонемы обусловлен извне»,⁴¹ т. е. когда он определяется только свойствами самого этого положения, процессами ассимиляции или диссимиляции. Положения нейтрализации — это как раз те положения, на которые падают все так называемые исключения из общегерманского передвижения согласных (смычные в сочетаниях /sp st sk ft ht/).⁴² Положения нейтрализации, характерные для общегерманского консонантизма и сравнительно редкие в нем, это, очевидно, положения, в которых представлен один или другой член противопоставления в зависимости от контекста: корреляция звонкости нейтрализуется в пользу глухого рядом с глухим в результате ассимиляции, а корреляция смычности нейтрализуется в пользу щелевого перед смычным и в пользу смычного после щелевого в результате диссимиляции. Нейтрализация глухих и звонких щелевых в пользу звонкого, по закону Вернера, по своему происхождению, очевидно, тоже является своего рода ассимиляцией. Однако, если верно традиционное толкование общегерманского передвижения согласных, оно отличалось от всех более поздних германских передвижений согласных и рядом других существенных особенностей: 1) оно было сменой не одной, а по меньшей мере двух корреляций (противопоставление по звонкости /t—d/ сменилось противопоставлением по смычности /p—t/, а противопоставление по придыханию /d—dh/ сменилось противопоставлением по звонкости t—d); 2) оно не привело к устранению корреляции по звонкости (при переходе /t—d/ > /p—t/ звонкость была устранена, но при перехо-

⁴¹ Там же, стр. 89.

⁴² Об общегерманских нейтрализациях противоположений по смычности и по звонкости см. особенно: В. Трнка. *Fonologický vývoj ie. explosiv v starých jazycích germánských*. «Casopis pro moderní filologii», 21, 1934, стр. 46.

де /d—dh/>/t—d/ она появилась вновь, между тем все более поздние германские передвижения согласных проводили к полному устранению корреляции по звонкости в смычных); 3) оно заключалось в превращении немаркированных членов старых противопоставлений в немаркированные члены новых противопоставлений, а маркированных членов старых противопоставлений в маркированные члены новых противопоставлений (немаркированный по звонкости /t/ стал немаркированным по смычности /p/, а маркированный по придыханию /dh/ стал маркированным по звонкости /d/ и т. д.).⁴³

Таким образом, с фонологической точки зрения, общим для всех германских передвижений согласных было, по-видимому, только то, что в результате смены корреляции в положении нейтрализации происходили те или иные фонетические изменения, определяемые типом нейтрализации, характерным для данного противопоставления в данный период.

⁴³ Уже это делает крайне сомнительным предложенное Куриловичем единое фонологическое объяснение всех германских передвижений согласных (J. Kuryłowicz. *Le sens des mutations consonantiques*). Насколько можно понять Куриловича, причина передвижений согласных заключается в том, что в положении нейтрализации немаркированный член вдруг почему-то отождествляется с маркированным, применение маркированного тем самым расширяется, и это автоматически превращает его в немаркированный, и наоборот. В этой остроумной теории, по-видимому, все поставлено на голову. То, что происходит в положении нейтрализации при передвижении согласных — это следствие смены корреляции, а не ее причина. Характер нейтрализации определяется характером противопоставления, а не наоборот. Несостоятельность теории Куриловича, впрочем, уже была показана (см.: E. Buisson. *Les mutations consonantiques vues par Kuryłowicz*. «Lingua», 8, 1958, стр. 421—427).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ШУМНЫХ КОРРЕЛЯТОВ НОСОВЫХ И ПЛАВНЫХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В ИСЛАНДСКОМ

В исландском языке все носовые и плавные согласные, или все полусогласные, как их называет Дит,¹ т. е. фонемы /m n l r/, превратились в соответствующие шумные, т. е. фонемы /m̥ n̥ l̥ r̥/, перед смычными, которые в древнеисландском были глухими, тогда как перед смычными, которые в древнеисландском были звонкими, этого изменения не произошло. В современном исландском языке смычные различаются не как глухие и звонкие (они все глухие), а как придыхательные /p t k k'/ и непридыхательные /b d g g'/, и в данном положении они все непридыхательные.² Таким образом образовались следующие пары слов, орфография которых, по-видимому, когда-то была фонематична: *kamprug* /kambʏr/ 'борода' и *kambur* /kambʏr/ 'гребенка', *henta* /henda/ 'годиться' и *henda* /henda/ 'схватить', *banka* /baunga/ 'бить' и *banga* /baunga/ 'мастерить', *milti* /mildi/ 'селезенка' и *mildi* /mildi/ 'милость', *orga* /orga/ 'мочь' и *orga* /orga/ 'выть'.

Аналогичное изменение произошло, по-видимому, и в фарерском языке.³ Но фарерский материал я не буду рассматривать.

Исландские фонетисты утверждают, что смычный после глухого согласного непридыхательный глухой и скорее сильный, тогда как после звонкого согласного он непридыхательный глухой и скорее слабый.⁴ Однако поскольку в современных исланд-

¹ E. Dieth. *Vademekum der Phonetik*. Bern, 1950, стр. 172.

² Библиографию описаний исландских смычных см. на стр. 92, прим. 4.

³ W. B. Lockwood. *An Introduction to Modern Faroese*. København, 1955, стр. 18 и сл.

⁴ Jón Ófeigsson. *Træk af moderne islandsk Lydlære*. В кн.: S. Blöndal. *Islandsk-dansk Ordbog*. Reykjavík, 1920—1924, стр. XVI; Stefán Einarsson. *Icelandic*. Baltimore, 1949, стр. 23; Arni Böðvarsson *Hljóðfræði*. Reykjavík, 1953, стр. 59 и 62.

ских смычных имеет место корреляция придыхания, а не корреляция силы или голоса, как это ясно следует из фонетических описаний и признается всеми, кто рассматривал исландские смычные с фонологической точки зрения,⁵ то это различие иррелевантно. И действительно, для исландцев нефонетистов это различие совершенно незаметно, тогда как различие между /m p l g/ и соответствующими шумными для них всегда заметно.

На севере Исландии оглушения носовых и плавных в данном положении, как правило, не произошло,⁶ и там в соответствующих парах противопоставлены смычные, а не сонорные соответствующим шумным (и, следовательно, там традиционная орфография до сих пор фонематична в данном случае): *kaupug* /kaupʊg/ и *kambug* /kambʊg/ и т. д. Это, впрочем, не касается /g/ и /r/, которые на севере распределяются так же, как на юге, и только частично касается /l/ и /ll/, распределение которых на севере в ряде случаев регулируется морфологической аналогией.⁷ Например, *holt* /holt/ 'холм' и *holt* /holt/, ср. род от *holur* 'пустой'.

Эйнарсон возводит эти северноисландские /l/ и /ll/ к разным древнеисландским звукам — дентальному l (перед t) и какуминальному l (перед p и k),⁸ существование которых предполагал А. Нурен.⁹ Но из фактов можно сделать и фонематический вывод: древнеисландские разные [l] не встречались в тождественных положениях и, следовательно, были аллофонами одной фонемы, между тем как современные исландские /l/ и /ll/, будучи четко противопоставленными фонемами, могут попасть в тождественные положения в результате действия аналогии.

Как и когда произошло оглушение носовых и плавных перед смычными в исландском языке?

С фонематической точки зрения, существенно, было ли это оглушение возникновением новых фонем или только изменением в распределении фонем, уже существовавших раньше.

Согласный [m] в других положениях никогда не был противопоставлен в исландском соответствующему сонорному и, следовательно, был бы аллофоном этого сонорного, если бы не

⁵ См., кроме работ, приведенных на стр. 91, также: E. Dieth. *Vademecum der Phonetik*, стр. 362.

⁶ J. Ófeigsson. *Træk af moderne...*, стр. XXVII; Stefán Einarsson. *On Some Points of Icelandic Dialectal Pronunciation*. «Acta philologica scandinavica», 3, 1928—1929, стр. 264 и сл.; B. Kress. *Die Laute des modernen Isländischen*. Leipzig, 1937, стр. 171; Björn Guðfinnsson. *Breytingar á framburði og stafsetningu*. Reykjavík, 1947, стр. 19; A. Böðvarsson. *Hljóðfræði*, стр. 62.

⁷ S. Einarsson. *On Some Points...*, стр. 267 и сл.

⁸ Там же, стр. 265; Е го же. *Beiträge zur Phonetik der Isländischen Sprache*. Oslo, 1927, стр. 36.

⁹ A. Noreen. *Altisländische und altnorwegische Grammatik*. Halle, 1923, стр. 42.

был противопоставлен ему в данном положении. Другими словами, фонема (*m*), несомненно, возникла именно в данном положении.

Что касается фонем */n l r/*, то они в современном исландском противопоставлены соответствующим сонорным еще и в другом положении, а именно в начале слова. Ср.: *njóta* */njou : da/* 'использовать' и *hnjóta* */njou : da/* 'спотыкаться', *laða* */la : þa/* 'приглашать' и *hláða* */la : þa/* 'нагружать', *gíða* */gi : þa/* 'ехать верхом' и *hríða* */ri : þa/* 'снежить'.

Однако в начале слова согласные *[n l r]* всегда обозначались соответствующими диграфами (*hn, hl, hr*), и поэтому история возникновения этих согласных из сочетаний сонорного с предшествующим глухим щелевым, существовавшим первоначально во всех германских языках в данном положении, совершенно неизвестна, и, в частности, неизвестно, возникли ли эти согласные в начале слова раньше, чем в середине слова, или наоборот. Впрочем, фонематический статус этих согласных в начале слова вообще менее ясен, чем в середине слова. В начале слова они имеют глухой приступ и звонкий отступ.¹⁰ Их глухой приступ имеет общее с согласным *[h]*, встречающимся в начале слова перед гласным. Поэтому, хотя большинство фонетистов считает их простыми согласными и соответственно транскрибирует их, некоторые авторы считают их сочетаниями согласных. Так, Эйнарссон транскрибирует их *[hn hl hr]* и, видимо, считает их сочетаниями согласных,¹¹ а Хауген толкует их как фонемные сочетания */hn hl hr/*.¹²

Вероятно, не случайно и то, что традиционное обозначение этих согласных диграфами всегда удовлетворяло исландцев. Между тем в середине слова перед смычными у этих согласных приступ не глухой, а звонкий, и отождествлять их глухой отступ с согласным *[h]* никто не пытался.

Все это заставляет полагать, что, даже если в начале слова шумные корреляты сонорных начали возникать раньше, чем в середине слова, оглушение носовых и плавных в середине слова перед смычными было по меньшей мере завершением процесса возникновения новых фонем.

Единственная попытка объяснить, как произошло оглушение носовых и плавных перед смычными в исландском, — это статья Ауртни Бёдварссона «Происхождение глухого произношения перед *p, t, k*».¹³ По Бёдварссону, оглушение в данном положении

¹⁰ S. Einarsson. Beiträge..., стр. 36 и сл.: В. Kress. Die Laute..., стр. 100, 120, 129 и 168.

¹¹ S. Einarsson. Icelandic, стр. 15.

¹² E. Haugen. The Phonemics of Modern Icelandic. «Language», 34, 1958, I, стр. 60.

¹³ Arni Böðvarsson. Uppruni óráddaðs framburðar á undan *p, t, k*. A góðu dægri, Afmæliskeðja til Sigurðar Nordals. Reykjavík, 1951, стр. 102; Его же. Hljóðfræði, стр. 122.

объясняется тем, что в современном исландском в сочетании двух согласных внутри слова первый, как показал Эйнарсон,¹⁴ имеет тенденцию быть более долгим, чем второй, и что поэтому глухие, которые по своей природе всегда более долгие, чем звонкие, приходят на смену звонким в данном положении.

Объяснение Бёдварссона, как, впрочем, всякое объяснение звукового изменения той или иной фонетической тенденцией, — это в лучшем случае объяснение того, как возникли соответствующие аллофоны. Но возникновение более или менее глухих аллофонов фонем /m n l r/ в данном положении едва ли нуждается в объяснении. Такие аллофоны обычно возникают в соседстве с глухими согласными, и в исландском они, вероятно, существовали еще в древности. Что нуждается в объяснении — так это возникновение фонем /m n l r/ в данном положении.

На одну из причин этого возникновения новых фонем, причину синтагматического порядка, указать нетрудно. Как справедливо отмечает Мартине, озвончение вызывается обычно только тем окружением, для которого голос имеет различительное значение, и, наоборот, оглушение вызывается обычно тем окружением, для которого отсутствие голоса имеет различительное значение.¹⁵ Поэтому дефонологизация голоса в смычных, которая произошла в исландском языке,¹⁶ должна была изменить направление ассимиляции в данном сочетании. Пока голос был различительным признаком в смычных, но не был различительным признаком в предшествующих носовых и плавных, происходила регрессивная ассимиляция носовых и плавных с глухими смычными, но когда голос перестал быть различительным признаком в смычных, такая ассимиляция должна была прекратиться, и глухие аллофоны носовых и плавных перестали быть обусловленными в данном положении, т. е. превратились из глухих аллофонов фонем /m n l r/ в фонемы /m n l r/. И наоборот, дефонологизация голоса у смычных и его фонологизация у носовых и плавных должны были создать условия для обратной, прогрессивной ассимиляции в сочетании носового или плавного со смычным. И действительно, экспериментальные данные показывают, что в современном южноисландском произношении смычные в положении после звонкого носового (и только в этом положении!) представлены звонкими аллофонами.¹⁷

Закон, формулирующий зависимость направления фонетической ассимиляции от фонологических условий и охватывающий

¹⁴ S. Einarsson. Beiträge., стр. 75 и сл.; Его же. A Specimen..., стр. 29.

¹⁵ A. Martinet. Economie des changements phonétiques. Berne, 1955, стр. 111 и 118.

¹⁶ См.: очерк «Исландское передвижение согласных», стр. 90.

¹⁷ S. Einarsson. A. Specimen..., стр. 18.

все возможные случаи ассимиляции, еще не сформулирован. Но, по-видимому, он в основном предугадан Граммоном в его «законе более сильного». ¹⁸ Только, вероятно, вместо «более сильный» надо бы сказать «функционально более важный».

Оглушение исландских носовых и плавных перед бывшими глухими смычными — это вместе с тем еще одно проявление закона, который можно было бы назвать «законом фонологической компенсации» и который заключается в том, что исчезновение одного различия компенсируется возникновением другого. И этот закон был хорошо известен еще Граммону. ¹⁹ В германских языках наиболее известным примером этого процесса является умляут.

Судьба исландских носовых и плавных, с одной стороны, и смычных — с другой, это также хороший пример того, насколько разным может быть фонологическое содержание того, что с чисто фонетической точки зрения можно назвать «оглушением»; оглушение исландских смычных — это дефонологизация голоса в них; оглушение исландских носовых и плавных — это фонологизация голоса в них; но на определенном этапе и в тех и других оглушение — это возникновение более или менее оглушенных аллофонов, а также смена звонких фонем глухими.

Выше было сказано, что дефонологизация голоса в смычных — это одна из причин рассматриваемого изменения носовых и плавных. В самом деле, нетрудно убедиться в том, что дефонологизация голоса в смычных отнюдь не во всяком языке влечет за собой рассматриваемое изменение и что, следовательно, данный факт мог стать причиной другого данного факта только при наличии еще каких-то фактов, т. е. еще каких-то причин. И то же самое можно сказать о любом другом факте, который приводится как причина звукового изменения. Никогда такой факт не является неизменным антецедентом другого факта, т. е. его единственной причиной. Впрочем, и в точных науках причина не понимается как неизменный антецедент. И там допускается множественность причин и их взаимозависимость, и там признается, что всякий причинный закон подвержен ограничениям. ²⁰ Разница между естественноисторическими и лингвистическими причинными законами, по-видимому, только в количестве этих ограничений и в возможности их математической формулировки.

Другой причиной данного звукового изменения, его причиной, так сказать, парадигматического порядка была, вероятно, общая тенденция развития системы исландских согласных.

Как уже было сказано выше, шумные корреляты фонем

¹⁸ M. Grammont. *Traité de phonétique*. Paris, 1933, стр. 185 и сл.

¹⁹ Там же, стр. 187 и сл.

²⁰ См., например: Б. Рассел. *Человеческое познание*. М., 1957, стр. 351.

/п l г/ возникли в исландском и в другом положении. В исландском развилось также противопоставление сонорного /j/ шумному /jʃ/.²¹ Ср.: jól /jou : l/ 'Йоль' и hjól /jou : l/ 'колесо'.

Таким образом, в исландском все сонорные коррелируют по голосу с соответствующими шумными, которые из них развились. Это коррелирование сонорных с шумными при неучастии шумных смычных в данной корреляции ведет к более тесной структурной связи между сонорными и шумными щелевыми, с одной стороны, и к изоляции шумных смычных среди остальных согласных—с другой. Любопытно, что в современном исландском можно обнаружить и некоторые другие проявления этой общей тенденции к более тесной структурной связи между сонорными и шумными щелевыми. Так, проявлением этой тенденции является, по-видимому, то, что параллельно развитию новых шумных из сонорных старые шумные щелевые /р χ/ приблизились по характеру своей артикуляции к сонорным. Дело в том, что, подобно сонорным, эти шумные щелевые обычно звонкие, если этому не препятствует окружение (но в начале слова они глухие). Непривычное ухо эти звонкие щелевые часто с трудом улавливает (особенно в середине слова, например в *voðalega* /vo : ʃaleχa/, 'ужасно'), что, видимо, объясняется более слабой воздушной струей, чем обычно при шумных щелевых. Как мне кажется, исландское /v/ тоже приближается в середине слова к сонорному, т. е. к губно-губному сонорному [w]. К сожалению, фонетисты до сих пор еще не исследовали эти особенности исландских звонких щелевых. Зато фонетисты уделили очень много внимания следующей особенности исландских носовых сонорных: исландские носовые сонорные приблизились к шумным щелевым в том отношении, что в положении перед щелевыми или плавными они имеют своими факультативными аллофонами соответствующие назализованные звонкие щелевые (например, в *dansa* [danʒsa] 'танцевать' и т. п.).²²

Наконец, можно указать и на вероятные внешние связи рассматриваемого звукового изменения. Едва ли случайно то обстоятельство, что в то время как ни в одном из германских языков (кроме фарерского) при тех же предпосылках, что и в исландском, не развилось глухих коррелятов носовых и плавных согласных, эти редкие фонемы исконны в кельтских языках,²³

²¹ Хауген и этот шумный коррелят сонорного истолковывает как сочетание фонем (E. Haugen. The phonemics..., стр. 60).

²² Sveinn Bergsveinsson. Nasal+Engelaut bzw. Liquida im Isländischen. «Archiv für vergleichenden Phonetik», 1938, 2, стр. 30; Stefán Einarsson. Nasal+Spirant or Liquid in Icelandic. «Journal of English and Germanic Philology», 39, 1940, стр. 462; ср. также: В. Kress. Die Laute..., стр. 81, 107, 113, 123, 128 и 167; S. Einarsson. Beiträge..., стр. 17 и 18; Его же. Icelandic, стр. 19.

²³ Г. Льюис и Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, стр. 78 и сл.

и они также налицо в языке гренландских эскимосов,²⁴ т. е. в языках соседей исландцев и фарерцев по океану. Недавно было указано на разительное синтаксическое сходство между исландским и ирландским.²⁵ Области фонетики и синтаксиса — это как раз те области, где в первую очередь должно проявиться наличие «языкового союза». Доказать возможность образования данного островного союза и вскрыть его исторические предпосылки — дело историков.

²⁴ W. Thalbitzer. A Phonetical Study of the Eskimo Language Based on Observations Made on a Journey in North Greenland 1900—1901. Copenhagen, 1904, стр. 73 и сл.

²⁵ T. L. Henry. A Linguistic Survey of Ireland. Lochlann, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», 5, suppl., 1958, стр. 107 и сл.; Е го же. The Icelandic Prepositional System. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 76, 1959, стр. 89.

ИСЛАНДСКО-НОРВЕЖСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

Как известно, Исландия была заселена в конце IX — начале X в. в основном выходцами из западной Норвегии, и потом между Норвегией и Исландией существовали торговые и другие связи, однако не позднее 1380 г., когда Исландия стала датским владением. Известно также, что в исландском языке и в ряде западнонорвежских (точнее — юго- и среднезападнонорвежских) диалектов произошли некоторые сходные звуковые изменения. Сходство между исландским и западнонорвежским особенно велико в развитии согласных, а именно в изменениях /gn>dn ll>>dl rl>dl fn>bn/ (например, в исл. barn, fjell, karl, nafn), /nn>dn/ после долгих гласных и дифтонгов (например, в исл. steinn) и /p>b t>d k>g/ после гласных (например, в исл. slapa, rata, vaka). Я опустил те исландско-норвежские изменения согласных, которые представлены в Норвегии только на очень ограниченной территории. Впрочем, надо сказать, что все исландско-норвежские звуковые изменения прошли в Исландии более последовательно, чем в Норвегии.

Датировать все эти переходы очень трудно, так как в письме они отражены скудно и непоследовательно. Древнейшие отражения в письме переходов /gn>dn ll>dl nn>dn/ относятся в Исландии к XIV в.,¹ а перехода /rl>dl/ — к XV в.² В Норвегии они

¹ Jóhannes L. L. Jóhannsson. Nokkrar sögulegar athuganir um helztu hljóðbreytingar og fl. í islenzku, einkum í miðaldarmálinu (1300—1600). Reykjavík, 1924, стр. 78, 82. — Речь идет об обратных написаниях Ornú вместо Oddnú, Suæirn вместо Sveinn от 1332 г., Olleifr вместо Oddleifr и т. п. На те же обратные написания ссылается Херста (M. Hægstad. Vestnorske maalføre fyre 1350. «Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 2. kl., 1941», 1, 1942, стр. 112—113).

² M. Hægstad. Vestnorske maalføre..., стр. 114.

относятся в случае перехода /gn>dn/ к XIV в.,³ а в случае переходов /pn>dn rl>dl ll>dl/ — к XV в.⁴ Древнейшие отражения в письме переходов /p>b t>d k>g/ относятся в Норвегии к началу XIV в.⁵ или, может быть, к XIII в.,⁶ тогда как в Исландии они относятся к XV в.⁷ или, вернее, к середине XVIII в.⁸

Отношения между исландскими и сходными с ними западно-норвежскими изменениями согласных истолковываются различно, и это в значительной степени объясняется тем, что различно понимается сущность звукового изменения. В связи с этим хотелось бы высказать некоторые общие соображения.

В недавно опубликованной диссертации американского скандинависта К. Чепмена подробно рассматриваются исландско-норвежские звуковые изменения, их история и распространение.⁹ Относящиеся сюда факты были, правда, известны раньше из диалектографических и других работ, но систематического обзора этих фактов до сих пор не было. В теоретическом плане Чепмен, ссылаясь на выводы психолингвистики, устанавливает, что «механизм фонетического изменения определяют два момента: образование фонетических модификаций в силу психологических факторов и распространение этих модификаций в силу социальных факторов».¹⁰ Таким образом, он склоняется к тому, что «всякое звуковое изменение есть процесс заимствования».¹¹ Чепмена интересуют связи звукового изменения со сходными изменениями в родственных диалектах или языках, т. е., так сказать, его «внешние связи». Напротив, связи звукового изменения с другими изменениями в том же диалекте (его «внутренние связи») Чепмена не интересуют (за исключением элементарных случаев относительной хронологии). Поэтому у него звуковые изменения — это такой же набор изолированных и случайных фактов, какими они обычно бывали в традиционных исторических грамматиках. Термины «фонема», «аллофон», «структура», споради-

3 D. A. Seip. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo, 1955, стр. 174 и 286. — Речь идет о написании Aatne вместо Arne от 1328 г. Херста приводит написание þodni вместо þórny от 1397 г. (M. Hægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1915», 3, 1916, стр. 142).

4 M. Hægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1914», 5, 1915, стр. 63; «Skrifter...», 1915», 3, 1916, стр. 143. — Речь идет о написании luhndendum вместо lunnendum от 1403 г., brudlaupe вместо brullaupe от 1441 г. и jWdhlande вместо Aurlande от 1438 г.

5 M. Hægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1914», 5, 1915, стр. 58; D. A. Seip. Norsk språkhistorie...», стр. 297.

6 D. A. Seip. Norsk språkhistorie...», стр. 182.

7 M. Hægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1941», 1, 1942, стр. 110.

8 Björn Guðfinnsson. Mállýzkur, I. Reykjavík, 1946, стр. 234. прим. 2.

9 K. G. Chapman. Icelandic-Norwegian Linguistic Relationships. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 7, suppl., 1962.

¹⁰ Там же, стр. 18.

¹¹ Там же, стр. 148.

чески встречающиеся в его книге, не меняют положения. Допустив, что древнейшие отражения в письме могут отставать от звукового изменения на несколько сот лет,¹² Чепмен в конечном счете приходит к выводу, что факты не противоречат объяснению исландско-норвежских звуковых изменений влиянием норвежского на исландский.¹³ Аналогичное предположение относительно переходов /gn>dn pn>dn ll>dl rl>dl/ высказал раньше Йоханнссон.¹⁴ В своем понимании звуковых изменений Чепмен в сущности следует общему направлению современной американской исторической лингвистики, которое с наибольшей полнотой проявилось в обобщающей работе Хонигсвальда о языковых изменениях.¹⁵ Хонигсвальда интересует, как следует описать замену одного звука другим в терминах соответствующих синхронных срезов.¹⁶ Движущие силы этой замены, ее предпосылки и связи его не интересуют. Поэтому за новыми терминами у него в сущности скрываются те же ничем не обусловленные и ни с чем не связанные звуковые переходы, которыми оперировало доструктурное языкознание.

Не случайно Кун, немецкий филолог, абсолютно чуждый новым веяниям в языкознании и, в частности, фонологии, пришел к тому же выводу, что и Чепмен, но в более резкой формулировке.¹⁷ По Куну, в результате заселения Исландии, Фарерских, Шетландских и Оркнейских островов выходцами из западной Норвегии образовался «океаноскандинавский язык» (das Ozean-nordische) с центром тяжести в океанских дорогах или портах западной Норвегии, откуда языковые новации распространялись через океан в продолжение 700 лет. В перечне звуковых переходов, который он приводит в подтверждение своего вывода, большинство либо древнее заселения Исландии, либо не специфичны для «океаноскандинавского». О фактах расхождения исландского и норвежского, особенно многочисленных с XIV в., Кун ничего не говорит. В его концепции океан всегда связывает, независимо от того, есть ли политические и экономические предпосылки для такой связи. Возможность параллельного развития кажется Куну предрассудком. Оно не мыслимо, по Куну, в частности, потому, что исландско-норвежские новации «не может объединить

¹² Там же, стр. 79.

¹³ Там же, стр. 146.

¹⁴ J. L. L. Jóhannsson. Nokkrar athuganir... стр. 83; ср. также его ответ на рецензию Тоуроульфссона в «Arkiv för nordisk filologi», 42, 1925—1926, стр. 276.

¹⁵ H. M. Hoenigswald. Language Change and Linguistic Reconstruction. Chicago, 1960.

¹⁶ Там же, стр. 86 и сл. Ср.: W. P. Lehmann. Historical Linguistics. New York, 1962, стр. 147 и сл.

¹⁷ H. Kühn. Zur Gliederung der germanischen Sprachen. «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», 86, 1955, 1, стр. 1—47, особенно стр. 17 и сл.

никакая система».¹⁸ Но ведь система в звуковых изменениях — это как раз то, что всего меньше интересует Куна.

Между тем многие исландские и норвежские ученые допускали возможность параллельного развития.¹⁹ Надо признать, однако, что понятие «параллельное развитие» само по себе неясно. Оно, как правило, сводится к признанию общей «фонетической тенденции». Но известно, что «фонетическая тенденция» — это обычное средство дать мнимое (т. е. в сущности тавтологическое) объяснение звуковому переходу. У тех, кто определяет фонетическую тенденцию («drift» Сэпира и других американских лингвистов) как «бессознательные формальные ощущения»²⁰ или «унаследованные речевые навыки»²¹ и т. п., она все же остается некоей перманентно и необъяснимо действующей, т. е. в сущности мистической силой. Сказать, например, что переход /р>б/ объясняется «тенденцией к ослаблению артикуляции» и т. п., — значит ничего не объяснить. Спрашивается, а почему эта «тенденция» вообще возникла в данном языке и почему она проявилась именно в данном переходе и т. д.? Единственное реалистическое понимание фонетической тенденции — это понимание ее как процесса, начавшегося с определенного факта, который обусловил определенные последующие или сопутствующие факты, и т. д. Но при таком его понимании слово «тенденция» в сущности не нужно. Его может заменить слово «процесс».

Если в исландском языке и западнонорвежских диалектах действительно имело место параллельное развитие, то надо раскрыть процесс, приведший к возникновению исландско-норвежских переходов. Для этого надо исследовать «внутренние связи» этих переходов.

Переход /gn>dn/ произошел в Исландии всюду, кроме ее юго-восточной окраины.²² В западной Норвегии из всех рассматриваемых изменений согласных он имеет наиболее широкое распространение.²³ Он захватил не только расширяющуюся к северу полосу, от крайнего юга Норвегии до Согнефьорда, но также и Валдрес и Халлингдал в центральной Норвегии. По мнению

¹⁸ Там же, стр. 19.

¹⁹ Такое предположение высказал Тоуроульфссон в рецензии на цитированную выше книгу Йоуханссона (см. «Arkiv för nordisk filologi», 42, 1925—1926, стр. 77—78. Ср. также: М. Нægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter... 1941», 1, 1942, стр. 145; G. Indrebø. Norsk målsoga. Bergen, 1951, стр. 139; D. A. Seip. Norsk språkhistorie... стр. 34; Hreinn Benediktsson. Icelandic Dialectology: Methods and Results. «Íslenzk tunga», 3, 1961—1962, стр. 105; Его же. [Рецензия на книгу Чепмена]. «Íslenzk tunga», 4, 1963, стр. 152—163.

²⁰ E. Sapir. Language. В кн.: Encyclopedia of the Social Sciences, 9. New York, 1933, стр. 164.

²¹ Ch. F. Hockett. Implications of Bloomfield's Algonquian Studies. «Language», 24, 1948, 1, стр. 128.

²² Hr. Benediktsson. Icelandic Dialectology..., карта на вклейке: К. Чапман. Icelandic-Norwegian Relationships, карта на стр. 182.

²³ К. Чапман. Icelandic-Norwegian Relationships, карта на стр. 180.

Хегста, рассматриваемый переход имел раньше еще более широкое распространение.²⁴ Он представлен и на Фарерских²⁵ и на Шетландских островах,²⁶ и также на небольшой территории в северной Ютландии и на острове Эре.²⁷ Переход этот представлял собой изменение в распределении фонем, не связанное непосредственно с каким-либо изменением самой их системы. Однако он был существенным изменением в их дистрибуционных возможностях: сочетание /dn/ первоначально отсутствовало в рассматриваемых языках. Надо полагать, что первоначально [d] очень тесно примыкало к [n] в данном сочетании, и в исландском это имеет место и сейчас. В обстоятельном фонетическом описании современного исландского языка Кресс рассматривает сочетание [dn] как единый согласный звук — смычный с назальной эксплозией.²⁸ О смычных с назальной эксплозией как одной из возможных разновидностей смычных упоминается и в общих фонетиках.²⁹ В описании одного из диалектов западной Норвегии сочетания [dn] и [dl] тоже рассматриваются как смычные с особого рода эксплозией.³⁰ Характерно, что, судя по описанию Кресса, в исландском между [d] и [n] граница слога никогда не проходит: в исходе слова [n] — неслогообразующее в данном сочетании, а в середине слова граница слога проходит до [d] или в середине его выдержки.³¹ То же засвидетельствовано в некоторых западнонорвежских диалектах.³² Однако, хотя с артикуляционной точки зрения смычный с назальной эксплозией в рассматриваемых языках, может быть, и правомерно рассматривать как единый согласный (ведь считается же обычно единым согласным смычный с придыхательной эксплозией), с функциональной точки зрения считать это сочетание единым согласным (т. е. единой фонемой) было бы правомерно разве что в том

24 М. Нæгстад. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1915», 3, 1916, стр. 142.

25 Н. Намре. Færøymålet i tiden 1584—1750. «Skrifter...», 1944», 2, 1945, стр. 49—50.

26 М. Нæгстад. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1915», 3, 1916, стр. 142.

27 V. Bennike, M. Kristensen. Kort over danske Folkemål med Forklaringer. København, 1898—1912, §§ 135—136, карты 65—66 (цит. по статье: P. Naert. Ur min färöiska kortlåda. «Arkiv för nordisk filologi», 61, 1946, стр. 140).

28 В. Кресс. Die Laute des modernen Isländischen. Leipzig, 1937, стр. 12, 92.

29 См., например: E. Dieth. Vademekum der Phonetik. Bern, 1950, стр. 236 и сл.

30 Н. Намре. Målet på Bømlo i Sunnhordaland. «Bergens museums årbok, hist-ant. rekke», 4, 1945, стр. 13, — где говорится, что смычный этот состоит из «сначала имплозии, затем выдержки артикуляции и наконец назальной эксплозии».

31 В. Кресс. Die Laute..., стр. 12, 9—10.

32 Н. Намре. Målet på Bømlo, стр. 13; I. Skre. Fanamålet. Bergen, 1957 («Skrifter utgitt av Institutt for nordisk filologi, Universitet i Bergen», 1), стр. 92.

случае, если бы оно регулярно встречалось в тех позициях, где возможны только простые согласные, а именно после долгих гласных.³³ Но такая позиция не характерна для данного сочетания.³⁴

Переход /nn>dn/ произошел по всей Исландии, но только после долгого гласного и дифтонга. В западной Норвегии он произошел после долгого гласного или дифтонга в области, несколько меньшей, чем область перехода /gn>dn/,³⁵ а после краткого гласного — в еще значительно меньшей области.³⁶ На Фарерских островах он произошел только после дифтонга, кое-где также после долгого гласного.³⁷ Переход этот совершенно тождествен только что рассмотренному по своему результату.

Переход /ll>dl/ произошел по всей Исландии, а в западной Норвегии — в области, незначительно большей, чем область только что рассмотренного перехода.³⁸ Он представлен также на Фарерских и Шетландских островах. Сочетание [dl] тоже можно рассматривать как смычный со специфической эксплозией, но в данном случае, конечно, не назальной, а латеральной,³⁹ которая, впрочем, в артикуляционном отношении совершенно параллельна назальной.⁴⁰ Так же обстоит дело и с границей слога.⁴¹ Единственное различие между переходом /nn>dn/ и /ll>dl/ заключается в том, что в противоположность сочетанию /dn/ сочетание /dl/ существовало и раньше. Однако /dl/ встречалось раньше только на стыке морфем (в словах или формах типа др.-исл. *hondla* от *hond* или *bendlar* от *bendill*). В результате перехода /ll>dl/ сочетание это стало обычным в корневых морфемах (в словах типа исл. *fjell*, *kalla* и т. п.), и поэтому [d] стало более тесно примыкать к [l] в данном сочетании.

Переход /rl>dl/ был тождествен по своему результату предыдущему. В Исландии он произошел всюду, кроме ее юго-восточной окраины (как и переход /gn>dn/). В западной Норвегии область его распространения трудно точно определить. По видимому, она первоначально совпадала с областью перехода

³³ Впрочем, Хауген допускает возможность рассматривать придыхательные смычные в исландском как сочетание двух фонем (/bh/ и т. д.), хотя нельзя утверждать, что эти смычные встречаются в тех позициях, где возможны только бифонемные сочетания (E. Haugen. *The Phonemics of Modern Icelandic*. «Language», 34, 1958, 1, стр. 59).

³⁴ В западной Норвегии оно, впрочем, встречается в такой позиции (H. Hamre. *Målet på Bømlo...*, стр. 12).

³⁵ K. Charman. *Icelandic-Norwegian Relationships*, карта на стр. 184.

³⁶ Там же, карта на стр. 185.

³⁷ H. Hamre. *Færøymålet...*, стр. 46, 48.

³⁸ H. Christiansen. *Norske dialekter*. Oslo, 1946—1948, карта на стр. 171; K. Charman. *Icelandic-Norwegian Relationships*, карта на стр. 183.

³⁹ B. Kress. *Die Laute...*, стр. 12 и 94; H. Hamre. *Målet på Bømlo...*, стр. 13.

⁴⁰ Ср.: E. Dieth. *Vademekum der Phonetik...*, стр. 236 и сл.

⁴¹ Ср.: B. Kress. *Die Laute...*, стр. 12, 9—10; H. Hamre. *Målet på Bømlo...*, стр. 13.

/ll>dl/.⁴² Этот переход представлен и на Фарерских островах.⁴³ С рассмотренными изменениями согласных был, очевидно, связан и переход /mm>bm/, который произошел только в западной Норвегии на небольшой территории внутри области перехода /nn>dn/.⁴⁴ Результатом всех этих переходов были смычные с латеральной и назальной эксплозией, о которых уже была речь выше.

Распространение всех этих переходов на территориях, накладывающихся друг на друга, заставляет предполагать, что все указанные переходы связаны между собой. По-видимому, многие предполагали существование такой связи.⁴⁵ Однако вопрос о том, в чем заключались общие предпосылки всех этих переходов, никогда не ставился. Внимание исследователей привлекали либо этапы перехода /rn>dn/,⁴⁶ либо предполагаемая связь переходов /nn>dn/ и /ll>dl/ со сдвигом количественных отношений в слоге.⁴⁷

⁴² K. Chapman. Icelandic-Norwegian Relationships, карта на стр. 67.

⁴³ H. Hamre. Færøymålet..., стр. 49—50.

⁴⁴ K. Chapman. Icelandic-Norwegian Relationships, карта на стр. 186.

⁴⁵ См., например: A. B. Larsen. Sognemålene. Oslo, 1929, стр. 6.

⁴⁶ По Лашену, промежуточным этапом между [rn] и [dn] было [ðn] (A. B. Larsen. Om ordet *barn* i oldnorsk og de nynorske bygdemål. «Arkiv för nordisk filologi», 21, 1905, стр. 125 и сл.). Херста показал, что догадка Лашена не подтверждается фактами (M. Hægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1915», 3, 1916, стр. 79 и сл.; D. A. Seip. Norsk språkhistorie..., стр. 174). Однако его собственное предположение, что промежуточным этапом между [rn] и [dn] было [nn] (M. Hægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1914», 5, 1915, стр. 63; «Skrifter...», 1916», 4, 1917, стр. 123), тоже не выдержало критики (H. Hamre. Færøymålet..., стр. 48; P. Naert. Ur min färöiska kortlåda, стр. 139; K. Chapman. Icelandic-Norwegian Relationships, стр. 88 и сл.). Наерт доказывает, что промежуточным этапом между [rn] и [dn] было [rdn] (P. Naert. Ur min färöiska kortlåda, стр. 139 и сл.; Его же. Åter rn>(r)dn i färöiskan. «Arkiv för nordisk filologi», 71, 1956, стр. 244. То же раньше утверждал Йоханнссон: см. Nokkrar athuganir..., стр. 81). Сочетания [rdn rdl] и сейчас чередуются в исландском с [dn dl] на месте старых [rn rl]. Сейп считал, однако, что произношение [rdn] книжного происхождения (D. A. Seip. Nye studier i norsk språkhistorie. Oslo, 1954, стр. 212). Скорее всего, никакого промежуточного этапа в переходе /rn>dn/ не было (K. Chapman. Icelandic-Norwegian Relationships, стр. 87 и сл.).

⁴⁷ В. Янссон высказал предположение, что переход /nn>dn/ был усилением контраста между элементами геминаты с целью воспрепятствовать ее совпадению с простым /n/, — совпадению, которое особенно угрожало после долгого гласного и дифтонга (V. Jansson. Palataliserade dentaler i nordiska språk. «Arkiv för nordisk filologi», 59, 1954, стр. 138). Это предположение развил Наерт (P. Naert. Ur min färöiska kortlåda, стр. 140). Объясняя переход /ll>dl/ ослаблением геминат и возникшей в связи с этим необходимостью заменить противопоставление геминаты простому /l/ каким-нибудь другим противопоставлением, Sommerfeldt высказал догадку: в Норвегии потому произошел переход /ll>dl/, а не /ll>ld/, как в южной Ирландии в аналогичной ситуации, что в норвежском языке граница слога проходит в середине согласного, а не после него, как в ирландском (A. Sommerfeldt. Differensiasjonen av ll til dl i norrønt språk. В кн.: Festskrift til L. L. Hammerich. København, 1952, стр. 219 и сл.). Непонятно, однако, почему структура слога, характерная, по словам Sommerfeldt, для норвежского языка вообще, должна была именно в западной Норвегии обусловить данный переход. Сдвиг

Основное в фонетическом механизме всех рассмотренных переходов — это, очевидно, задержка в артикуляции, сопровождающей смычку: в случае [п] — это задержка в опускании мягкого нёба; в случае [л] — это задержка в открытии бокового прохода; в обоих случаях — это задержка в действии голосовых связок, поскольку возникавший при всех этих переходах имплозивный смычный был, вероятно, глухим, как в современном исландском и фарерском, или во всяком случае не полностью звонким. Общим в фонетическом механизме всех рассмотренных переходов было, конечно, и то, что их результатом были смычные с особого рода эксплозией — назальной или латеральной. С рассмотренными переходами были поэтому, конечно, связаны и переходы /vп>bn vl>bl/,⁴⁸ поскольку результатами этих переходов тоже были сочетания смычного с [п] или [л]. Однако эти сочетания не могли быть такими тесными, как сочетания гоморганного смычного с [п] или [л].⁴⁹ С рассмотренными изменениями согласных были, несомненно, связаны и спорадические написания sdl вместо sl и sdp вместо sp, отмечаемые Йоуханнссоном в исландском.⁵⁰ Аллофонная (субфонемная) стадия соответствующих переходов (т. е. [sl>s^dl sn>s^dп]) представлена и в современном исландском.⁵¹

Надо полагать, что аллофонная стадия предшествовала всем рассмотренным исландско-норвежским переходам, т. е. в продолжение длительного времени фонемы /п/ и /л/ в сочетаниях /гп гл пп ll/ имели аллофоны [d^п d^л]. По описанию Скре, в диалекте Фана (западная Норвегия) еще и сейчас начальный сегмент в геминатах [d^{пп} d^{лл}] не смычный в собственном смысле слова, а своего рода щелевой приступ, или «фаукальный гляйд».⁵² В этом диалекте, таким образом, представлена аллофонная стадия пере-

количественных отношений в слоге, а следовательно, и ослабление геминации произошли не только в области переходов /ll>d^л пп>dp/, но, в частности, и во всей остальной Норвегии, причем, поскольку область, в которой произошли эти переходы, была в то же время областью сохранения безударного конечного -а (т. е. так называемых западнонорвежских a-mål), ослабление геминации должно было быть там менее значительным. Геминаты и сейчас в западнонорвежских диалектах ощущаются сильнее, чем в восточнонорвежских (ср.: Н. Намге. Målet på Vømlø. . ., стр. 10). Наконец, рассматриваемые переходы и хронологически не увязываются с количественным сдвигом: в Исландии он произошел только в XVI в. (см.: Björn K. Þórgólfsson. Kvantitets omvæltningen i islandsk. «Arkiv för nordisk filologi», 45, 1929, стр. 35 и сл.), т. е. после них, а в Норвегии он происходил уже в XIII в. (см.: D. A. Seip. Norsk språkhistorie, стр. 115), т. е. до них.

⁴⁸ В западной Норвегии представлен только первый из них, в трех не связанных между собой областях (см.: K. Charman. Icelandic-Norwegian Relationships, карта на стр. 188). В Исландии оба прошли повсюду.

⁴⁹ E. Dieth. Vademekum der Phonetik. . ., стр. 245.

⁵⁰ J. L. L. Jóhannsson. Nokkrar athuganir. . ., стр. 85.

⁵¹ Stefán Einarsson. Beiträge zur Phonetik der isländischen Sprache. Oslo, 1927, стр. 12; B. Kress. Die Laute. . ., стр. 8.

⁵² I. Skre. Fanamålet, стр. 22, 92, 102 и сл.

ходов /nn>dn ll>dl/. На этой аллофонной стадии данное изменение в артикуляции могло быть частным случаем фонетического изменения, которое претерпевали все фонемы определенной подсистемы. Естественно предположить поэтому, что рассмотренные переходы на своей аллофонной стадии были связаны с процессом, фонетический механизм которого тоже подразумевает задержку в артикуляции, сопровождающей смычку, а именно задержку в действии голосовых связок, и тоже имеет своим результатом смычные с особого рода эксплозией, а именно глухие придыхательные смычные и противопоставленные им глухие же непридыхательные.

Как известно, в исландском и фарерском все смычные более или менее глухие и коррелируют как придыхательные и непридыхательные, а не как глухие и звонкие. Совершенно неизвестно, когда произошло то фонологическое изменение, в результате которого в этих языках старый различительный признак — звонкость уступил место новому — придыхательности. На письме это изменение никак не отразилось. Поэтому оно всегда игнорируется: молчаливо принимается, что раз нет изменения букв, то нет и никакого звукового перехода. В работе Чепмена о данном изменении вообще нет речи. Между тем очевидно, что с фонологической точки зрения изменение различительных признаков гораздо более важно, чем изменение в распределении фонем, каким являются все остальные упоминавшиеся мной изменения.

Всего вероятнее, что смена различительных признаков и смычных была процессом, растянувшимся на много веков, если не на целое тысячелетие, и в своей аллофонной стадии (заклучавшейся, вероятно, в появлении и развитии аллофонов с придыханием в позициях максимального различения коррелирующих смычных) восходящим к западнонорвежскому периоду до заселения Исландии и других островов в Атлантическом океане.⁵³

О том, что в юго-западной Норвегии смычные развивались в том же направлении, свидетельствуют прежде всего переходы /p>b t>d k>g/ после гласного, или так называемое «ослабле-

⁵³ В своей более ранней работе я связывал фонологизацию придыхания в исландском со сдвигом количественных отношений в слове (М. И. Стеблин-Каменский. Исландское передвижение согласных. «Скандинавский сборник», 2. Таллин, 1957, стр. 216—217). Несомненно, во всяком случае, что аллофонная стадия этого изменения гораздо древнее количественного сдвига. На связь развития смычных в юго-западной Норвегии с их развитием в норвежских колониях на островах Атлантического океана, а также в северной Норвегии, в юго-западной Швеции и в Дании, где, по-видимому, следует искать очаг этого развития, указал Маштрандер (С. J. S. Marstrander. Okklusiver og substrater. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 5, 1932, стр. 287 и сл.; ср. также: J. Brøndum-Nielsen. Dialekter og Dialektforskning. København, 1927, стр. 77.

ние смычных»,⁵⁴ которое в действительности было, конечно, не их озвончением, а превращением глухого смычного (т. е. беспризнакового члена старого противопоставления) в непридыхательный (т. е. беспризнаковый член нового противопоставления) в положении нейтрализации.⁵⁵ Правда, в описаниях диалектов юго-западной Норвегии /p t k/ и /b d g/ обычно называются просто «глухими» и «звонкими».⁵⁶ Однако из более обстоятельных описаний ясно, что в этих диалектах до сих пор сохраняются следы коррелирования смычных по типу эксплозии, т. е. по наличию или отсутствию придыхания. По словам Лашена, на юго-западном побережье Норвегии глухие смычные в начале слова более сильно придыхательны, чем во всей остальной Норвегии.⁵⁷ По словам Сельмера, глухие смычные сильно придыхательны также в Бергене и к югу по побережью.⁵⁸ По его измерениям так называемые звонкие смычные в ставангерском диалекте представляют собой не звонкие в собственном смысле слова, а полувзвонкие или полуглухие.⁵⁹ Из описания Офтедала следует, что смычные в Естале (Ерен, юго-западная Норвегия) и фонетически, и фонологически совершенно аналогичны исландским: в позиции различения они все глухие, но аспирированные или неаспирированные (в середине слова также преаспирированные), в позиции неразличения они неаспирированные.⁶⁰ Чепмен полагает, что в позиции неразличения звонкие смычные представлены только в юго-восточной части норвежской области «ослабления смычных», тогда как в ее северо-западной части в этой позиции представлены глухие придыхательные.⁶¹ По-видимому, звонкие смычные в этой позиции — результат воздействия восточнонорвежского. Еще Хегста высказывал предположение, что «ослабление смычных» раньше имело более широкое распространение в западной Норвегии.⁶²

Против предположения о связи между переходами /rп>дп

⁵⁴ О распространении его в юго-западной Норвегии см.: Н. Christian sen. Norske dialekter, карта на стр. 171; К. Charman. Icelandic-Norwegian Relationships, карта на стр. 177. Распространение его в Исландии см.: там же, карта на стр. 178.

⁵⁵ Подробнее об этом см. на стр. 102 и сл.

⁵⁶ См., например: Р. K y d l a n d. Gylands-målet, eit yversyn over Ijodverk. Oslo, 1940, стр. 49.

⁵⁷ А. В. Larsen. Om ordet *barn*... стр. 59; Его же. Om bløde og haarde konsonanter i norsk. В кн.: Sproglige og historiske afhandlinger viede S. Bugges minde. Kristiania, 1908, стр. 45.

⁵⁸ Е. W. Selmer. Om Stavangermålets „hårde" og „bløte" klusiler. Kristiania, 1924 («Opuscula phonetica», 5), стр. 5.

⁵⁹ Там же, стр. 19.

⁶⁰ М. Ofte dal. Jærse okklusiver. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 14, 1947, стр. 229 и сл.

⁶¹ К. Charman. Icelandic-Norwegian Relationships, стр. 60.

⁶² М. Hægstad. Vestnorske maalføre... «Skrifter...», 1915», 3, 1916. стр. 128; ср. также: М. Sørliie. Færøysk tradisjon i norrønt mål. «Avhandlingar utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 2. kl., 1936», 2, 1936. стр. 85.

гl>ll nn>dn ll>dl/ и развитием смычных говорит как будто то, что в Норвегии области этих переходов (средне- и юго-западное побережье) только частично совпадают с областью «ослабления смычных» (южное и юго-западное побережье), а также то, что этих переходов нет в некоторых других скандинавских областях (Дания и т. д.), где смычные развивались в том же направлении. Надо, однако, иметь в виду, с одной стороны, что генетически связанные между собой переходы могут, естественно, распространяться или, наоборот, оттесняться независимо друг от друга, а с другой стороны, что никакое звуковое изменение не может быть, конечно, единственной предпосылкой другого.

Консервативность западноскандинавских языков (и в первую очередь исландского) по сравнению с восточноскандинавскими, а также западнонорвежских диалектов (которые наиболее близки к исландскому) по сравнению с восточнонорвежскими общепризнана. Лашен считал переходы /gn>dn rl>dl ll>dl nn>dn mm>bm vn>bn/ одним из проявлений «западнонорвежского консерватизма» и объяснял их чрезмерной тщательностью произношения, или стремлением не только сохранить старые сочетания согласных, но и сделать их более контрастными.⁶³ Однако, не говоря о том, что фонетический консерватизм едва ли можно объяснять такими чисто психологическими причинами, в отношении западнонорвежских (или исландско-фарерско-западнонорвежских) согласных сомнительно и само его существование. Скрэ указывает, что в сущности между [d] и [n] или [l] меньше разницы, чем между [r] и [n] или [l], и что, следовательно, переходы /gn>dn rl>dl/ вовсе не являются «дифференциацией».⁶⁴ Если важнейшими и крупнейшими звуковыми изменениями являются изменения различительных признаков фонем, то, сопоставляя смену различительных признаков в смычных, о которой шла речь выше, с теми более поздними и до сих пор незавершенными изменениями, которые произошли в восточной Норвегии и большей части Швеции в связи с возникновением «толстого l» и последующего расщепления переднеязычных на денальные, альвеолярные и какуминальные (см. стр. 127), надо признать, что консонантизм Исландии, Фарерских островов и юго-западной Норвегии, т. е. области, которую можно было бы условно назвать «придыхательной», был менее консервативен, чем консонантизм восточной Норвегии и большей части Швеции, т. е. области, которую можно было бы назвать «альвеолярно-какуминальной».

В заключение — еще раз о параллельном развитии и сущности звукового изменения. Хотя распространение звуковых изменений через океан в принципе возможно (при наличии тесных

⁶³ A. B. Larsen. Om ordet *barn*... стр. 6 и сл.; ср. H. Christian sen. Norske dialekter, стр. 59, 169, где повторяется объяснение Лашена.

⁶⁴ I. Skre. Fanamalet, стр. 95.

трансокеанских связей, конечно), в случае исландско-норвежских изменений согласных отнюдь не исключено параллельное развитие: если высказанные мной соображения в какой-то мере верны, эти изменения были растянувшимся на много столетий единым процессом внутреннего развития. Звуковое изменение, как мне кажется, всегда обусловлено не только его внешними связями, т. е. связями с аналогичными изменениями в других диалектах или языках, но также и его внутренними связями, т. е. связями с другими изменениями в той же языковой системе. Нельзя рассматривать звуковое изменение вне этих внутренних связей, так же как нельзя рассматривать звук речи вне его отношений с другими звуками речи.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЛЬВЕОЛЯРНЫХ И КАКУМИНАЛЬНЫХ В НОРВЕЖСКОМ И ШВЕДСКОМ

Термины — вещь условная, но тем более важно о них условиться. Следуя традиции, и в частности Лунделлю,¹ Сиверсу,² Есперсену,³ Нурену,⁴ Сторму,⁵ Броку и Сельмеру,⁶ Данеллю,⁷ Диту,⁸ Мальмбергу⁹ и др. (не только скандинавским) фонетистам, я буду называть какуминальными (букв. твердонёбными, от латинского *casumen* 'вершина', в фонетике: 'вершина нёба', или 'твердое нёбо') те согласные, которые образуются сближением кончика языка с твердым нёбом (выше альвеол), в отличие от альвеолярных, т. е. тех согласных, которые образуются сближением кончика языка с альвеолами, и дентальных, т. е. тех согласных, которые образуются сближением кончика языка с (верхними) зубами. При альвеолярных кончик языка несколько приподнят, а спинка языка вогнута, тогда как при какуминальных кончик языка сильно приподнят и даже несколько загнут назад, а спинка языка вогнута. Какуминальные согласные назывались также апи́ко-какуминальными (по активному и пассивному речевому органу), ретрофлексными, или инвертированными (по форме активного речевого органа), церебральными (от латин-

1 J. A. Lundell. *Det svenska landsmålsalfabet tillika en öfersikt af språkljudens förekomst inom svenska mål. «Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folkliif», 1, 1879, стр. 20.*

2 E. Sievers. *Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1893, стр. 59—60.*

3 O. Jespersen. *Fonetik. København, 1897—1899, стр. 206.*

4 A. Noreen. *Vårt språk, 1. Lund, 1903, стр. 380.*

5 J. Storm. *Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken. «Norvegia», 1, 1884, стр. 93—94.*

6 O. Broch og E. W. Selmer. *Håndbok i elementær fonetikk. Oslo, 1930, стр. 28.*

7 G. Danell. *Svensk ljudlära. Stockholm, 1937, стр. 24.*

8 E. Dieth. *Vademekum der Phonetik. Bern, 1950, стр. 183.*

9 B. Malmberg. *Svensk fonetik. Malmö, 1956, стр. 54.*

ского *sebebrum* 'мозг', неудачный перевод санскритского *mūḡdhanja* от *mūḡdhan* 'вершина'), лингвальными («крайне неподходяще», по словам Сиверса), а по-норвежски и шведски «толстыми» (по акустическому эффекту). Альвеолярные назывались также супрадентальными (в Швеции они очень часто и теперь так называются, а раньше иногда и «толстые» так назывались), апико-альвеолярными, а по-норвежски и шведски также «полутолстыми». Дентальные также назывались постдентальными, гингивальными, а по-норвежски и шведски «тонкими». Альвеолярные корреляты дентальных обозначаются ниже буквами *t*, *d*, *n* и так далее, а их какуминальные корреляты — буквами 't', 'd', 'n и т. д. Разграничение какуминальных, альвеолярных и дентальных имеет важное значение для норвежского и шведского языков. Поэтому досадно, что в последние годы в нашей скандинавистике, в частности и в моих работах,¹⁰ какуминальными назывались не какуминальные в традиционном значении этого термина, а те согласные, которые, по меньшей мере в скандинавской традиции, всегда назывались и называются альвеолярными (или супрадентальными).

Альвеолярные согласные [*t d n*], которые как в норвежском, так и шведском языке возникли из сочетаний /*gt gd gn gl*/, привлекали к себе внимание в связи с тем, что неясен их, так сказать, фонематический статус.¹¹ В норвежском литературном языке (т. е. риксмале в восточнонорвежском произношении) их определяли как самостоятельные фонемы в изолированных словах, но реализации сочетаний фонем в *sandhi*;¹² как представителей сочетаний фонем или самостоятельные фонемы;¹³ как потенциально самостоятельные фонемы;¹⁴ как фонемы в разговорном языке, но комбинаторные или стилистические варианты фонем в литературном языке;¹⁵ как не-фонемы.¹⁶ В шведском ли-

¹⁰ Например: М. И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, стр. 154, 160, 168; С. С. Маслова-Лашанская. Шведский язык, 1. Л., 1953, стр. 23.

¹¹ Альвеолярный сибилант [ʃ], который возник из сочетания /*rs*/ совершенно аналогично другим альвеолярным, я не упоминаю, так как он находится в комплементарном распределении с альвеолярным сибилантом другой фонетической природы и другого происхождения и вместе с ним составляет фонему /*ʃ*/, самостоятельность которой не может вызывать сомнений.

¹² С. *Borgstrøm*. Zur Phonologie der norwegischen Schriftsprache. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 9, 1938, стр. 255, 258.

¹³ С. *Borgstrøm*. Innføring i sprogvidenskap. Oslo, 1958, стр. 36—37.— В приложении к этой книге, вышедшем в 1965 г. отдельным оттиском, норвежские альвеолярные согласные определяются как «кумулянты», т. е. «простые фонемы», сочетающие в себе различительные признаки двух фонем.

¹⁴ Н. *Vogt*. Some Remarks on Norwegian Phonemics. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 11, 1939, стр. 142—143.

¹⁵ В. *Trnka*. K norským alveolárám. «Časopis pro moderní filologii», 27, [1941], 2, стр. 170—172.

¹⁶ О. *Næs*. Norsk grammatikk, 1. Oslo, 1952, стр. 59.

тературном языке (в центральношведском произношении) их определяли как факультативные варианты сочетаний фонем¹⁷ или как фонетические реализации сочетаний фонем.¹⁸

Неясность фонематического статуса этих альвеолярных объясняется, очевидно, их известной функциональной несамостоятельностью по отношению к сочетаниям согласных /r/ r/ r/ g/ g/ r/ r/. Противопоставление альвеолярных соответствующим дентальным широко используется в норвежском и шведском литературных языках для различения как частей слов, так и целых слов (например, в норвежских или шведских словах *kart* [kát:] 'неспелый плод' и *katt* [kát:] 'кошка' и т. п.), но противопоставление альвеолярных соответствующим сочетаниям согласных, как правило, так не используется. Однако альвеолярные и соответствующие сочетания согласных могут заменять друг друга как стилистические варианты: альвеолярные характерны для разговорного стиля, сочетания согласных — для торжественного. Впрочем, фонетические условия тоже играют роль в этой замене: альвеолярные появляются после кратких гласных реже, чем после долгих.¹⁹ Кроме того, легкость замены неодинакова для различных сочетаний /r/ с дентальным согласным: для /r/ она больше, чем для /r/ g/ g/ r/ и т. д. Возможна и морфологическая аналогия.²⁰

В силу всего этого сочетание согласных не всегда заменимо соответствующим альвеолярным (например, в некоторых словах высокого стиля, в некоторых словах после краткого гласного, в некоторых словах на стыке морфем и т. д.), и таким образом могут возникать спорадические случаи противопоставления альвеолярного соответствующему сочетанию согласных.²¹ Наконец, и альвеолярный не всегда заменим соответствующим сочетанием согласных: так, в норвежском литературном языке [l] и [n] появляются в некоторых словах или положениях, где их могут заменить [l] и [n], но никак не /r/ и /r/ (например, в *klok*, *skole*, *kanskje*). В этих случаях альвеолярные и дентальные являются как бы факультативными вариантами одной фонемы.

17 Л. Р. Зиндер. Из заметок по фонетике современного шведского языка. «Доклады и сообщения филологического факультета ЛГУ», 1949, 1, стр. 202.

18 С. I. - Chr. Elert. Bidrag till en fonematisk beskrivning av svenska. «Arkiv för nordisk filologi», 72, 1957, стр. 45.

19 См. также: I. A. Lyttkens och F. A. Wulff. Svenska språkets ljudlära och beteckningslära. Lund, 1885, стр. 196, 233, 298 и сл.

20 См., например: A. Noreen. Vårt språk, стр. 432 и сл.

21 Так, Фугт (H. Vogt. Some Remarks..., стр. 138—139) приводит для норвежского литературного языка следующие минимальные пары: (*de spanske*) *cortes* с /r/ ('испанские кортесы' и *kortes* (*verdi*) с /t/ ('ценность карты'); *en ferd i båt* с /r/ ('поездка в лодке' и *en ferdig båt* с /d/ ('готовая лодка'); *argene* с /r/ ('шрамы' и *ordene* с /n/ ('слова'). В последней паре противопоставлены части слова, а не целые слова (то же в *verdig* с /r/ ('достойный' и *ferdig* с /d/ ('готовый'; см.: С. Borgström. Innføring..., стр. 36).

Таким образом, сложность фонематического статуса норвежских и шведских альвеолярных в сущности не покрывается ни одним из приведенных выше (стр. 128) определений. Но едва ли прав Фугт,²² утверждая, что такая сложность вообще характерна для «высоко дифференцированного общества» и «языков цивилизации» (*langues de civilisation*). Она, вероятно, объясняется более просто: образование альвеолярных фонем в норвежском и шведском не завершилось, фонемы эти находятся в становлении, поэтому в их функционировании имеют место пограничные случаи.²³ С точки зрения фонологической теории звуковых изменений, такие незавершенные процессы представляют особый интерес: в них легче проследить последовательные этапы звукового изменения и действие факторов, способствующих или препятствующих ему.

Норвежская и особенно шведская диалектографическая литература чрезвычайно обширна и обстоятельна, но очень мало обобщена. В частности, фонологическая точка зрения в ней никогда не применялась. Между тем именно эта точка зрения позволяет отделять общее от частного и более важное от менее важного. Дело в том, что диалектальные различия далеко не равноценны: различия в составе фонем несравненно важнее, чем различия в их распределении или аллофоническом варьировании. Поэтому фонологическая точка зрения позволяет свети почти бесконечное многообразие диалектального варьирования к немногочисленным важным различиям.²⁴

Слияние /г/ с последующим дентальным характерно для большей части территории Норвегии и Швеции. Вне этой обширной норвежско-шведской области остается только южная окраина Швеции (Сконе, Блекинге, южная часть Халлянда и Смоллянда), запад Норвегии (Вестляни) и ее крайний север.²⁵ Границы этой области близко совпадают с областью распространения переднеязычного г²⁶ и так называемого «толстого l»;²⁷

²² H. Vogt. *Some Remarks...*, стр. 143—144.

²³ На необходимость диахронической точки зрения в анализе норвежских альвеолярных впервые указал Трнка (В. Trnka. *K norským alveolárám*).

²⁴ Попытка фонологической градации диалектальных различий есть вышесказанная (стр. 79).

²⁵ Границу для Швеции см.: G. Sjöstedt. *Studier över r-ljuden i sydskandinaviska mål*. Lund, 1936, стр. 275 и сл.; E. Wessén. *Våra folkmål*. Malmö, 1958, стр. 17—18; границы для Норвегии см.: H. Christiansen. *Norske dialekter*. Oslo, 1946—1948, стр. 138 и сл.

²⁶ См. особенно: G. Sjöstedt. *Studier över r-ljuden...*, стр. 176 и сл., 205, и сл., 227 и сл.

²⁷ Границу для Швеции см.: там же, стр. 280 и сл., E. Wessén. *Våra folkmål*, стр. 17—18; границу для Норвегии см.: A. B. Larsen. *Oversigt over de norske bygdemål*. Oslo, 1948, стр. 20; H. Christiansen. *Norske dialekter*, стр. 138 и сл. Об отражении в границах распространения «толстого l» древних племенных границ в Норвегии см.: A. Sommerfelt. *Sur la propagation des changements phonétiques*. «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», 4, 1930, стр. 101 и сл.

отчасти они совпадают с границами некоторых других диалектальных явлений (северной границей новых дифтонгов в Швеции и западной границей равновесия гласных в Норвегии).²⁸ Но этих диалектальных явлений я не буду касаться. На большей части этой обширной норвежско-шведской области [ɾ] сливается с последующим дентальным в альвеолярные [t̪ d̪ n̪ l̪], а «толстое l» сливается с последующим дентальным в какуминальные [t̪ d̪ n̪ l̪], и, таким образом, альвеолярные противопоставляются какуминальным. Ср., например, норвежские диалектальные [gá : ɲ] 'пряжа', где [ɲ] из [ɾn], и [gá : 'n] 'двор', где ['n] из «толстого l» + [n].²⁹ В некоторых диалектах они противопоставляются и в других случаях (см. стр. 139). В диалектах, где есть такое противопоставление, и альвеолярный сибилант [ʃ] противопоставлен какуминальному сибиланту ['s]. Внутри норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области (я буду условно так ее называть) есть центральная территория, где вместо сочетаний /ɾt̪ ɾd̪ ɾn̪ ɾs̪ ɾl̪/ представлены какуминальные [t̪ d̪ n̪ s̪ l̪], т. е. где альвеолярные слились с какуминальными.³⁰ В ряде шведских диалектов, впрочем, какуминальные неотличимы от альвеолярных.³¹ Наконец, на южной окраине «альвеолярно-какуминальной» области в Швеции вместо сочетаний /ɾt̪ ɾd̪ ɾn̪ ɾs̪ ɾl̪/ представлены дентальные [t̪ d̪ n̪ s̪ l̪], т. е. альвеолярные слились с дентальными.³² Но даже в той центральной части норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области, где вместо альвеолярных, как правило, представлены какуминальные, среди согласных есть все же по меньшей мере один альвеолярный, а именно /ɾ/, точно так же, как даже там, где есть альвеолярные [t̪ d̪ n̪ l̪], но нет какуминальных коррелятов этих альвеолярных,³³ среди согласных все же присутствует по меньшей мере один какуминальный — «толстое l». Потенциально оно присутствует и в норвежском, и шведском литературных языках (ср. стр. 137).

Из той шведской и норвежской диалектографической литературы, которая была мне доступна, очевидно, что фонематический статус согласных, представленных в диалектах в резуль-

²⁸ J. Brøndum-Nielsen. *Dialekter og Dialektforskning*. København, 1951, стр. 81.

²⁹ C. Borgström. *Innføring...*, стр. 40.

³⁰ J. A. Lundell. *Det svenska landsmålsalfabet...*, стр. 47 и сл.; J. Storm. *Norsk Lydskrift...*, стр. 101; A. Noreen. *Vårt språk*, стр. 448 и сл.; A. B. Larsen. *Oversigt...*, стр. 20; H. Christiansen. *Norske dialekter*, стр. 144.

³¹ См.: S. Landtmanson. *Studier över Västgötamålets l- och r-ljud*. Stockholm, 1905, стр. 61; A. I. Ålander. *Konsonanterna i Östergötlands folkmål*, I. Uppsala, 1932, стр. 196—197.

³² См.: A. I. Ålander. *Konsonanterna...*, стр. 262 и сл.; G. Danell. *Svensk ljudlära*, стр. 22; B. Malmberg. *Svensk fonetik*, стр. 57.

³³ Ср., например: J. A. Lundell. *Det svenska landsmålsalfabet...*, стр. 39.

тате слияния /г/ с последующим дентальным, в основном тот же, что и в литературных языках, и это, конечно, неудивительно, поскольку литературные языки Норвегии и Швеции основаны на диалектах «альвеолярно-какуминальной» области. Фонематический статус согласных, представленных в диалектах в результате слияния с последующим дентальным, определяется тем, что противопоставление этих согласных соответствующим дентальным широко используется для различения не только частей слов, но и целых слов, тогда как противопоставление этих согласных соответствующим сочетаниям согласных, как правило, вовсе не используется так. Однако и в диалектах иногда встречаются слова, в которых /г/ не сливается с последующим дентальным: отчасти это результат влияния литературного или письменного языка, т. е. языка церкви и школы,³⁴ отчасти — особых фонетических условий³⁵ или морфологической аналогии.³⁶ Таким образом создаются условия для спорадического противопоставления альвеолярных (или какуминальных) соответствующим сочетаниям согласных. Отличие от литературных языков заключается только в том, что в диалектах слияние /г/ с последующим дентальным происходит последовательней и случаев сохранения сочетаний /gd/ и других в них меньше. С другой стороны, и в диалектах альвеолярный (или какуминальный) согласный может возникнуть там, где соответствующего сочетания согласных никогда не было.³⁷

Казалось бы, что слияние /г/ с последующим дентальным /t d n l/ в соответствующий альвеолярный вполне достаточно объясняется свойствами сливающихся согласных: /г/ и следующие /t d n l/ взаимно ассимилируются таким образом, что в результате получается согласный, который сочетает часть свойств /г/, а именно его альвеолярность, и часть свойств дентального, а именно все его свойства, кроме самой дентальности, т. е. смычность или латеральность, глухость или звонкость,

³⁴ Примеры таких слов с /rd rʔ/ из диалекта юго-востока Норвегии приводит Хофф (I. Hoff. Skjetvemålet. «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, 2. kl., 1946», 1, 1946, стр. 216); примеры таких же (частично тех же!) слов из диалекта севера Швеции приводит Дальстедт (К.-Н. Dahlstedt. Det svenska Vilhelminamålet. Uppsala, 1950, стр. 151—152).

³⁵ Примеры слов с /rd/ в случае долгого г из диалекта одного из Лфу-тенских островов приводит Кристиансен (H. Christian sen. Gimsøy-målet, 1933, стр. 167).

³⁶ См., например: J. Reitan. Rørosmålet. «Det kgl. norske videnskabers selskabs skrifter». Trondheim, 1932, 6, стр. 123; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 264.

³⁷ Примеры такого альвеолярного или какуминального п приводит Сторм из норвежских диалектов (J. Storm. Norsk Lydskrift, стр. 105) и Люнделль — из шведских (J. A. Lundell. Det svenska landsmålsalfabet..., стр. 41). См. также: A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 211 и сл. и особенно: D. O. Zetterholm. Om supradentala och kakuminala n-ljud i nordiska språk. Uppsala, 1939, стр. 29 и сл.

оральность или назальность. Со скандинавской точки зрения, это объяснение кажется вполне достаточным, вероятно, еще и потому, что в Скандинавии такая ассимиляция является правилом всюду, где представлено переднеязычное г: ассимиляция эта, со скандинавской точки зрения, кажется как бы естественным результатом соприкосновения переднеязычного г с последующим дентальным. Но в том-то и дело, что в других языках, где представлено переднеязычное г (например, в русском), это /г/ не проявляет никакой тенденции к слиянию с последующим дентальным.

Почему же альвеолярность норвежско-шведского переднеязычного г оказывается «сильнее» альвеолярности переднеязычного г в других языках? «Сила» ее зависит, очевидно, от ее места в системе противопоставлений согласных. Если /г/ и /л/ — единственные плавные, если они стоят вне локальных рядов и противопоставлены друг другу как раскатистый нераскатистому или как нелатеральный латеральному, что имеет место в очень многих языках,³⁸ то альвеолярность, естественно, не является различительным признаком /г/ и поэтому при ассимиляции /г/ с последующим согласным не может стать различительным признаком того согласного, с которым /г/ ассимилируется. И наоборот: если альвеолярность /г/ становится различительным признаком того согласного, с которым /г/ ассимилируется, то она должна быть различительным признаком и самого /г/, т. е. тем признаком, по которому этот плавный противопоставляется по меньшей мере одному другому плавному.³⁹

Но какому же другому плавному противопоставляется норвежско-шведское /г/ по своей альвеолярности? Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться в том, что же представляет собой норвежско-шведское «толстое l».

Классическое фонетическое описание «толстого l» дал Сторм: «Настоящее так называемое „толстое l“ — наиболее ярко выраженный из всех какуминальных звуков, но оно не является чистым какуминальным l. Его образование... заключается в том, что сперва кончик языка поднимается к середине твердого нёба, не касаясь его, в результате чего в первое мгновение возникает г-образное скольжение, которое слишком бегло, чтобы нуждаться в обозначении; затем происходит главное движение, которое заключается в том, что кончик языка посредством одного удара продвигается вперед вдоль твердого нёба к зубам, в конце с беглым соприкосновением. Если этого соприкосновения нет совсем, звук приближается к спирантному какуминальному г; если соприкосновение становится большим, а движе-

³⁸ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 165.

³⁹ Об аналогичной зависимости направления ассимиляции от фонологического содержания ассимилирующихся фонем см. также выше, стр. III.

ние языка менее энергичным, произношение приближается к какуминальному *gd*. При этом ударе языка возникает своеобразный меняющийся звук, который мы называем „толстым *l*“, потому что для нас оно всего больше похоже на *l*; иностранцы обычно находят его более похожим на *g*... В „толстом *l*“ есть что-то от природы спиранта, а именно в первое мгновение; но в нем есть также что-то эксплозивное, так как в нем одно мгновение есть соприкосновение, и оно не поддается продлению. Таким образом, звук этот очень сложен и многообразен, в силу чего иностранцу и даже жителю западной Норвегии почти невозможно произнести его...»⁴⁰ Полемизуя с Люнделлем, А. Нурен замечает: «Это понимание [т. е. понимание „толстого *l*“ как „в основном“ *l*-образного звука. — М. С.-К] не может, однако, быть оправдано и, по-видимому, теперь большинством оставлено. Скорее „толстое *l*“ „в основном“ *g*-образный звук, как оно и воспринимается иностранцами, когда они слышат этот специфичный для скандинавских диалектов звук».⁴¹ Все же — и это, конечно, не случайно — норвежцы и шведы продолжают осознавать «толстое *l*» как *l* и всегда его так называют, тогда как иностранцы, которые, по общему признанию, не могут его произнести, всегда принимают его за *g*.

Уже из того, что «толстое *l*», сливаясь с последующим дентальным, дает какуминальный согласный (см. стр. 131), следует, что какуминальность — это различительный признак «толстого *l*», т. е. что оно относится к тому же локальному ряду, что и [‘t ‘d ‘n ‘s ‘l], представленные в шведско-норвежской «альвеолярно-какуминальной» области, но отличается от них наличием еще какого-то различительного признака. Таким его признаком, очевидно, могли бы быть при наличии *g*- и *l*-образных согласных либо раскатистость (нелатеральность), либо нераскатистость (латеральность). Однако место нераскатистого (латерального) какуминального уже занимает [‘l], которое противопоставляется «толстому *l*» по латеральности. Не случайно у Люнделля в таблице шведских диалектальных согласных «толстое *l*» занимает место какуминального *g*, а для последнего вообще не нашлось места,⁴² хотя нет сомнения в том, что такой согласный существует в шведских и норвежских диалектах.⁴³

⁴⁰ J. Storm. Norsk Lydskrift..., стр. 105—106; ср. также: Его же. Englische Philologie. I. Heilbronn, 1881, стр. 24; J. A. Lundell. Det svenska landsmålsalfabet..., стр. 48; A. Noreen. Vårt språk, стр. 452; A. B. Larsen. Oversigt..., стр. 19; H. Christiansen. Norske dialekter, стр. 18; G. Danell. Svensk ljudlära, стр. 24; B. Malmberg. Svensk fonetik, стр. 63. — Название «толстое *l*» (*l crassum*) принадлежит шведскому языковеду Буреусу (1568—1652).

⁴¹ A. Noreen. Vårt språk, стр. 452.

⁴² J. A. Lundell. Det svenska landsmålsalfabet..., стр. 21.

⁴³ На то, что в таблице Люнделля не нашлось места для какуминального *l*, указывали и шведские диалектологи (см., например: J. V. Lindgren. Burträskmålets grammatik. Stockholm, 1890, стр. 9).

В ряду какуминальных для «толстого l» находится место только в том случае, если оно оказывается среди раскатистых, и так его помещают некоторые диалектологи.⁴⁴ Это оказывается возможным, поскольку место какуминального г в шведских и норвежских диалектах, как правило, свободно. Вторым различительным признаком «толстого l», конечно, может быть только раскатистость, и это не противоречит его фонетической природе, так как в нем есть раскат (удар кончиком языка). Таким образом, по своему месту в системе противопоставлений шведско-норвежских согласных «толстое l» должно быть какуминальным г и обозначаться [ʔ]. Тогда норвежско-шведские ряды дентальных, альвеолярных и какуминальных в своем максимальном составе таковы:

t	d	n	s	l	
ʔ	ɖ	ɳ	ʂ	ʔ	ɾ
ˈt	ˈd	ˈn	ˈs	ˈl	ˈɾ

Однако у норвежско-шведского «толстого l» фонематический статус еще более сложен, чем у норвежских и шведских «альвеоляризованных дентальных», т. е. [ʔ ɖ ɳ ʂ]. Дело в том, что фонологическому содержанию «толстого l» противоречит его распределение. У «толстого l» есть сильная тенденция к комплементарному распределению с латеральным дентальным, или «тонким l», т. е. к слиянию с ним в одну фонему. Распределение «толстого l» и «тонкого l» несколько меняется от диалекта к диалекту, но общая тенденция этого распределения одинакова для всей норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области. Она заключается в том, что «толстое l» является правилом: 1) после гласного в конце слова или между гласными (но обычно не после наиболее закрытых гласных переднего ряда), 2) между гласным и согласным (но не дентальным), 3) между согласным (но обычно не дентальным) и гласным, а «тонкое l» является правилом во всех остальных случаях, т. е. в начале слова (однако в Даларна «толстое l» встречается и в начале слова), в удвоении, после наиболее закрытых гласных переднего ряда, рядом с дентальными.

Но эта общая тенденция ни в одном норвежском и шведском диалекте не находит завершения: «тонкое l» и «толстое l» все же встречаются в одинаковых положениях, т. е. потенциально или фактически противопоставляются друг другу. «Тонкое l» нередко представлено вместо ожидаемого «толстого l» в словах, заимствованных из другого языка или из лите-

⁴⁴ Например: A. B. Larsen. Kristiania bymål. Kristiania, 1907, стр. 8; Его же. Selbygmålets lydlære. «Norvegia», 2, 1908, стр. 11; T. Bogren. Torpmålets ljud- och formlära. Stockholm, 1921, стр. 3; E. B. Skånland. Saltamålet. Oslo, 1933, стр. 17.

ратурного языка,⁴⁵ в силу морфологической аналогии,⁴⁶ онома-топозитической функции «тонкого l»⁴⁷ или, наконец, того, что в данном слове когда-то раньше не было условий для появления «толстого l», а именно в словах, где перед /l/ выпал дентальный⁴⁸ (а после дентального обычно «тонкое l»), где /e/ перед /l/ возникло из дифтонга /ei/⁴⁹ (а после /i/ и /ei/ обычно «тонкое l»), где /l/ было раньше долгим⁵⁰ (а «толстое l» не бывает долгим) и т. п. Но все эти исторические «правила», установление которых сто́ит больших трудов историкам языка и диалектологам, тоже допускают исключения,⁵¹ поскольку распределение «толстого l» и «тонкого l», очевидно, никогда не было последовательно комплементарным, или чисто аллофоническим, и, следовательно, могло изменяться в силу морфологической аналогии, заимствований и т. д. Поэтому в ряде случаев спорно или вообще непонятно, почему вместо ожидаемого «толстого l» представлено «тонкое l».⁵² Случаи противопоставления «толстого l» и «тонкого l» в минимальных парах встречаются во всех норвежских и шведских диалектах.⁵³ Однако противопоставле-

⁴⁵ См., например: S. Landtmanson. Studier..., стр. 36 и сл.; A. B. Larsen. Selbygmalets lydlære, стр. 240 и сл.; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 168 и сл., 175 и сл., 184, 190 и сл.; G. Areskog. Östra Smålands folkmål. Lund, 1936, стр. 22; J. Reitan. Aalens maalføre. «Skrifter udgivne af Videnskabsselskab i Christiania, 2. kl., 1906», 4, 1906, стр. 45; V. Rikshheim. Ljodvoksteren i Vefns-maalet. Kristiania, 1921, стр. 49; I. Hoff. Skjetvemålet, стр. 212; O. Skulerud. Tinnsmaalet, I. Halle, 1922, стр. 378 и сл.; H. Dale. Lydverket i Sålumsmålet. Oslo, 1953, стр. 50.

⁴⁶ См., например: A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 135, 140; J. Reitan. Rørosmålet, стр. 137.

⁴⁷ См., например: S. Landtmanson. Studier..., стр. 53; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 163.

⁴⁸ См., например: J. Reitan. Aalens maalføre, стр. 45; G. Areskog. Östra Smålands folkmål, стр. 22.

⁴⁹ См., например: S. Landtmanson. Studier..., стр. 6; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 155; I. Hoff. Skjetvemålet, стр. 210. — Речь здесь идет в основном о слове *hel* 'целый', но «тонкое l» в нем объясняется и тем, что это слово стояло в неударном положении (G. Areskog. Östra Smålands folkmål, стр. 22).

⁵⁰ См., например: A. B. Larsen. Selbygmalets lydlære, стр. 41; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 139 и сл.; O. Skulerud. Tinnsmaalet, стр. 379.

⁵¹ См., например: S. Landtmanson. Studier..., стр. 62; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 140 и сл.

⁵² См., например: I. Hoff. Skjetvemålet, стр. 213.

⁵³ Еще А. Кокк приводил из диалекта Дергерфорса пару *själ* 'тюлень' (с «толстым l») и 'душа' (с «тонким l») (А. Кокк. Till frågan om supradentalt l och n i det nordiska fornspråket. «Arkiv för nordisk filologi», 5 (9), 1893, 257). В работе Оляндера встречается пара дел 'сосок свиный' (с «толстым l») и 'часть' (с «тонким l») (А. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 165 и 168), в работе Арескуг — пара *pil* 'ива' (с «толстым l») и 'стрела' (с «тонким l») (G. Areskog. Östra Smålands folkmål, стр. 22), в работе Ландтмансона — пара *kil* 'клинообразный клочок' (с «толстым l») и 'клин как инструмент' (с «тонким l») (S. Landtmanson. Studier..., стр. 37) и т. д. Диалекты норвежских диалектов Боргстрем приводит пары /há : l/ 'тащи' и /há : l/ 'твердый' /'ó : l/ 'пиво' и /'ó : l/ 'тепло', /stó : l/ 'пастбище' и /stó : l/ 'одеревеневший' (S. Borgstrøm. Innføring..., стр. 40; l — обозначение «толстого l»).

ние это не используется широко в силу того, в частности, что в распределении «толстого l» и «тонкого l» обычно есть колебания в пределах одного говора и даже у того же самого говорящего.⁵⁴

«Толстое l» потому, конечно, и осознается шведами и норвежцами как l, а не r, что оно имеет тенденцию к комплементарному распределению с «тонким l», т. е. к слиянию с ним в одну фонему, но всегда четко противопоставлено фонеме /r/. Носители языка в данном случае стихийно стоят на строго функциональной точке зрения. Возможно, играет роль и то, что в литературном норвежском и шведском произношении «толстому l», как правило, соответствует «тонкое l» (за исключением некоторых слов, где «толстому l» соответствует в написании rd, а в произношении [r], [d] или [rd]). Между тем иностранец, в языке которого нет «толстого l» и всех связанных с ним фактов, но есть два плавных — раскатистый и латеральный, — стихийно стоит на строго фонетической точке зрения и, не колеблясь, отождествляет «толстое l» с раскатистым. А иностранец, в языке которого есть только один плавный, вообще не поймет, о чем идет спор.

Для «толстого l» так же, как для альвеолярных, возникших из сочетания /r/ с дентальным, характерна известная функциональная неполноценность. Но если для альвеолярного эта неполноценность объясняется тем, что процесс становления новой фонемы еще не завершился, то для «толстого l» она скорее объясняется тем, что не завершился процесс исчезновения фонемы. В первом случае синтагматическое слияние в сочетаниях /rt rd rn rs rl/ приводит к парадигматическому расщеплению каждой из старых фонем, т. е. /t d n s l/ на две новые — /t/ и /t/, /d/ и /d/, /n/ и /n/, /s/ и /s/, /l/ и /l/. Во втором случае синтагматическое перераспределение двух фонем — /l/ и «толстого l» — привело их к частичному парадигматическому слиянию.

По-видимому, положение «толстого l» в норвежском и шведском литературном языках связано с его фонематическим статусом в диалектах. В восточнорвежском произношении риксмолла «толстое l» может появляться в некоторых словах с особой экспрессивной функцией, т. е. оно может в некоторых случаях быть стилистическим вариантом «тонкого l»⁵⁵ и, таким образом, потенциально присутствует в системе согласных. В Швеции оно считается нелитературным. Однако, по словам Оляндера, его можно услышать и у говорящих на литературном языке, «в других отношениях безупречном»,⁵⁶ а по словам Данелля, «несмотря на то, что общепринято считать его очень не-

⁵⁴ Ср., например: В. Riksheim. Ljodvoksteren..., стр. 50.

⁵⁵ С. Borgstrøm. Innføring..., стр. 29.

⁵⁶ А. I. Alander. Konsonantern..., стр. 133.

красивым звуком, оно фактически применяется большим количеством говорящих на литературном языке».⁵⁷ Так что и в Швеции оно потенциально присутствует у говорящих на литературном языке.

Известно, однако, что «толстое l» занимало раньше более прочное положение в шведском языке, и этапы его постепенного вытеснения из литературного произношения в XVII—XVIII вв. хорошо прослеживаются отчасти по написаниям (gd вместо l в словах, где «толстое l» возникло из gđ; см. стр. 142), отчасти по высказываниям современников.⁵⁸ Обычно это вытеснение объясняется в конечном счете влиянием нижненемецкого языка, который в средние века был распространен в шведских городах.⁵⁹ Однако, не говоря уже о чисто хронологических трудностях, которые представляет такое объяснение (нижненемецкое влияние имело место в шведских городах до XVI в., а формирование шведской литературной нормы началось с XVI в.), непонятным остается при таком объяснении, с одной стороны, почему нижненемецкое влияние сказалось в Швеции в вытеснении только «толстого l», но не каких-либо других исконных особенностей шведской фонетики, а с другой стороны, почему положение «толстого l» в восточнорвежском литературном произношении (которое основано на диалектах, где неизменно представлено «толстое l») точно такое же, как и в центральношведском литературном произношении, хотя в отношении восточнорвежского литературного произношения не может быть и речи о нижненемецком влиянии. Более вероятно поэтому, что вытеснение «толстого l» из шведского литературного произношения, как и непринятие его в произношение норвежского риксмала, объясняется какой-то общей особенностью норвежско-шведского «толстого l», скорее всего — противоречием между его распределением и его фонологическим содержанием, противоречием, которое не вяжется с нормативной тенденцией литературного произношения.

⁵⁷ G. Danell. Svensk ljudlära, стр. 22. — В городах средней Швеции его употребляют, по словам Ердмана, чаще мужчины, чем женщины, и образованные мужчины значительно чаще, чем образованные женщины (O. Gjerdmann. Studier öfver de sörländska stadmälen kvalitativa ljudlära. Uppsala, 1918, стр. 62), что объясняется, очевидно, его стилистической экспрессивностью.

⁵⁸ A. Noreen. Vårt språk, 4. Lund, 1918 стр. 295 и сл.; E. Wessén. Svensk språkhistoria, 1. Stockholm, 1958, стр. 144 и сл.; Его же. Våra folk-mål, стр. 21; см. также: N. Beckman. Bidrag till kannedomen om 1700-tallets svenska huvudsakligen efter Sven Hofs arbeten. Lund, 1895, стр. 15; H. Lindroth. J. Th. Bureus, den svenska grammatikens fader. Lund, 1911—1912, стр. 207.

⁵⁹ Это объяснение давал О. фон Фрисен в своих лекциях (см.: O. Gjerdmann. Studier..., стр. 61 и сл.; J. Brøndum-Nielsen. Dialekter og Dialektforskning, стр. 81; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 133; Ср. также: E. Wessén. Våra folkmal, стр. 21.

Норвежско-шведское слияние /г/ с последующим дентальным в альвеолярный согласный — это, конечно, как живая, так и историческая ассимиляция.⁶⁰ Живая, поскольку она происходит автоматически и, в частности, в sandhi, т. е. в сочетаниях, вновь и вновь возникающих в речи. Она живая также и потому, что слова с альвеолярным, образовавшимся из сочетания согласных, еще не вытеснили полностью из языка варианты тех же слов с неассимилированным сочетанием согласных. Но ассимиляция эта историческая, поскольку есть все же слова, в которых она не произошла. Она историческая также и потому, что она бывает сильнее там, где она произошла более давно.

Еще Storm указал на различие между «старым соприкосновением», т. е. ассимиляцией внутри корневой морфемы или на стыке морфем внутри слова, и «новым соприкосновением», т. е. ассимиляцией в sandhi, в новых заимствованиях, в производных или сложных словах, элементы которых не слились, а также между согласными, которые пришли в соприкосновение в результате недавнего выпадения промежуточного согласного.⁶¹ В тех норвежских диалектах, где /г/, сливаясь с дентальным, дает то альвеолярный, то какуминальный, в «новом соприкосновении» оказывается нередко альвеолярный, а в «старом соприкосновении» — какуминальный.⁶² Ср., например, [ká:t:] 'незрелая ягода' и [ká:t:] 'географическая карта' (новое заимствование).⁶³ Однако характер ассимиляции может зависеть не только от ее древности, но и от частоты употребления слова.⁶⁴ Кроме того, поскольку альвеолярный и его какуминальный коррелят — это самостоятельные фонемы, а не аллофоны одной фонемы, распределение их может регулироваться морфологической аналогией. Поэтому даже в отношении тех норвежских диалектов, где ассимиляция /г/ с дентальным дает то альвеолярный, то какуминальный, из распределения этих согласных отнюдь не всегда можно заключать о большей или меньшей древности ассимиляции.

Попытки датировать взаимную ассимиляцию /г/ с последующим дентальным по некоторым спорадическим написаниям дают сомнительные результаты. Высказывалось предположение, что спорадические написания bagen, biögen (вместо barn, biörn) в шведских памятниках XVII в. свидетельствуют о том, что в со-

⁶⁰ На возможность таких случаев, пограничных между исторической и живой ассимиляцией, указывает Дит (E. Dieth. *Vademekum der Phonetik*, стр. 307—308).

⁶¹ J. Storm. *Norsk Lydskrift*..., стр. 96.

⁶² H. Christiansen. *Norske dialekter*, стр. 145; H. Dalen. *Lydverket i Sålumsålet*, стр. 50.

⁶³ J. Reitan. *Aalens maalføre*, стр. 36; H. Christiansen. *Norske dialekter*, стр. 145.

⁶⁴ J. Reitan. *Rørosålet*, стр. 123.

четании /gn/ ассимиляция еще не произошла.⁶⁵ Между тем для норвежских памятников XIII—XIV вв. спорадические написания gageþe вместо garðe и hvegn вместо hvegn и подобные принимались, наоборот, за попытку дифференциации согласных, которые в разговорной речи уже ассимилировались.⁶⁶ Но, не говоря уже о том, что возможность таких противоположных истолкований делает сомнительными сами эти истолкования, мало вероятно, что взаимная ассимиляция /г/ с дентальным произошла в Швеции на полтысячелетия позднее, чем в Норвегии. Конечно, она едва ли происходила одновременно по всей норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области и могла начаться неодновременно в сочетаниях с разными дентальными, а именно она могла начаться раньше в сочетании /rt/ (сочетания /rd/ в древненорвежском и древнешведском первоначально вообще не было, а в сочетаниях /gn rl rs/ в древненорвежском и древнешведском происходила не взаимная, а регрессивная ассимиляция /gn>nn rl>ll rs>ss/⁶⁷). Однако взаимная ассимиляция /г/ с последующим дентальным была все же явно проявлением единой и общей норвежско-шведской тенденции развития согласных и должна быть связана с другими проявлениями той же тенденции. За свидетельство того, что в сочетании /rt/ уже произошла альвеоляризация или какуминализация, принимали также написания lt вместо rt (а именно altið вместо ártið) в норвежских памятниках XIII в.⁶⁸ и rt вместо lt (а именно Aertwiik вместо *Eiþtávik) в норвежском памятнике XV в.⁶⁹

Однако, поскольку эти написания спорадические, они могут быть также свидетельством спорадического перехода /г>л/ и /л>г/, которые имели место в Скандинавии как в «альвеолярно-какуминальной» области,⁷⁰ так и вне ее.⁷¹ Кроме того, ссылки на

⁶⁵ A. Noreen. Vårt språk, 4, Lund, 1918, стр. 300; E. Wessén. Svensk språkhistoria, 1, стр. 146; ср.: H. Lindroth. J. Th. Bureus..., стр. 222 и сл.

⁶⁶ D. A. Seip. Om Bortfall av ð i norsk. В кн.: Studier i norsk språkhistorie. Oslo, 1934, стр. 79; Его же. Gammelnorske genitivformer som gudes, virduleghes o. fl. Там же, стр. 124; ср.: S. Kolsrud. Um e og æ i cod. Holm. isl. membr. no. 34 in 4to. «Aktiv för nordisk filologi», 29, (33), 1916, стр. 284.

⁶⁷ D. A. Seip. Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo, 1955, стр. 52, 79, 173—174; A. Noreen. Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1904, стр. 223—224.

⁶⁸ D. A. Seip. Om bortfall av ð i norsk, стр. 77; Его же. Norsk språkhistorie..., стр. 177, — со ссылкой на: A. B. Larsen. Vokalførlængelser i de norske bygdemaal. «Maal og minne», 1914, стр. 150; ср.: M. Hægstad. Vestnorske maalføre fyre 1350. «Videnskapsselskapets skrifter, 2. kl., 1914», 5, 1915, стр. 92; A. Noreen. Altisländische Grammatik, стр. 185, — где приводятся также примеры написания rd вместо ld; ls вместо rs и т. п.; O. Skulerud. Tinnismaalet, стр. 422.

⁶⁹ I. Hoff. Skjetvemålet, стр. 215.

⁷⁰ A. Noreen. Altisländische Grammatik, стр. 186; D. A. Seip. Norsk språkhistorie..., стр. 289.

⁷¹ Chr. Lisse. Om konsonantovergangen r>l i dansk. В кн.: Festschrift til P. Skautrup. Aarhus, 1956, стр. 155 и сл.

эти написания, по-видимому, подразумевают то, что в логике называется *petitio principii*: написания эти только в том случае свидетельствовали бы о происшедшей альвеоляризации или какуминализации, если бы было установлено, что буква *l* могла выражать альвеолярность или какуминальность последующего согласного, т. е. что само */l/* было в известных положениях «полутолстым» или «толстым». Но ведь это как раз то, что данные написания должны доказать.

Конечно, альвеоляризация и какуминализация не могли начаться до того, как альвеолярность и какуминальность не стали различительными признаками двух разных *g*, т. е. до появления «толстого *l*». Поэтому история альвеолярных и какуминальных в норвежском и шведском — это прежде всего история разных *g*.

После того как произошло слияние */g/* и */R/*,⁷² плавные, т. е. */g/* и */l/*, не входили в древнорвежском и древнешведском ни в какие локальные корреляции и в этом отношении были изолированы среди согласных. Правда, в классических работах по исторической фонетике скандинавских языков (и прежде всего в работах Акселя Кокка) утверждалось, что в древнескандинавских языках и даже в праскандинавском *l* было дентальным в одних, строго определенных положениях в слове и «толстым *l*» (его называли также супрадентальным или какуминальным) — в других, примерно в соответствии с распределением «тонкого *l*» и «толстого *l*» в современных норвежских и шведских диалектах, а именно: оно было дентальным в начале слова, в удвоении и в старом соприкосновении с дентальным (относительно некоторых других случаев не было единство мнения) и «толстым *l*» в остальных положениях.⁷³ Кокку, несомненно, удалось блестяще

⁷² В Норвегии это слияние произошло еще в дописьменное время, в некоторых диалектах, вероятно, еще в IX в. (A. Noreen. *Altisländische Grammatik*, стр. 192; F. Jónsson. *Norsk-islandske kultur- og sprogforhold i 9. og 10. årh.*, «Historisk-filologiske meddelelser udgivne af Det kgl. danske Videnskaberne Selvkab», 3, 1920—1921, 2, стр. 262 и сл.; D. A. Seip. *Norsk språkhistorie...*, стр. 53); в Швеции — к началу XIII в. (A. Noreen. *Altschwedische Grammatik...*, стр. 221). Подробнее об этом слиянии см. выше, стр. 31.

⁷³ A. Kock. *Om svenskans behandling af ljudförbindelsen iü ock om fornsvenskans l-ljud*. «Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folklif», 2, 1880—1887, 12, стр. 12; Ego же. *Studier öfver fornsvensk ljudlära*, 2. Lund, 1886, стр. 464 и сл. Ego же. *Till frågan...*, стр. 254 и сл.; Ego же. *Bidrag till fornordisk ljudlära*. «Arkiv för nordisk filologi», 14 (18), 1902, стр. 150 и сл.; A. Noreen. *Geschichte der nordischen Sprachen*. Strassburg, 1905, стр. 577; Ego же. *Altschwedische Grammatik...*, стр. 41; Ego же. *Grunddragen av den fornsvenska grammatiken*. Stockholm, 1910, стр. 1; Ego же. *Altisländische Grammatik*, стр. 42; H. Pipping. *Till frågan om l- och n-ljudens kvalitet i de nordiska språken*. «Studier i nordisk filologi», 6, 1914, стр. 1—56; Ego же. *Inledning till studiet av de nordiska språkens ljudlära*. Helsingfors, 1922, стр. 153; Cp. также: J. Brøndum-Nielsen. *Gammeldansk Grammatik...*, 1, стр. 80; R. Iversen. *Norrøn grammatik*. Oslo, 1955, стр. 19. — В одной своей работе Storm даже назвал «толстое *l*»

доказать, что /l/ имело в разных и строго определенных положениях разные локализации (т. е. было дентальным или веллярным и т. д.). Но и только. Именно поскольку эти положения были строго определенными, разные l были лишь аллофонами одной фонемы, и определенная локализация не была различительным признаком этой фонемы. Будучи единственными плавными, /l/ и /г/, т. е. латеральный и раскатистый, должны были быть противопоставлены по этим своим признакам, т. е. раскатистости (нелатеральности) — нераскатистости (латеральности). В силу этого латеральный плавный мог широко варьировать в отношении своей локализации в зависимости от своего положения в слове и, в частности, мог иметь своим аллофоном веллярное l, но он никак не мог иметь своим аллофоном раскатистый плавный, т. е. «толстое l». Точно так же и для раскатистого плавного определенная локализация не должна была быть различительным признаком, и это подтверждается легкостью, с которой раскатистый плавный подвергался регрессивной ассимиляции со стороны согласных с другой локализацией, а именно ассимиляциям /gn/ > nn rs > ss rl > ll/ (ср. стр. 140).

Таким образом, ни фонетическая природа «толстого l», ни его фонематический статус не могут восходить к тому или иному аллофону праскандинавского /l/. Распространение «толстого l» на территории Швеции и Норвегии тоже свидетельствует о том, что оно скорее всего норвежско-шведское новшество (подобно «равновесию гласных», сдвигу /o:/ и /u:/ и т. д.) и, следовательно, относится к эпохе, для которой характерны такие новшества, т. е. к эпохе, когда праскандинавское языковое единство уже давно распалось.

Многие высказывали предположение, что «толстое l» впервые возникло в результате ассимиляции в древнорвежском и древнешведском сочетании /gð/ и потом как-то появилось в ряде положений вместо «исторического l». ⁷⁴ В свете того, что было сказано выше о месте «толстого l» в системе согласных (стр. 135), всего вероятнее, конечно, что оно действительно развилось из аллофона фонемы /г/ в сочетании /gð/. Ассимиляция в этом сочетании должна была в таком случае заключаться в том, что вновь образовавшийся согласный соединял в себе различитель-

«далеким отзвуком» русского «твердого l», которое якобы проникло в древности из Руси в Швецию и потом в Норвегию (J. Storm. Om Nabolandsprog og Grænsedialekter. «Videnskabselskabets Skrifter», 2. kl., 1911, 4, стр. 8).

⁷⁴ J. Storm. Norsk Lydskrift..., стр. 106—107; A. B. Larsen. Kristiania bymål, стр. 74; H. Christensen. Norske dialekter, стр. 19, 138; D. A. Seip. Norsk språkhistorie..., стр. 177; E. Wessén. Svensk språkhistoria, 1, стр. 144. — По-видимому, однако, некоторые считают возможным, что «толстое l» развилось одновременно из сочетания /gð/ и из «исторического l» в некоторых его положениях (ср.: A. Sommerfelt. Sur la propagation..., стр. 102; G. Indrebø. Norsk målsoga. Bergen, 1951, стр. 133; C. Borgstrøm. Innføring..., стр. 106).

ный признак фонемы /г/ — раскатистость (ее фонетической спецификой было то, что она представляла собой один раскат, первоначально — движение кончика языка в сторону зубов при переходе от /г/ к /д/) и новый различительный признак — какуминальность (она фонетически могла развиваться в данном аллофоне фонемы /г/ именно потому, что для данного аллофона был характерен один раскат и что /г/ варьировало в отношении своей локализации). Исчезновение /д/ как фонемы из системы согласных должно было, по-видимому, быть решающим моментом в возникновении «толстого l» как фонемы. С исчезновением /д/ как фонемы какуминальный аллофон фонемы /г/, возникший в сочетании /гд/, переставал быть представителем этого сочетания и превращался в полноценную фонему, противопоставленную как /г/, так и /л/.

В Норвегии фонема /д/ исчезла, по Сейпу, во второй половине XIII в.⁷⁵ В Швеции это произошло, по Вессену, только в XVI—XVII вв.⁷⁶ Возникновение «толстого l» из /гд/ в Норвегии обычно тоже относят к XIII в.⁷⁷ Впрочем, Лашен относил его возникновение, по-видимому, к более раннему времени.⁷⁸ Сейп приводит написания *ð* (d) или *g* вместо *gd* от XIII в. как свидетельства возникновения «толстого l».⁷⁹ Может быть, более важно для датировки его возникновения то, что /a/ перед /гд/ в норвежском в результате удлинения дало /a:/, а не /o:/, а /o:/ аналогично дало /u:/, а не /o:/, откуда следует, что гласный в этом положении удлинился после перехода /a:>o:/ и до перехода /o:>u:/, т. е. примерно в XIII в., и, следовательно, к этому же времени относится возникновение «толстого l», поскольку удлинение гласного перед /гд/ означало, по-видимому, слияние этого сочетания в «толстое l».⁸⁰

«Толстое l» тогда, несомненно, еще ни в каком смысле не было l. Оно стало функциональным l только тогда, когда вытеснило некоторые (возможно, веллярные) аллофоны фонемы /l/, т. е. частично слилось с ним. Но написания l вместо *gd*, свидетельствующие о том, что «толстое l» вытеснило некоторые аллофоны /l/, появляются значительно позднее. Единичные примеры таких написаний от XIV в., которые приводили Кокк,⁸¹ Нурен⁸²

⁷⁵ D. A. Seip. Norsk språkhistorie. . . , стр. 160.

⁷⁶ E. Wessén. Svensk språkhistoria, 1, стр. 143, (ср.: A. Noreen. Vårt språk, 4, стр. 288 и сл.).

⁷⁷ G. Sjöstedt. Studier över r-ljuden. . . , стр. 299.

⁷⁸ A. B. Larsen. Kristiania bymål, стр. 71.

⁷⁹ D. A. Seip. Om bortfall av *ð* i norsk, стр. 78; Его же. Norsk språkhistorie. . . , стр. 177, 159.

⁸⁰ D. A. Seip. Om bortfall av *ð* i norsk, стр. 77; Его же. Norsk språkhistorie. . . , стр. 177.

⁸¹ A. Kock. Till frågan. . . , стр. 264 (*þiufvala bot* вместо *þiufvarþa bot*).

⁸² A. Noreen. Altisländische Grammatik, стр. 185 (*Fingal* вместо *Fingarðr* и др.); Его же. Altschwedische Grammatik. . . , стр. 215 (*Swaldesjö* вместо *Swardsjö*).

и Сторм,⁸³ не вызывают доверия.⁸⁴ Надежные примеры таких написаний относятся только к XV или даже XVI вв., и обильными они становятся только в XVII в.⁸⁵ Таким образом, слияние «толстого l» с /l/, во всяком случае в Норвегии, началось далеко не сразу после возникновения «толстого l» как фонемы. Поэтому кажется парадоксальным, что область распространения «толстого l» в положениях «исторического l» шире, чем область распространения «толстого l» в положениях, где было раньше /gð/.⁸⁶ Однако еще Сторм объяснил этот парадокс: «толстое l» распространилось на окраину «альвеолярно-какуминальной» области, когда /gð/ там уже давно стало /r/ и, следовательно, не могло стать «толстым l».⁸⁷

Понятно, почему «толстое l» с такой легкостью стало сливаться с другой фонемой: какуминальность была совершенно новым различительным признаком, и этот признак был пока что представлен только в одной фонеме. Понятно также, почему «толстое l» стало сливаться с /l/, а не /r/. Конечно, фонетически «толстое l» имело общее с обоими плавными, т. е. и с /l/, и с /r/. Его близость с /r/ сказалась, в частности, в ряде sporadических переходов «толстого l» в /r/ в отдельных словах и таких же обратных переходах /r/ в «толстое l».⁸⁸ Но дело в том, что «толстое l» стало сливаться с той фонемой, которая была не только фонетически близка к ней, но и наиболее широка по своему фонологическому содержанию. В то время /l/ было вне локальных рядов (/l/ и /'l/ еще не появились!), тогда как /r/ с появлением «толстого l» стало противопоставленным ему как альвеолярное г какуминальному.

Если это так, то естественно предположить, что слияние «толстого l» с /l/ потому и не завершилось, что фонологическое содержание /l/ начало сужаться в силу альвеоляризации и какуминализации /t d n s l/ и, следовательно, с появлением альвеолярного и какуминального l. С их появлением для l стало невозможным иметь дентальный (т. е. «тонкое l») и какуминальный (т. е. «толстое l») своими аллофонами. С другой стороны, с появлением новых альвеолярных и какуминальных «толстое l» переставало быть единственным какуминальным, его положение в системе противопоставления согласных укреп-

⁸³ J. Storm. Norsk Lydskrift..., стр. 106 (Giulsson вместо Giurðsson).

⁸⁴ См.: O. Skulerud. Tinnsmålet, стр. 423; D. A. Seip. Norsk språkhistorie..., стр. 289.

⁸⁵ G. Sjöstedt. Studier över r-ljuden..., стр. 285 и сл.; E. Wessén. Svensk språkhistoria, I, стр. 144.

⁸⁶ J. Storm. Norsk Lydskrift..., стр. 107; A. B. Larsen. Oversigt..., стр. 20, 33, 49, 56, 96; H. Christensen. Norske dialekter, стр. 139.

⁸⁷ J. Storm. Norsk Lydskrift..., стр. 107.

⁸⁸ См., например: S. Landtmanson. Studier..., стр. 66 и сл.; H. Lindroth. J. Th. Bureus..., стр. 206; A. I. Alander. Konsonanterna..., стр. 197 и сл., 281 и сл.; A. Janzén. Frodæng-Floæng-Flöæng. «Namn och bygd», 1960, стр. 91; O. Skulerud. Tinnsmålet, стр. 404, 426.

лялось, и это тоже препятствовало завершению его слияния с /l/. Таким образом, фонологические соображения заставляют предполагать, что альвеоляризация и какуминализация /t d n s l/ начались тогда, когда происходил процесс слияния «толстого l» с l. Впрочем, как показывает положение на окраинах «альвеолярно-какуминальной» области,⁸⁹ ассимиляции эти могли иметь ряд промежуточных ступеней или происходить не всюду.

С другой стороны, поскольку началом «альвеолярно-какуминальной» тенденции было возникновение «толстого l», т. е. какуминального согласного, какуминализация дентальных должна была начаться раньше их альвеоляризации. Отсюда понятно, почему ассимиляция /g/ с последующим дентальными в некоторых случаях давала какуминальный, а не альвеолярный: альвеолярные имели в системе согласных менее прочное положение, чем какуминальные, и могли сливаться с ними. Понятно также, почему «старое соприкосновение» (см. стр. 139), как правило, давало какуминальный, а «новое соприкосновение» — альвеолярный.

Возникновение «толстого l» как фонемы было самым крупным изменением в истории системы согласных норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области. Оно было возникновением совершенно нового различительного признака в системе согласных — какуминальности — и расщеплением раскатистого плавного на две фонемы — альвеолярный раскатистый и какуминальный раскатистый (т. е. превращением и альвеолярности в различительный признак). Противопоставление альвеолярного раскатистого какуминальному создало предпосылки для слияния этих раскатистых с последующими /t d n s l/ в новые альвеолярные и какуминальные фонемы — /t̥ d̥ n̥ s̥ l̥/ и /t̥ d̥ n̥ s̥ l̥/ — и противопоставления альвеолярных и какуминальных дентальным, т. е. превращения и дентальности в различительный признак. Таким образом, для всей норвежско-шведской «альвеолярно-какуминальной» области, т. е. той области, где представлены «толстое l» и альвеолярное g, с момента появления «толстого l» общей тенденцией развития системы согласных было включение плавных в локальные корреляции и расщепление переднеязычных на три коррелятивных локальных ряда — дентальные, альвеолярные и какуминальные.

Тенденция эта действует уже по меньшей мере в течение семи веков. Однако она остается только тенденцией. Вновь возникающие фонемы неустойчивы, они сливаются парадигматиче-

⁸⁹ J. A. Lundell. *Det svenska landsmålsalfabet...*, стр. 34 и сл.; H. Christiansen. *Norske dialekter*, стр. 144—145. Ср., например: A. Noreen. *Färomålets ljudlära*. «Nyare bidrag till kännedom om de svenska landsmålen ock svenskt folklif», 1, 1879, стр. 312; D. A. Seip. *Lydverket i Asdølsmålet*. Kristiania, 1915, стр. 15.

ски с родственными фонемами («толстое l» сливается с «историческим l», альвеолярные сливаются со своими какуминальными или дентальными коррелятами), в функционировании новых фонем есть ряд ограничений и непоследовательностей. И это не удивительно: язык «как система» существует только в декларациях; в действительности «система» — это только тенденция развития языка.

К ТРАНСКРИПЦИИ

В настоящих очерках *i*, *æ* — это открытые *i*, *e*; *y*, *ø*, *ʏ*, *œ*, *ɔ* — это огубленные *i*, *e*, *ɪ*, *æ*, *a*; *ā* — это носовое *a*; *ʃ*, *ð*, *ʒ* (или *q*) — это губногубной, переднеязычный и заднеязычный щелевые звонкие; *þ*, *χ* — это переднеязычный и заднеязычный щелевые глухие, но как исландские фонемы — это глухие или звонкие в зависимости от положения; *k'*, *g'* — это палатализованные *k*, *g*; *n*, *m*, *l*, *r* — это глухие *n*, *m*, *l*, *r*; *t*, *ɸ*, *ɳ*, *ʂ*, *l* — это альвеолярные *t*, *d*, *n*, *s*, *l*; *t'*, *d'*, *n'*, *s'*, *l'*, *r'* — это какуминальные *t*, *d*, *n*, *s*, *l*, *r*; *ŋ* — это носовое *g*. В косых скобках дается фонематическая транскрипция, в квадратных — фонетическая. Долгота обозначается двоеточием или надстрочной чертой. В исландских словах в транскрипции ударение не обозначается, так как оно всегда на первом слоге. В норвежских словах значок ' обозначает акцент *í* (акут).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
К теории звуковых изменений	4
Старшие руны и праскандинавские фонемы	25
Скандинавский ротацизм	31
Скандинавское преломление	39
Скандинавский умляут на <i>i</i>	47
Система гласных в исландском и ее история	55
Возникновение диалектальных различий в исландском	79
Исландское передвижение согласных	90
Возникновение шумных коррелятов носовых и плавных согласных фонем в исландском	108
Исландско-норвежские изменения согласных	115
Возникновение альвеолярных и какуминальных в норвежском и шведском	127
К транскрипции	147

Стеблин-Каменский Михаил Иванович

Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков

Художник *И. З. Семенцов*

Редактор *Л. А. Карпова*

Техн. редактор *Н. А. Елизарова* Корректоры *Е. К. Леякова, А. Б. Снисаренко*

Сдано в набор 14 IV 1966 г. Подписано к печати 9 XII 1966 г.

Уч.- изд. л. 10,08. Печ. л. 9,25. Бум. л. 4,63. Формат бум. 60×90^{1/15}.

Тираж 855 экз. Заказ 568. Цена 72 коп.

Тематический план 1966 г., № 150.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград, В-164, Университетская наб., 7/9.

